Терцы.

СБОРНИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКИХЪ, БЫТОВЫХЪ

и

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ

о

ТЕРСКОМЪ КАЗАЧЬЕМЪ ВОЙСКѢ.

ф. 31-26715

СОСТАВИЛЪ

Войсковой Старшина А. РЖЕВУСКІЙ.

Р с 11

Владикавказъ.

Типографія Областнаго Правленія Терской Области.

1888.

Съ разрѣшенія Войсковаго Наказнаго Атамана Кавказскихъ казачьихъ войскъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ

ВСѢХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

1

ПІОНЕРЫ РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА

НА КАВКАЗѢ.

Терскіе казаки справедливо гордятся своею трехвѣковою осѣдлою жизнью на Кавказѣ. Изъ рода въ родъ передаютъ они боевыя историческія воспоминанія о подвигахъ предковъ. Въ веселой бесѣдѣ, «за чепуркой родительскаго,» ведутъ они свои повѣствованія, въ назиданіе молодому поколѣнію. Разсказы о томъ, какъ бились Терцы-Линейцы съ вражескими полчищами въ городкахъ Гребенскихъ и Семейныхъ и какъ били челомъ Грозному о свинцѣ и порохѣ, весьма интересны и назидательны. Походъ съ Петромъ Великимъ въ Дербентъ и, въ особенности, походъ, по волѣ Петра, съ Княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву, гдѣ погибли всѣ 500 отборныхъ Гребенскихъ казаковъ, не перестаютъ жить и до сихъ поръ въ устахъ Гребенскихъ казаковъ—и вообще у жителей низовьевъ Терека.

Но то было время давно уже пережитое предками и еще недостаточно подробно освѣщенное историческими изслѣдованіями, тогда какъ болѣе живой интересъ въ разсказахъ Терскихъ казаковъ относится къ ближайшему къ намъ времени, пережитому еще въ живыхъ находящимися свидѣтелями. Періодъ второй половины прошлаго и первой настоящаго столѣтія переполненъ цѣлымъ рядомъ воспоминаній, при которыхъ еще и теперь трепещетъ ретивое—либо отъ радости боевыхъ успѣховъ, либо отъ пережитаго ужаса кровавыхъ событій. Не станемъ повторять деталей разсказовъ изъ прош-

лаго вѣка, когда, только что поселенные по Тереку, рядомъ съ Гребенскими казаками, станицы Моздокскаго полка подверглись нападенію крымскаго предводителя Калги, при участіи кабардинцевъ; строевые казаки были тогда въ отсутствіи, въ походѣ, а слабые остатки стариковъ и молодыхъ казачатъ побросали станицы и, собравшись вмѣстѣ, стали отстаивать свой, только что основанный, станъ Науръ, при помощи женщинъ, переодѣвшихся въ мужское платье. Не одному кабардинцу и крымскому татарину пришлось получить отъ Наурской казачки вспрыскиваніе по ушамъ кипящей смолою, или водою. Наурскія казачки и теперь еще гордятся своими героинями-прабабками, вспоминая ихъ и добрымъ словомъ и въ молитвахъ о успокоеніи ихъ душъ.

Но наиболѣе памятные и живые разсказы относятся, однако-же, къ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Не утихла еще борьба съ озлобленными кабардинцами за обладаніе землями по Малку, какъ въ 20-хъ годахъ, въ Ермоловскія времена, закипѣла борьба съ чеченцами, превозгласившими въ горахъ священную войну (Казаватъ). Въ это время напряженіе силъ Терскихъ казаковъ достигло своего апогея. Трудно, хотя бы и вкратцѣ, перечислить всѣ требованія, предъявлявшіяся линейнымъ казакамъ—воинамъ и гражданамъ, піонерамъ владычества русскихъ на Кавказѣ. Линейные казаки поголовно отправляли двадцатипятилѣтнюю строевую службу; въ то же время неспособные къ строевой службѣ отбывали внутреннюю, вмѣстѣ съ семнадцатилѣтними малолѣтками и 55—60 лѣтними отставными стариками. На этомъ разрядѣ людей, за выходомъ въ походъ строевыхъ казаковъ, лежала нерѣдко обязанность защищать станицы отъ нападеній горцевъ. На нихъ же возлагались: усиленная поставка подводъ для перевозки тяжестей проходившихъ войскъ, печеніе для нихъ хлѣба, сушка сухарей, поставка натурою дровъ, равно какъ и квартирная повинность. Кромѣ того, всѣ поселенные по Тереку полки имѣли, въ то время, свою пол-

ковую артиллерію, не для одной только обороны своихъ станицъ, но и для полевой службы съ строевыми частями. Эта артиллерія продовольствовалась средствами внутреннослужащихъ казаковъ, доставлявшихъ натурою и сѣно и зерновой фуражъ.

На ряду съ столь тяжелыми условіями осѣдлой жизни, на долю казаковъ выпадало отражать безпрестанные набѣги горцевъ. Къ мелкимъ, ежедневнымъ, хищничествамъ казаки относились какъ къ злу уже роковому, неизбѣжному и, въ свою очередь, отплачивали горцамъ тою же монетою. Казачьи земли довольно сочно пропитаны кровью отважныхъ наѣздниковъ, стремившихся жить чужимъ трудомъ. Но несравненно болѣе важное значеніе представляютъ тѣ эпизоды, когда казачьи поселенія раззорялись и зачастую раззорялись въ корнѣ, вслѣдствіе нашествія горцевъ громадными скопищами, что бывало въ особенности тогда, когда строевые казаки находились въ походахъ. Въ такихъ случаяхъ, казаки нерѣдко платились и жизнью и раззореніемъ цѣлыхъ станицъ, такъ напримѣръ, Солдатская выжжена кабардинцами, причемъ множество плѣнныхъ и весь жительскій скотъ сдѣлались ихъ добычей.

Частые и столь-же рѣшительные набѣги, въ особенности, стали предприниматься Чеченцами въ 20-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Моздокъ и Кизляръ на Терекѣ и, поочереди, почти всѣ станицы всей Кавказской линіи испытали, хотя въ менѣе раззорительномъ видѣ, силу нашествій Кавказскихъ горцевъ.

Казалось-бы, что ударъ за ударомъ, особенно въ сороковыхъ годахъ, во время властвованія въ горахъ Шамиля, должны были поколебать въ казакахъ желаніе остаться на занятыхъ ими мѣстахъ и ослабить вѣру въ ихъ колонизаторской устойчивости, но, чѣмъ рѣшительнѣе были напоры горцевъ, тѣмъ тверже укрѣплялись на своихъ мѣстахъ казаки, до тѣхъ поръ, пока на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ не

замкнули своими станицами все пространство отъ моря до моря и—не разставили своихъ поселеній на всѣхъ проходахъ и выходахъ изъ горъ.

Если, при этой отчаянной борьбѣ на жизнь и смерть, казаки часто лишались и своихъ стадъ, а не рѣдко и родныхъ семействъ, то и сами они, въ свою очередь, не оставляли въ покоѣ горцевъ. Набѣги казачьи то и дѣло сокрушали жилища враговъ и нерѣдко, вмѣстѣ съ плѣненіемъ людей, одинъ и тотъ же скотъ переходилъ изъ рукъ казаковъ въ руки горцевъ и обратно, по нѣсколько разъ.

Вотъ какими самобытными усиліями, благодаря несокрушимой живучести, линейные казаки, долгіе годы проливавшіе и свою и вражью кровь, добыли себѣ теперешнее обладаніе землями, ставшими ихъ исконнымъ достояніемъ. Теперь сдвинуть ихъ отсюда можетъ только воля Божія и никакая другая сила, ни какая вражья рука, какими бы средствами она не обладала—такъ твердо, такъ безповоротно-прочно, осѣло здѣсь Кавказское казачество, сдѣлавшееся притомъ извѣстнымъ цѣлому міру своимъ вѣковымъ бытіемъ въ видѣ военно-сословныхъ общинъ.

Отъ борьбы на мѣстахъ своихъ становищъ перейдемъ къ внѣшней борьбѣ, закипѣвшей съ особенной силой со временъ Ермолова. Ермоловъ повелъ дѣятельную борьбу въ нѣдрахъ возставшей Чечни и при этомъ снова явились ему на помощь линейные казаки. Ермоловъ, участникъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ, описывая атаку линейцевъ въ Ханкальскомъ ущельи на атаковавшихъ нашу пѣхоту горцевъ, говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «рѣдко видятъ сіе кавалеристы, хотя нерѣдко и говорятъ о шокѣ. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростью.—Но вотъ чеченцы, мало по малу, стали подаваться назадъ и дали тылъ Линейцы насѣли на бѣгущихъ..... »

Про другое дѣло Ермоловъ говоритъ: «покончивъ работу, я отошелъ назадъ, а вся конница, подъ начальствомъ

Петрова, (командира Моздокскаго казачьяго полка) отправлена была опять къ развалинамъ Урусъ-Мартана. Казаки застали здѣсь значительныя силы и 27 Апрѣля выдержали жаркое дѣло; при отступленіи чеченцы нѣсколько разъ преграждали имъ путь, но ничто не могло превзойти храбрости казаковъ Моздокскаго полка и Семейнаго войска. Они то спѣшивались, то дрались на коняхъ, смѣло бросаясь въ шашки и повсюду сбивали горцевъ. При просѣкѣ Шалинской поляны чеченцы дрались упорно. Когда при сильной перестрѣлкѣ лѣсъ былъ пройденъ, чеченцы бросились въ шашки на егерскую роту, но, къ счастью, подоспѣли на помощь линейцы, и часть казаковъ, спѣшившись, дрались наравнѣ съ пѣхотой.....»

Утомленіе не свойственно казакамъ, оно не въ ихъ натурѣ и, едва окончилась битва, въ которой казаки, по словамъ самаго Ермолова, принимали дѣятельное участіе и, только что казаки возвратились по домамъ, какъ, узнавъ, что на линіи, въ ихъ отсутствіе, происходили набѣги горцевъ, сочли необходимымъ отплатить имъ тою же монетою. Послѣ роспуска 18 Мая отряда, войска возвратились въ Грозную и военныя дѣйствія затихли, но 500 Гребенскихъ и Моздокскихъ казаковъ скрытно собрались въ Наурѣ, послѣ чего, переправившись черезъ Терекъ, подъ начальствомъ своихъ командировъ Петрова и Ефимовича, сдѣлали весьма удачный набѣгъ за Сунжу къ Даутъ-Мартану и вернулись оттуда съ добычей. Этимъ набѣгомъ закончились дѣйствія въ Чечнѣ при Ермоловѣ, для того, чтобы съ новою силою и энергіею разразиться при развитіи и процвѣтаніи Кавказа

Въ приказѣ отданномъ послѣ усмиренія мятежа чеченцевъ, Ермоловъ отнесся съ благодарностью и полной справедливостью ко всѣмъ, принимавшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, войскамъ, но особенное уваженіе его въ этихъ походахъ пріобрѣли линейные казаки, о которыхъ онъ, прежде, не зная ихъ, отзывался съ такою рѣзкостью. Объясненіе

причинъ перемѣны взглядовъ Ермолова на линейныхъ казаковъ слѣдуетъ искать въ его собственныхъ нижеслѣдующихъ словахъ: «прежде видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко, но теперь могу судить о храбрости ихъ и о ихъ предпріимчивости»; въ заключеніе онъ говоритъ: *«конечно изъ всѣхъ многоразличныхъ казаковъ въ Россіи нѣтъ имъ подобныхъ»*. «Я не видалъ,» говоритъ Ермоловъ въ другомъ мѣстѣ, «ни одного казака, стрѣляющаго попусту, ни одного ѣдущаго подъ сильнымъ огнемъ непріятеля иначе какъ малымъ шагомъ. Смѣю думать, что это не самое легкое и въ регулярной конницѣ».

Этими эпизодами конечно не исчерпываются подвиги линейцевъ за предѣлами войска; они тамъ жили и служили больше чѣмъ на своихъ линіяхъ. Но мнѣніе Ермолова о казакахъ и его отзывъ о нихъ приведены потому, что Ермоловъ единственный изъ военноначальниковъ, который, по прибытіи на Кавказъ, до походовъ, относился къ линейнымъ казакамъ, какъ говорили преданія, не безъ предубѣжденія. Только боевыя отличія въ походѣ и стойкость казаковъ на Терской линіи повернули его мнѣніе въ сторону линейцевъ, да притомъ еще безъ сравненія съ другими казаками Россіи. Насколько, значитъ, самое прозорливое начальство должно быть осторожно при оцѣнкѣ достоинства войскъ пока ихъ не увидитъ лично въ дѣлѣ съ непріятелемъ.

Послѣдующее за Ермоловымъ начальство уже смѣло полагалось на линейцевъ и съ увѣренностью водило ихъ на самые отчаянные подвиги, на борьбу съ горцами, персіянами, турками, венгерцами и обитателями среднеазіятскихъ степей,—при чемъ повсюду вражескій ростъ становился короче на цѣлую голову когда роковой ударъ казачьей шашки былъ опускаемъ надъ плечомъ противника.

И. Сафоновъ.

Очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ казаковъ. (*)

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ смиреннымъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ, и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легло для защиты знамени и долга.

(Изъ рѣчи гр. Соллогуба, привѣтствовавшаго назначеніе на Кавказъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича въ 1863 году.)

Терское казачье войско, долговременными трудами и жертвами, подготовило образованіе нынѣшней Терской области и, въ настоящее время, составляетъ основу ея русскаго населенія. Населеніе Терскаго войска, издревле обязанное воинской повинностью, выставляетъ на службу въ обыкновенное время: два гвардейскихъ эскадрона Собственнаго Е. И. В. конвоя, двѣ конно-артиллерійскія батареи и четыре конныхъ полка. Полки имѣютъ тройной личный составъ, такъ что въ военное время каждый полковой округъ, вмѣсто одного, выставляетъ на боевую службу три, а всѣ четыре округа—двѣнадцать полковъ. Полкамъ принадлежатъ имена: Кизляро-Гребенской, Горско-Моздокскій, Волгскій и Сунженско-Владикавказскій. Кизляро-Гребенской именуется полкомъ великаго герцога Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго. Съ каждымъ изъ полковыхъ имянъ соединяется своя исторія, болѣе или менѣе давняя, исторія русской колонизаціи и водворенія русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ, начиная съ той части его, гдѣ выдающимся географическимъ терминомъ является рѣка Терекъ.

Знакомство русскихъ людей съ Терекомъ началось еще

(*) «Терскіе Казаки съ стародавнихъ временъ». Соч. Ивана Попко.

въ XIV вѣкѣ: Первые проникали сюда съ Волги, варяжскимъ обычаемъ, новгородскіе повольники или ушкуйники, то есть охотники за сѣвернымъ медвѣдемъ—ушкуемъ и плаватели въ ладьяхъ, называвшихся тѣмъ же именемъ. Своевольство новгородцевъ, говоритъ Карамзинъ, возбуждало негодованіе великаго князя Димитрія Іоанновича: многіе изъ нихъ составляли цѣлые полки и ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя, между прочимъ и внизъ по Волгѣ, украшая разбои именемъ молодечества*). За новгородскими повольниками пускались въ тоже молодечество по Дону и Волгѣ и рязанскіе казаки, населявшіе придонскую волость Червленный-Яръ, гдѣ служили они украинной стражей Рязанскому княжеству. Великій князь Московскій Іоаннъ III гнѣвался на молодечество рязанскихъ казаковъ и грозилъ имъ наказаніемъ. Въ 1520 годахъ послѣдовало присоединеніе Рязанскаго княжества къ московской державѣ. По обычаю собиранія земли русской, менѣе сговорчивымъ жителямъ княжества предстояло принудительное выселеніе въ предѣлы суздальскіе Скорѣе другихъ ожидали этой участи казаки Червленнаго-Яра, а особенно тѣ изъ нихъ, которые чаще водились съ ушкуйниками и имѣли больше причинъ страшиться немилости московской власти. Во второй четверти XVI вѣка казаки эти, подбитые коноводами ушкуйниками, поднялись большой станицей (отрядомъ), посадились въ струги съ семьями и животами и выплыли весеннимъ половодьемъ въ Донъ, откуда по Камышенкѣ, переволоклись на Волгу и пустились не незнакомымъ, конечно, путемъ къ недосягаемому никакой московской погоней убѣжищу—устьямъ Терека. Въ этомъ глухомъ углу восточнаго Кавказа существовало полуторговое, полуразбойничье, мѣстечко Теменъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что удалая станица Червленнаго-Яра направлялась къ этому притону, но никакое преданіе не объясняетъ, по какимъ обстоятельствамъ она тамъ не осѣла, а двинулась вверхъ по Тереку къ пятигорскимъ черкасамъ (ка-

*) Ист Госуд. Росс. Карамзина. Изд. пятое, 1842 г. Кн. II, Т. V.

бардинцамъ), вступила въ тѣсный союзъ съ ними, и съ ихъ помощью, поселилась у гребней или предгорій Кавказскаго хребта, при впаденіи Аргуна въ Сунжу. Пятигорскіе черкасы, отстаивая свою независимость противъ крымскихъ хановъ и дагестанскихъ шамхаловъ, искали покровительства московской державы и въ 1555 году, чрезъ большое посольство били челомъ царю Іоанну Васильевичу Грозному о принятіи ихъ въ русское подданство. Съ тѣмъ же посольствомъ приходили къ царю съ повинной и атаманы русскихъ казаковъ, поселившихся въ союзѣ съ пятигорскими черкасами на Сунжѣ. Преданіе свидѣтельствуетъ, что царь Іоаннъ Грозный нетолько простилъ казакамъ ихъ побѣгъ съ Червленнаго-Яра, но еще подарилъ ихъ рѣкою вольною Терекомъ, велѣвъ имъ служить свою службу государскую, беречи свою вотчину кабардинскую. Съ того времени первые русскіе поселенцы на Кавказѣ дѣлаются исторически извѣстными подъ именемъ Гребенскихъ, то есть горныхъ казаковъ. Для утвержденія царской власти въ пятигорскихъ черкасахъ, въ 1567 году, была поставлена на лѣвомъ берегу Терека, противъ устья Сунжи, русская крѣпость, названная Терскимъ городомъ или Теркомъ. При этомъ городѣ гребенскіе казаки начали отбывать дѣйствительную службу государству, заключавшуюся въ объѣздахъ, заставахъ, ближнихъ и дальнихъ посылкахъ, въ охраненіи переправъ и въ походахъ на кабардинскаго недруга шамхала съ царскими войсками. Въ скоромъ времени, со стороны крымскаго хана и турецкаго султана послышались жалобы на угѣснительныя дѣйствія казаковъ, загораживавшихъ «черкасскую дорогу». Жалобы оканчивались требованіемъ русскій городъ, поставленный въ кабардинской землѣ, снести и «черкасскую дорогу отпереть». Въ 1571 году Терскій городъ «у усть-Сунчи рѣки» былъ оставленъ царскими войсками къ великому огорченію кабардинскихъ князей, а особенно родичей тестя государева Темрюка, удѣлъ котораго примыкалъ къ городу. По ихъ настоянію, въ упраздненной

русской крѣпости засѣли гребенскіе казаки, въ подмогу которымъ тѣ же кабардинскіе князья, при содѣйствіи астраханскихъ воеводъ, призвали еще большую станицу вольныхъ казаковъ съ Волги. Жалобы отъ крымцевъ и турокъ возобновились, но московское правительство, искренно или такъ себѣ, отвѣчало, что въ брошенномъ Терскомъ городѣ самовольно засѣли «воры, волжскіе казаки, которые государя не слушаютъ, —хоть бы вы ихъ всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не для чего». Шамхалъ и хотѣлъ это сдѣлать, нападая не разъ на городъ, но казаки храбро отбивались и не прежде покинули это укрѣпленное мѣсто, какъ когда былъ построенъ новый царскій городъ, болѣе долговѣчный благодаря тому, что Каспійское море и Астрахань служили ему надежною базою. Этотъ новый городъ былъ возведенъ въ 1588 въ устьѣ Терека, близъ морскаго берега, и въ немъ учреждено воеводство, зависимое отъ астраханскаго. Ему дано было тоже названіе Теркъ, видоизмѣняемое нерѣдко въ Терку и въ Терки; старый же городъ, брошенный уже и казаками, писался послѣ того Суншинскимъ Городищемъ. Волжскіе казаки, по оставленіи этого мѣста, присоединились въ большинствѣ къ гребенскимъ казакамъ и значительно усилили населеніе ихъ городковъ у сунженскихъ гребней.

Городки эти, называвшіеся также казачьими острожками, были передовыми постами терскаго воеводства. Что посты эти несли полезную службу, показываетъ сохранившаяся отписка воеводъ въ Москву: «если казаковъ по Терку и въ Гребеняхъ не будетъ, и Терскому городу будетъ большая тѣснота». Казаки держались въ своихъ гребняхъ благодаря поддержкѣ князей нижней или малой Кабарды, землю которыхъ они прикрывали, и пріятельскимъ связямъ съ маловоинственными и немусульманскими тогда сосѣдними чеченскими обществами, изъ которыхъ брали даже себѣ женъ. Но къ исходу XVII столѣтія отношенія добраго сосѣдства измѣнились такъ невыгодно для казаковъ, что они должны были

перенести свои городки къ Тереку и водворились въ треугольникѣ, образуемомъ правымъ берегомъ этой рѣки и послѣднимъ, параллельнымъ почти, теченіемъ впадающей въ нее Сунжи. Здѣсь прожили они лѣтъ тридцать, пока казанскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не перезвалъ ихъ на лѣвую сторону Терека, на которой стоялъ и городъ Теркъ. Въ 1711 году, когда царь Петръ двигался къ Пруту, графъ Апраксинъ дѣлалъ походъ изъ Терка противъ кубанскихъ татаръ и сильно погромилъ ихъ съ помощью кабардинцевъ и гребенскихъ казаковъ. Ознакомившись съ тѣми и другими, какъ превосходными наѣздниками и стрѣлками, онъ уговорилъ послѣднихъ перейти на лѣвый берегъ Терека и образовать своими городками линію, которая послужила бы связью между нижнею Кабардою и городомъ Теркомъ. Въ слѣдующемъ 1712 году казаки перебрались на указанную мѣстность и заняли ее пятью городками, расположивъ ихъ въ линію по берегу рѣки, въ томъ порядкѣ, какъ существуютъ они донынѣ. Съ этого времени гребенское войско выставляло на службу не менѣе тысячи казаковъ, изъ коихъ половина состояла на хлѣбномъ и денежномъ жалованьи и ходила въ походы по требованіямъ правительства, а остальная половина оставалась при оборонѣ своихъ городковъ и служила «съ воды да съ травы», то есть безъ всякаго содержанія отъ правительства. Изъ дальнихъ командировокъ по распоряженію правительства можно упомянуть о несчастномъ походѣ князя Бековича-Черкасскаго, въ 1717 году, въ хивинское ханство, гдѣ пятьсотъ гребенскихъ атамановъ и казаковъ, въ числѣ другихъ войскъ, были вѣроломно истреблены или обращены въ вѣчное рабство. Такая чувствительная потеря скоро однако пополнилась «гулящими людьми», для которыхъ никогда не запиралась крѣпко дверь въ стародавнихъ казачествахъ. Къ Ермоловскому времени въ строевомъ составѣ гребенскаго войска, состоявшемъ на жалованьѣ, числилось уже до тысячи человѣкъ. Съ такимъ слу-

жилымъ контингентомъ самостоятельное войско гребенское, въ 1832 году, переименовано было въ полкъ и включено въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска. Здѣсь мы его оставимъ и перейдемъ къ судьбамъ другаго, тоже стародавняго, но не имѣвшаго такой же живучести военнаго братства.

Выше было упомянуто, что вольные казаки, ходившіе въ варяжское молодечество на Волгу, рано узнали дорогу къ устьямъ Терека. Здѣсь находили они превосходныя зимнія стоянки и обильныя угодья для рыболовнаго и охотничьяго промысловъ, которыми вольное казачество кормилось въ героическій періодъ своего существованія. Сюда же укрывались они и отъ преслѣдованій царскихъ ратей, очищавшихъ Волгу отъ разбоевъ. Въ развѣтвленіяхъ послѣдняго теченія Терека терялась черта, разграничивавшая шамхальскія и кабардинскія владѣнія, и въ эту приморскую мѣстность стекались разные выходцы изъ нижней и верхней Кабарды, изъ Кумыкъ, Мечкизовъ (чеченцевъ), изъ большихъ и малыхъ Ногаевъ и даже кубанскихъ Адыговъ (черкасъ). Все это были люди того же пошиба, что и русскіе вольные казаки, а потому послѣдніе легко съ ними якшались и уживались Когда-то эта приморская мѣстность или извѣстная часть ея населена была кумыками, народомъ болѣе другихъ промышленнымъ, и причислялась къ владѣніямъ шамхаловъ Тарковскихъ, но въ эпоху построенія русскими втораго (примор скаго) города Терка здѣсь встрѣчается мѣстечко Теменъ, въ которомъ хозяйничаетъ одинъ изъ родичей Темрюка, тестя государева, князь Джанклишъ (по московскимъ документамъ Янглычъ). Этотъ нижне-кабардинскій князь, маститый старецъ, пріѣзжалъ въ Москву въ 1557 году и билъ челомъ Іоанну Васильевичу IV о принятіи его въ русское подданство съ сыномъ Сунчалеемъ и со всѣмъ теменскимъ владѣніемъ. Въ этомъ-то владѣніи и былъ поставленъ второй городъ Теркъ. А когда Суншино Городище было брошено сидѣвшими въ немъ казаками, младшій братъ Темрюка Мам-

срюкъ Идаруко, жившій около городища, перешелъ на житье въ новый русскій городъ и привелъ съ собою станицу волжскихъ казаковъ, не пожелавшихъ водвориться въ гребенскихъ городкахъ. Станица эта примкнула къ товариществу такихъ же волжскихъ казаковъ, основавшихся въ теменскомъ захолустьи незадолго до построенія здѣсь царскаго города и послужившихъ, какъ это часто бывало, пролагателями пути къ разширенію до этихъ дальнихъ береговъ русской государственной области.

Русская исторія записала, что три атамана волжскихъ казаковъ, навлекшихъ на себя царскую опалу, въ 1579 году, совѣщались въ низовьи Волги, куда имъ укрыться отъ царскаго гнѣва. Старшій, Ермакъ Тимофѣевичъ потянулъ на сѣверъ къ имѣнитымъ людямъ Строгановымъ и сдѣлался завоевателемъ царства Сибирскаго. Остальное казачество выплыло въ море и, разбившись на два товарищества, направилось—меньшинство къ Яику, большинство въ Тереку, въ глухое приволье теменскаго владѣнія. Здѣсь русскіе казаки сошлись съ подобными имъ кабардинскими и кумыцкими сходцами и, при впаденіи одного изъ рукавовъ Терека въ море, построили крѣпкій городокъ съ пристанью. Городокъ этотъ имѣлъ обширный окопъ въ видѣ треугольника, почему и назывался Трехстѣннымъ. Когда царскіе воеводы прибыли изъ Астрахани въ теменское владѣніе для сооруженія втораго Терка, казаки Трехстѣннаго городка явились къ нимъ съ повинною и оказали добрыя услуги при построеніи царскаго города. Такимъ поведеніемъ они снискали царское прощеніе и въ этомъ отношеніи не отстали отъ Ермака, поклонившагося государю сибирскимъ завоеваніемъ. Прощеніе было распространено и на товарищество, укрывшееся въ устьяхъ Яика, часть котораго, по вызову астраханскаго воеводы, пришла оттуда съ атаманомъ Матюхой Мещерякомъ и присоединилась къ терскому казачеству. Къ нему же пристроились и кабардинскіе князья Сунчалей и Мамсрюкъ съ ихъ подвластными, которые

стояли на ногѣ служилыхъ людей и получали царское жалованье. Такъ образовалось при воеводскомъ городѣ Теркѣ Терское казачье войско, начало существованія котораго, какъ служилаго сословія, можно относить къ 1586 году, когда началось построеніе приморскаго Терка. Войско это отличалось двумя характеристическими особенностями: во первыхъ, примѣсью инородческаго элемента, привходившаго въ его составъ за все время его существованія, и во вторыхъ, чрезвычайной подвижностью и наклонностью къ морскому молодечеству, школой для котораго былъ рыболовный промыселъ.

Трехстѣнный городокъ былъ только опорнымъ и сборнымъ пунктомъ терскихъ казаковъ, а жили они разбросанными юртами по разметамъ терскаго устья и держались ватагами по ближайшимъ островамъ для производства рыболовнаго промысла. Самый привольный въ этомъ отношеніи и излюбленный казаками, особенно набродными и бездомными, былъ островъ Чеченъ, отстоявшій отъ берега на полдня паруснаго плаванія. Бездомовное непосидячее казачество часто приливало въ терскіе юрты съ Волги и столь же часто отливало на Волгу, такъ что численная сила войска находилась въ постоянномъ и рѣзкомъ колебаніи. Болѣе устойчивымъ и служилымъ по преимуществу элементомъ были семейные казаки, жившіе пригородными слободами поближе къ Тереку. Извѣстное число атамановъ и казаковъ, обыкновенно сотъ до пяти, находилось на постоянной службѣ при терскомъ воеводѣ, подъ начальствомъ особаго головы; они назывались зимовными (какъ бы осѣдлыми) или жалованными, потому что получали царское жалованье. Общій созывъ войска дѣлался воеводами или для походовъ, или для усиленія обороны въ болѣе важныхъ случаяхъ. На время такихъ созывовъ тоже полагалось царское жалованье, но не столько, можетъ быть, жалованье, сколько надежда на добычу и просто русская удаль молодецкая была двигателемъ, приводившимъ вольныхъ

казаковъ къ воеводскому знамени. Нѣкоторые, однако, случаи показываютъ, что казачество крѣпко оскорблялось, когда царское жалованье застрѣвало въ рукахъ воеводъ. Оскорбленіе иной разъ переходило въ неповиновеніе и явное возмущеніе. Одинъ старинный документъ даетъ намъ понятіе о томъ, что происходило въ подобныхъ случаяхъ. Въ 1607 году пошелъ ропотъ между казаками: «государь де насъ хотѣлъ пожаловати, да лихи де бояре не дадутъ жалованья». Юрты заволновались. Первый поднялся атаманъ Федоръ Бодыринъ съ тремя стами казаками и сталъ таборомъ на рѣкѣ Быстрой (южномъ рукавѣ Терека), около городка атамана Гаврилы Пана. Соединившись съ послѣднимъ, казаки сѣли въ струги и выплыли на островъ Чеченъ. Туда же стянулось войско и изъ остальныхъ юртовъ. Воевода Петръ Головинъ послалъ изъ Терка голову служилыхъ казаковъ Ивана Хомяка сказать вольнымъ казакамъ, чтобъ половина ихъ оставалась въ юртахъ на случай прихода воинскихъ (то есть непріятельскихъ) людей; но казаки не послушались и въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ ушли на Волгу, гдѣ и были увлечены волжскими и донскими казаками въ коловоротъ смутнаго времени. Но впослѣдствіи эти же самые своевольники съ стрѣлецкимъ головою города Терка, Василіемъ Хохловымъ, бились подъ Астраханью противъ мятежныхъ скопищъ Заруцкаго и Марины Мнишекъ за царя Михаила Ѳедоровича *). Таковы были нравы вольнаго казачества вообще и терскаго въ особенности.

Относительно инородческаго элемента, входившаго въ составъ терскаго войска, слѣдуетъ сказать, что это были разные кавказскіе выходцы, поселявшіеся особыми слободами около Терка, подъ наименованіемъ Черкасъ, Охочанъ, юртовскихъ, то есть осѣдлыхъ, татаръ, Мечкизянъ, Шубутянъ. и Новокрещеновъ. Послѣдніе выдѣлялись изъ тѣхъ же инородцевъ, принимая

*) Акты Археографич. Экспедиціи Т. II. № 81. См. также Ист. Рос. С. Соловьева. Т. VIII.

христіанство, и представляли изъ себя особый служилый разрядъ въ составѣ войска. Какъ эти новокрещены, такъ и другіе служилые инородцы наряжались преимущественно въ сопровожденіе торговыхъ каравановъ и посылались на развѣдки въ шамхальскія, кабардинскія и ногайскія земли, на Куму, на Кубань и даже въ Крымъ. Ближайшая власть надъ всѣми инородческими казаками принадлежала наслѣдственно княжескому роду упомянутаго выше Джанклиша, сынъ котораго Сунчалей, внукъ Муцалъ и правнукъ Каспулатъ, во время походовъ, весьма часто принимали начальство и надъ русскими, терскими и гребенскими казаками. Вліянію этихъ замѣчательно способныхъ и полезныхъ дѣятелей слѣдуетъ приписать отчасти удержаніе въ постоянномъ повиновеніи терскимъ воеводамъ какъ терскихъ, такъ и гребенскихъ казаковъ, при всѣхъ невзгодахъ, которымъ подвергался городъ Теркъ. Сами же они были привязаны къ русской службѣ, кромѣ царскаго жалованья, значительными выгодами, которыми пользовались они отъ торговли въ Теркѣ, особенно людьми и лошадьми, минуя установленные въ немъ таможенные сборы.

Терское войско, равно какъ и самый городъ Теркъ немало вынесли бѣдствій отъ непріятельскихъ нападеній, отъ наводненій и отъ болотнаго климата, вредно вліявшаго на здоровье русскихъ людей. Если самый городъ, благодаря своимъ укрѣпленіямъ, и устаивалъ противъ неоднократныхъ нашествій кубанскихъ татаръ, крымскихъ хановъ и даже шамхаловъ, всегдашнихъ «царскихъ ослушниковъ», то казачьи юрты, въ томъ числѣ и инородческія слободы, подвергались при таковыхъ нашествіяхъ болѣе или менѣе значительнымъ опустошеніямъ. Къ этому надо добавить, что пиратство или, говоря языкомъ вѣка, молодечество, увлекавшее на «сине море» казаковъ, а иногда и Царскихъ стрѣльцовъ, губило множество отважныхъ плавателей въ утлыхъ дощанникахъ и стругахъ. Что же относится до злокачественнаго климата,

втихомолку подтачивавшаго населеніе терскаго воеводства, то это обстоятельство, хорошо извѣстное и въ наше время, не требуетъ объясненій. Дабы приковать стрѣлецкіе полки къ тяжелому терскому посту, правительство высылало ихъ сюда съ женами и дѣтьми «на вѣчное житье». Сюда же ссылались разные опальные люди, литовскіе и ливонскіе плѣнники, да и по доброй волѣ не мало заходило «гулящихъ» людей, искавшихъ доли. И изъ этого многолюдства едва-ли даже третья часть выжила къ Петровскому времени Было, правда, и для Терка цвѣтущее время въ первой половинѣ XVII вѣка: были здѣсь каравансараи, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественныя бани, таможенный и кружечный дворы, аманатный дворъ, мѣновой дворъ, были соборная и приходскія церкви и монастырь, гдѣ крестились иновѣрцы, съ полученіемъ за то царскаго награжденія. При такомъ благосостояніи народа, и терское войско было многолюдно и жило привольно. Но скоро наступили, какъ для воеводскаго города, такъ и для служившаго ему казачьяго войска тяжелыя испытанія. Въ 1688 году кубанскій сераскеръ Казы-Гирей съ многочисленной ордой подступалъ къ Терку и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобъ овладѣть имъ. Непріятель былъ храбро отбитъ отъ городскихъ валовъ, но что было внѣ ихъ жестоко пострадало. Послѣдовавшее за тѣмъ наводненіе со стороны моря, произведенное землетрясеніемъ, заставило перенести городъ въ другое мѣсто. Не успѣлъ онъ упрочиться на новомъ мѣстѣ, какъ въ 1707 году долженъ былъ выдержать нападеніе кубанскаго же сераскера Эштекъ-Султана. Такія бѣдствія привели воеводскій городъ въ крайній упадокъ, а ряды терскаго войска такъ порѣдѣли, что въ 1720-хъ годахъ въ немъ насчитывалось уже не болѣе тысячи казаковъ съ охочанами, новокрещенами и другими инородцами. Послѣдніе составляли около одной трети общаго числа служилыхъ людей въ войскѣ.

Въ такомъ печальномъ положеніи нашелъ старый Теркъ

Императоръ Петръ Великій во время персидскаго похода 1722 года. Осмотрѣвъ городъ лично, онъ приказалъ его бросить и черту, намѣченную Іоанномъ IV, подвинуть впередъ, на Сулакъ. Была заложена новая крѣпость въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ Сулака отдѣляется рукавъ, называемый Аграханью. Въ память существовавшей здѣсь нѣкогда греческой колоніи Ставрополиса, новое сооруженіе было названо крѣпостью Св. Креста*). Съ перемѣщеніемъ сюда гарнизона стараго Терка, терскіе казаки были также переведены на Аграхань и названы Аграханскимъ войскомъ. Они должны были прикрывать тридцативерстное пространство, отдѣлявшее новую крѣпость отъ пристани, устроенной на морскомъ берегу. По независѣвшимъ отъ нихъ соображеніямъ, избираемыя для ихъ поселенія мѣста перемѣнялись нѣсколько разъ Отъ такихъ передвиженій и упорныхъ нападеній чеченцевъ и дагестанцевъ пришли они въ крайнее раззореніе. Потерявши свои хозяйства и не находя строительнаго матеріала въ безлѣсной мѣстности, они вынуждались копать землянки для своего жилья, и эти сырыя, недоступныя для солнечнаго свѣта жилища, въ соединеніи съ лишеніями всякаго рода и зловреднымъ свойствомъ лихорадочнаго климата, губительно дѣйствовали на ихъ физическое благосостояніе. Смертность была такъ велика, что изъ каждыхъ трехъ человѣкъ выбывалъ одинъ, а многія семейства вымирали почти поголовно. Трудно сказать, чѣмъ бы такое положеніе дѣлъ кончилось, еслибы съ воцареніемъ Анны Іоанновны крѣпость Св. Креста не была брошена и остатки Терскаго войска не были переведены обратно на Терекъ. Въ 1736 году, послѣ отдачи Надыръ-шаху петровскихъ завоеваній по Сулаку и по каспійскимъ берегамъ, была построена на прежней чертѣ, но только выше стараго Терка, крѣпость Кизляръ съ городскимъ учрежденіемъ При этой крѣпости Терское войско, пережившее уже два подобныя сооруженія и уложившее болѣе двухъ

*) Греческое слово *Ставрополисъ* значитъ по русски городъ Креста.

третей своего населенія въ аграханскихъ могилахъ, водворилось такимъ малолюдствомъ, что едва могло поставлять на службу около 200 чиновъ, въ томъ числѣ инородцевъ 67 человѣкъ. Несмотря на то, оно продолжало существовать какъ самостоятельная часть до самой эпохи образованія Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, именуясь войскомъ Терскимъ-Кизлярскимъ. Послѣдній эпитетъ былъ прибавленъ къ стародавнему его именованію по слѣдующему обстоятельству: послѣ построенія крѣпости Св. Креста было усмотрѣно, что одни терскіе казаки не были въ силахъ занять и удерживать линію между крѣпостью и морскимъ берегомъ. Для подкрѣпленія ихъ, въ 1724 году, сдѣлано было переселеніе съ Дону одной тысячи семей «сказочныхъ» (то есть настоящихъ, а не набродныхъ) казаковъ. Переселенцы эти были также водворены по аграханской линіи и дополнили собою составъ аграханскаго войска. Имъ пришлось испить одну чашу съ терскими казаками и потерять въ теченіи десяти лѣтъ большую половину своего населенія. Пережившія существованіе сулакской крѣпости семейства, съ немалымъ числомъ вдовъ и сиротъ, были переведены въ 1736 году на лѣвый берегъ Терека и поселены тремя городками между гребенскими станицами и новой крѣпостью Кизляромъ. Поселеніе это, продлившее гребенскую линію внизъ по Тереку, составило особое казачье войско, наименованное Терскимъ-Семейнымъ. Оно могло выставлять на службу четыре сотни казаковъ при двадцати четырехъ старшинахъ. Такимъ образомъ, въ низовьи Терека появилось два терскихъ войска, которымъ для отличія присвоены были дополнительныя названія: старому Кизлярскаго, а новому Семейнаго. Хотя оба они были семейныя, но присвоеніе послѣднему этого прилагательнаго имѣло основаніемъ, быть можетъ, то обстоятельство, что вслѣдствіе раззореній, испытанныхъ на Аграхани, ему отпускался провіантъ отъ казны не только на служилыхъ казаковъ, но и на всѣхъ сиротъ, вдовъ и церковно-служителей.

Такое пособіе мало, однакожъ, улучшало бѣдственное положеніе Терскаго-Семейнаго войска на нижне-терской линіи. Въ своемъ прошеніи къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ оно изображало это положеніе въ такихъ чертахъ: «пришли мы въ крайнее убожество и живемъ съ женами и дѣтьми въ землянкахъ съ великою нуждою, и построиться некогда и нечѣмъ, понеже разставлены мы по рѣкѣ Тереку на бродахъ, по заставамъ, и содержимъ въ степяхъ разъѣзды, и командируемся въ партіи и разныя посылки непрестанно». Для облегченія въ отбываніи службы и повинностей, Терское-Семейное войско въ 1745 году было присоединено въ войску Гребенскому, но не ужилось въ этомъ сообществѣ и чрезъ десять лѣтъ вновь было обособлено подъ прежнимъ своимъ именованіемъ. Къ выдающимся эпизодамъ дальнѣйшей жизни Терскаго-Семейнаго войска относится слѣдующее приключеніе съ бывшимъ нѣкоторое время его казакомъ, всему свѣту извѣстнымъ Емельяномъ Ивановичемъ Пугачевымъ. Года за два до самозванства прибылъ этотъ пройди-свѣтъ въ Терское-Семейное войско и повидимому желалъ покончить здѣсь съ своимъ безпокойнымъ бродяжествомъ. Въ 1771 году онъ записался казакомъ въ Дубовскій городокъ, откуда вскорѣ перечислился въ другой городокъ, Каргалинскій, гдѣ станичный атаманъ Максимъ Макаровъ проходился ему сродни. Въ войскѣ было много недовольныхъ управленіемъ тогдашняго войскового атамана Павла Татаринцева. Въ началѣ 1772 года они «заручились» избрать Пугачева въ войсковые атаманы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ отправился въ столицу и исходатайствовалъ привиллегіи, утраченныя войскомъ съ переселеніемъ на Аграхань. Онъ было и отправился, но приверженцы Татаринцева схватили его на пути и представили за карауломъ къ коменданту Моздокской крѣпости, полковнику Иванову. Обвиняемый въ смутѣ и нарушеніи войскового порядка, Пугачевъ былъ посаженъ въ тюрьму, но при помощи своихъ избирателей бѣжалъ, вмѣстѣ съ бывшимъ на ча-

сахъ солдатомъ Венедиктомъ Лаптевымъ, и пробрался на Яикъ, гдѣ, какъ извѣстно, устроилась для него роль важнѣе атаманства въ войскѣ, состоящемъ изъ трехъ городковъ *).

Это, вмѣщавшееся въ трехъ городкахъ, войско прожило самостоятельною жизнью до 1832 года, а въ томъ году, на ряду съ другими подобными ему единицами, вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска съ именемъ Терскаго-Семейнаго полка. Въ 1836 году полкъ этотъ былъ соединенъ съ остаткомъ стародавняго терскаго казачества, Терскимъ-Кизлярскимъ полкомъ, и оба вмѣстѣ составили Кизлярскій полкъ. Часть эта сдѣлалась такимъ образомъ преемницею существованія двухъ казачьихъ войскъ, цѣною безмѣрныхъ жертвъ, открывшихъ дорогу на Кавказъ русской колонизаціи. Serviendo consumor—вотъ значеніе ихъ многострадальной жизни.

Сто слишкомъ лѣтъ раньше того, эти два угасшія войска призваны были, какъ мы видѣли, составить передовое войско аграханское. Въ учрежденіи этого недолговѣчнаго, но предполагавшагося въ немалыхъ размѣрахъ, войска сказалась настоятельная потребность развитія казачьяго рода оружія на Кавказѣ. По переводѣ на аграханскую линію тысячи казачьихъ семей съ Дона, правительство обращалось къ донскимъ атаманамъ Краснощекову, Матвѣеву и Ефремову, «чтобы они подговорили добровольно двѣ или три тысячи донскихъ казаковъ и съ ними поселились на Аграхани около крѣпости Св. Креста». Краснощекову обѣщано было атаманство надъ аграханскимъ войскомъ съ жалованьемъ по тысячи рублей въ годъ. Послѣ того, указомъ Военной Коллегіи командующему низовымъ (впослѣдствіи кавказскимъ) корпусомъ ландъ-графу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому предлагалось аграханское казачье войско «дополнить изъ командированныхъ въ оный кор-

*) Въ допросныхъ бумагахъ о Пугачевѣ сохранилось слѣдующее описаніе его наружности: лицомъ смугловатъ, волосы стрижены, борода небольшая черная, окладистая, росту средняго, одѣтъ въ синій китайчатый бешметъ, а на ногахъ желтые сапоги.

пусъ донскихъ и яицкихъ казаковъ, такожъ и изъ малороссійцевъ, кои въ томъ войскѣ сами служить пожелаютъ». *) Наконецъ, кабардинскому князю Эльмурзѣ Бековичу-Черкасскому было поручено зазывать въ казачью службу черкесъ, грузинъ и армянъ, «которые въ войнѣ были бы обычны и во всемъ исправны», обѣщая по пятнадцати и болѣе рублей годоваго жалованья на человѣка. Мѣропріятія эти имѣли весьма слабый успѣхъ, но тѣмъ не менѣе правительство не оставляло мысли объ умноженіи иррегулярнаго войска изъ какихъ бы не было элементовъ. Вскорѣ представился повидимому, особенно благопріятный къ тому случай. Усобицы князей большой и малой Кабарды выдвинули человѣка, который долженъ былъ осуществить правительственную идею, разсчитывая именно на внутреннія неурядицы въ землѣ своихъ родичей. Это былъ малокабардинскій князь Коргока Кончокинъ, принявшій христіанство въ Кизлярѣ, побывавшій въ столицѣ и потомъ основавшій особое поселеніе на лѣвомъ берегу Терека, выше гребенскихъ городковъ, въ лѣсистомъ урочищѣ Мездогу (дремучій лѣсъ), съ цѣлью привлечь туда достаточное для видовъ правительства число выходцовъ изъ Кабарды, Осетіи и другихъ горскихъ обществъ. Для прикрытія этого населенія, названнаго Моздокомъ, въ 1763 году построено было при немъ небольшое укрѣпленіе, для содержанія котораго посылались команды отъ кизлярскаго гарнизона и казаки терскіе и гребенскіе. Для обращающихся въ христіанство сооружена была тамъ деревянная церковь, а для доходовъ отъ торговли учреждена таможня. Поселявшимся въ Моздокѣ выходцамъ назначались пособія, но при этомъ требовалось, чтобы моздокій край «сколь можно военными, а не другими людьми умноженъ былъ», чтобы выходцы писались въ казаки и изъ нихъ была бы составлена «моздокая горская команда» по данному штату. Но къ умноженію выходцевъ кабардинскіе князья и уорки отнеслись весьма неблагопрі-

*) Указъ Воен. Коллегіи отъ 11 генваря 1733 г., № 148.

ятно, считая занятіе моздокскаго урочища захватомъ и нарушеніемъ владѣльческаго права ихъ на эту землю. Въ послѣдовавшій осенью 1768 года разрывъ съ Турціей, они явно приняли сторону крымскаго хана и въ слѣдующемъ году, весною, соединясь съ кубанскими татарами, двинулись большими силами противъ моздокскаго поселенія съ намѣреніемъ снести его съ лица земли. Къ счастью, правитель калмыцкаго народа Убуши заступилъ имъ дорогу на р. Калаусѣ и разбилъ ихъ на голову. Враждебное движеніе кабардинцевъ, со временъ Іоанна Грознаго не поднимавшихъ открыто оружія противъ русскихъ, показало, что въ моздокской колоніи невозможно было обходиться какимъ нибудь слабымъ форпостнымъ укрѣпленіемъ. Въ 1770 году форпостъ этотъ былъ превращенъ въ сильную крѣпость, вооруженную сорока орудіями и занятую самостоятельнымъ гарнизономъ съ комендантскимъ управленіемъ, по примѣру кизлярской крѣпости. Для прислуги при крѣпостныхъ орудіяхъ переселено было съ Дону сто семей казаковъ съ званіемъ канониров. (Поселеніе этихъ казаковъ составило нынѣшнюю Луковскую станицу). Къ гарнизону новой крѣпости причислена была и моздокская горская команда. Въ ней состояло всего 104 человѣка всадниковъ. Число выходцевъ возрастало слабо и особеннаго желанія нести казачью службу въ нихъ не обнаруживалось. Самая благонадежность ихъ подвергалась сомнѣнію по случаю нерѣдкихъ побѣговъ въ горы. Тогда правительство обратилось къ болѣе надежной мѣрѣ—къ занятію моздокской окраины русскими казаками. Въ томъ же 1770 году, изъ Волгскаго войска, существовавшаго на правомъ берегу Волги между Царицынымъ и Камышинымъ, выведено было 517 казачьихъ и старшинскихъ семействъ, которыя и поселены въ линію по лѣвому берегу Терека пятью станицами, между Гребенскимъ войскомъ и крѣпостью Моздокомъ, на протяженіи около 80 верстъ Въ виду враждебнаго настроенія кабардинцевъ, станицы были хорошо укрѣплены и на крѣпостное вооруженіе

ихъ выдано по четыре трехфунтовыхъ пушки въ каждую. Для дѣйствія при пушкахъ переселено было съ Дону еще 250 семействъ, которыя съ тѣмъ же званіемъ канониpовъ и распредѣлены по станицамъ, по 50 семействъ въ каждую. Это линейное поселеніе образовало изъ себя самостоятельную казачью часть—Моздоцкій полкъ. Часть эта сохранила внутренній урядъ и общественное управленіе своей метрополіи, Волгскаго войска, но во главѣ ея поставленъ, вмѣсто атамана, полковой командиръ. Строевой составъ полка опредѣленъ Высочайше утвержденнымъ штатомъ, по которому число служилыхъ людей, въ силу стариннаго правила, назначено было по числу семействъ, а именно 500 казаковъ и 17 старшинъ. Канонирскія семейства въ полковой составъ не включались; они поставляли 350 пушкарей, которымъ лошадей не полагалось, но требовалось, чтобъ они имѣли ружья, дабы при нападеніяхъ на станицы, кромѣ дѣйствія изъ орудій, могли защищать ихъ и ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1777 году къ полку были приписаны 200 кибитокъ крещеныхъ калмыковъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи астраханскаго епископа; но этотъ кочевой контингентъ нисколько не усилилъ строевого состава полка, и изъ него, кромѣ калмыковъ, ничего больше не вышло. Дѣйствительное же усиленіе произведено было въ 1796 году обращеніемъ въ составъ полка русской милиціи, переведенной въ Моздоцскую крѣпость изъ Саратова и состоявшей при крѣпостномъ гарнизонѣ подъ названіемъ Московской легіонной казачьей команды (нѣчто въ родѣ старинныхъ городовыхъ казаковъ). Обращено было 335 легіонеровъ, людей также семейныхъ, какъ и казаки Съ присоединеніемъ ихъ, прибавилась въ полковомъ округѣ новая станица (Стодеревская); послѣ чего число строевыхъ чиновъ полка, съ пушкарями, возросло до 1030 человѣкъ. Въ эпоху собиранія Кавказскаго Линейнаго войска Моздоцкій полкъ поступилъ въ его составъ, имѣя въ строю 1.250 чиновъ, при народонаселеніи около 11,500 душъ обоего пола.

Болѣе памятнымъ событіемъ въ самостоятельной жизни этой части было опустошительное нашествіе крымскаго калги (намѣстника) Шабазъ-Гирея и блистательное отраженіе казаками его орды въ 1774 году, предъ окончаніемъ первой войны Екатерины II съ Турціею. Весною того года, по враждебнымъ происканъ кабардинцевъ, которые никакъ не могли примириться съ занятіемъ моздокской мѣстности, Шабазъ-Гирей появился въ виду Моздока съ громадными полчищами кубанскихъ татаръ и закубанскихъ адыговъ, скрытно усиленныхъ кабардинцами. Скопище это дополняли пятьсотъ русскихъ некрасовскихъ казаковъ, служившихъ крымскимъ ханамъ. Половина непріятельскихъ силъ вступила въ Кабарду и, поднявъ ея населеніе, угрожала Моздокской крѣпости, а другая половина, числомъ до десяти тысячъ, бросилась на станицы Моздокаго полка, и четыре изъ нихъ погромила до основанія Казаки съ семействами успѣли укрыться въ главной своей станицѣ Наурской, хорошо укрѣпленной съ трехъ сторонъ, а съ четвертой, выходившей на Терекъ, временно загороженной возами. Обложивъ эту станицу, непріятель приступалъ къ ней, то съ той, то съ другой стороны, въ продолженіи шести дней Казаки стояли на валахъ день и ночь и успѣшно отражали непріятельскіе напуски. Служилыхъ людей подкрѣпляли старики, подростки и женщины, вооруженные косами, вилами, топорами, ухватами. Обороною распоряжался командиръ полка, приведшій его съ Волги, полковникъ Иванъ Дмитріевичъ Савельевъ, впослѣдствіи знаменитый на Кавказѣ генералъ. Неся большія потери отъ огня осажденныхъ, татары поставили на арбы деревянные щиты и подъ ихъ забрытіемъ, 11-го іюня, двинулись на штурмъ со всѣхъ сторонъ. Оглушительный визгъ, наполнявшій воздухъ, показывалъ единодушную азіатскую рѣшимость. Рѣзня происходила на самыхъ валахъ. Некрасовскіе казаки, находившіеся въ рядахъ непріятельскихъ, сторонились отъ рукопашнаго боя и ободряли обороняющихся, передавая имъ русскимъ

языкомъ, что татары истощили всѣ свои запасы и если будутъ отбиты, то въ тотъ же день уйдутъ, откуда пришли. Татары были отбиты и дѣйствительно бѣжали на Кубань, предоставивъ Кабарду самой себѣ. Казаки купили побѣду цѣною четырехъ своихъ станицъ и хозяйствъ, но Моздокъ былъ спасенъ и значеніе его послѣ этого расширилось далеко.

Заключенный въ томъ же 1774 году кучукъ-кайнарджійскій мирный трактатъ съ Турціей доставилъ Россіи обладаніе Азовомъ, Азовскимъ моремъ и нѣсколькими опорными пунктами на проливѣ, соединяющемъ это море съ Чернымъ. Русскія владѣнія на Кавказѣ быстро подвинулись отъ востока къ западу Поселеніемъ моздокскаго полка по Тереку закончена была линія отъ терскаго устья до Моздока, на двѣсти слишкомъ верстъ; теперь требовалось продолжить ее отъ Моздока до Азова, по протяженію всего почти Кавказскаго перешейка. Въ 1777 г. поставленъ былъ по этой чертѣ длинный рядъ укрѣпленій, отъ впаденія Малки въ Терекъ и далѣе къ азовскому бассейну — по рѣкамъ Курѣ, Цалугѣ или Золкѣ, по Кумѣ и вершинамъ Карамыка, Домузлова, Бійбалы или Буйвалы и Калауса, а потомъ по Егорлыкамъ и Манычу до низовья Дона. Нельзя сказать, чтобы линія эта, названная Моздокско-Азовской, была достаточно тверда географически, но ее все-таки требовалось заселить и никѣмъ другимъ, какъ русскими казаками, по примѣру установившейся уже линіи кизляро-моздокской. Для этого взята была другая половина волгскаго войска, остававшаяся еще на Волгѣ послѣ выселенія первой половины, образовавшей моздокскій полкъ Въ 1777 году высланы были на Кавказъ одни служилые казаки въ числѣ 700 человѣкъ, а въ слѣдующемъ году прибыли и ихъ семейства. Переселенцы эти сѣли пятью станицами: а) въ урочищѣ Бештамакъ (устье Малки), при крѣпости Екатерининской, названной впослѣдствіи Екатериноградскою; б) при крѣпости Павловской, на р. Курѣ; в) при крѣпости Маріинской, на р. Золкѣ; г) при крѣпости Георгіевской,

близъ впаденія Подкумка въ Куму; и, наконецъ, д) въ вершинѣ р. Домузлова, при крѣпости Александровской. Станицы названы по именамъ перечисленныхъ крѣпостей. По дальнѣйшему протяженію линіи поселились слободско-украинскіе казаки, переведенные съ Хопра въ одно время съ волгскими и составившіе полкъ Хоперскій, (нынѣ имени великой княгини Анастасіи Михайловны) который въ кругъ нашего описанія не входитъ.

Прибывшая на Кавказъ остальная половина волгскаго войска принесла съ собою всѣ свои войсковыя регаліи и удержала за собою въ этомъ новомъ краю прежнее наименованіе Волгскаго войска. Войску этому обѣщано было сохраненіе стараго внутренняго уряда и привиллегій, которыми пользовалось оно на Волгѣ съ царствованія императрицы Анны Іоанновны. По строевой же части оно обязано было содержать, по данному штату, «Волгскій казачій полкъ», въ составѣ: командира полка 1, станичныхъ атамановъ 5, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ—каждаго чина по пяти, квартермистра 1, полковаго писаря 1 и казаковъ съ пятидесятниками 514. Число всѣхъ жителей въ войскѣ простиралось до 4640 душъ обоего пола. Командиръ полка былъ вмѣстѣ и правитель войска. Кромѣ этой особенности мы видимъ еще и ту, что станичные атаманы включены въ строевой составъ полка,—что было вполнѣ сообразно съ расположеніемъ войска на опасныхъ передовыхъ постахъ. Въ протяженіи, занятомъ пятью станицами волгскаго войска, считалось болѣе 200 верстъ. Для содержанія линіи такой длины, силъ одного полка пятисотнаго состава, очевидно, было не достаточно. А между тѣмъ кабардинцы, при часто повторявшихся возстаніяхъ, первые свои удары направляли противъ волгскаго войска, считая его захватчикомъ лучшихъ своихъ земель. Отсюда выходило, что кромѣ строеваго полка и все остальное мужское населеніе войска постоянно находилось подъ ружьемъ, несло туже боевую службу, съ той только разницей, что не пользовалось

никакимъ содержаніемъ отъ казны. Части строеваго полка обыкновенно высылались въ дальніе кавказскіе походы, а во время внѣшнихъ войнъ государства и въ заграничныя кампаніи. Оборона линіи оставалась весьма часто на рукахъ отставныхъ, льготныхъ и вообще не строевыхъ казаковъ. Случалось, что за выходомъ ихъ на линейные посты, въ станицахъ оставались одни дряхлые старцы съ подростками, да женщины съ дѣтьми. Но надобно сказать, что это были женщины, закаленныя въ непрерывныхъ линейныхъ тревогахъ не хуже своихъ мужей и братьевъ. Приведемъ доказательство На разсвѣтѣ одного дня, большое скопище горцевъ бросилось на одно изъ передовыхъ укрѣпленій и было отбито картечнымъ огнемъ съ чувствительнымъ для себя урономъ. Провѣдавъ, что въ одной изъ окрестныхъ станицъ никого кромѣ стариковъ и женщинъ не находилось, горцы направились къ этой станицѣ, въ увѣренности поправить свою неудачу ея разореніемъ. Но каково было ихъ разочарованіе, когда, приближаясь къ станицѣ, они увидѣли на ея валахъ густые ряды казаковъ, совершенно готовыхъ къ оборонѣ, что подтверждалось и сигнальными выстрѣлами изъ станичной пушки. Порѣшивъ, что они введены въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ, горцы прошли мимо и станица уцѣлѣла. А она уцѣлѣла благодаря единственно демонстраціи, сдѣланной казачками, которыя, какъ только завидѣли приближеніе непріятельскаго скопища, надѣли на себя кто шапку, кто башлыкъ, накинули мужскую одежду, вооружились вилами и ухватами и дружно высыпали, вслѣдъ за немногими стариками и подростками, на станичный валъ, сперва—чтобъ «помаячить», а потомъ, еслибы пришлось, и постоять за станичку съ Божьей помощью, за неимѣніемъ другой.

Кромѣ длинноты, несоразмѣрной съ силами населенія, линія волгскаго войска страдала еще отсутствіемъ географической твердости и, вслѣдствіе того, чаще испытывала тревоги и разоренія, чѣмъ другая какая-либо лучше прикрытая

линейная часть. Въ виду этого, генералъ Ермоловъ призналъ полезнымъ занять нѣсколько передовыхъ пунктовъ и заселить ихъ новыми станицами, для чего приходилось выдвигать, или сполна, или частями, населеніе тѣхъ же волгскихъ станицъ. Такимъ образомъ, изъ Александровской станицы выведено было, въ 1825 году, 385 семействъ, и изъ этого числа 100 семей поселились на Подкумкѣ, у крѣпости Кисловодской, гдѣ образовали станицу Кисловодскую, 50 семей положили начало станицы Боргустанской, близъ укрѣпленія того же наименованія, и 235 семей основали на р Бургунтѣ станицу Есентукскую. Изъ Георгіевской станицы вышло 250 семей, изъ коихъ 200 водворилось около Горячихъ Водъ (нынѣшняго Пятигорска) и образовали станицу Горячеводскую, а 50 семей приселились къ Бабуковскому аулу, на Подкумкѣ, и составили съ кабардинскимъ его населеніемъ станицу Бабуковскую. Станицы Маріинская и Павловская передвинуты были, въ 1829 году, на Малку и названы по именамъ бывшихъ тамъ постовъ Бѣломечетской и Приближной. Наконецъ, по именному высочайшему указу, данному правительствующему сенату 2-го декабря 1832 года, обращены въ казаки и причислены къ волгскому войску четыре гражданскія селенія, лежавшія по Кумѣ: Нижнеподгорное, Верхнеподгорное, Александровское и Незлобное, въ которыхъ насчитывалось 629 дворовъ съ населеніемъ до 4050 душъ обоего пола. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ обращеніи не было ничего искусственнаго или насильственнаго: однодворцы и экономическіе крестьяне названныхъ селеній, испытывая частыя тревоги, были уже настолько оказачены, что у нихъ нашлось при обращеніи въ казачество до 2400 лошадей и 850 исправныхъ ружей. Да и какой же русскій человѣкъ не казакъ, по слову Лермонтова, въ душѣ!

Такими способами поддержано было воинственное населеніе волгскаго войска при многочисленныхъ лишеніяхъ, начавшихся для него съ самого его передвиженія на Кавказъ

съ Волги, по голодной астраханской степи. Въ длинномъ ряду этихъ лишеній первое мѣсто занимаютъ, конечно, потери въ людяхъ, отъ непрерывныхъ непріятельскихъ набѣговъ, разореній, убійствъ, захватовъ въ плѣнъ и, въ добавокъ, отъ чумы, нерѣдко появлявшейся на Кавказской Линіи и особенно свирѣпствовавшей въ 1806 и 1814 годахъ. Несмотря на все это, волгское войско, къ концу періода своей самостоятельной жизни, явило замѣчательный примѣръ выносливости и жизненности, исторически отличающихъ русское племя: въ 1832 году оно вошло въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска, имѣя до десяти съ половиною тысячъ душъ населенія (обоего пола) и изъ того числа до 1150 строевыхъ казаковъ. При поселеніи же войска на Кавказѣ въ 1778 году народонаселеніе его, какъ мы видѣли, состояло изъ 4640 душъ обоего пола, а прибавка отъ причисленій неособенно была значительна.

Какъ о выдающемся, хотя и не единственномъ въ развитіи кавказской колонизаціи фактѣ, можно упомянуть о томъ, что Екатерининская станица волгскаго войска повышена была одно время на степень главнаго города въ краѣ. Въ 1785 году было учреждено Кавказское намѣстничество изъ двухъ губерній, Кавказской и Астраханской, при чемъ Екатерининская крѣпость и станица того же наименованія объявлены были главнымъ городомъ намѣстничества подъ именемъ Екатериноград. Древній хозарскій Итиль, а потомъ столица татарскаго царства—Астрахань должна была преклониться предъ новымъ городомъ, номинально выросшемъ въ глухомъ углу, образуемымъ сліяніемъ Малки съ Терекомъ. Но городъ, даже номинально, не просуществовалъ и десяти лѣтъ «Фортуна скрылася, одна сума на глазахъ». Осталась одна прежняя станица, только переименованная изъ Екатерининской въ Екатериноградскую. И при станицѣ остались до нашего времени никому ненужныя тріумфальныя ворота съ надписью: «Построены попеченіемъ генералъ-губернатора Потемкина». Самая

станица, носительница имени мертворожденнаго города, выбыла впослѣдствіи изъ состава волгскаго войска для образованія новой линейной части, къ обозрѣнію которой мы и перейдемъ.

Существовало правило, чтобы каждая линейная часть, войско или полкъ, обороняла своими силами свою территорію, занятую ея поселеніями. Между этими поселеніями возникали нерѣдко и гражданскія, оборона которыхъ лежала также на казакахъ. Генералъ Ермоловъ, взвѣсивъ несоразмѣрность территоріальнаго пространства съ численной силой волгскаго войска, призналъ необходимымъ, для достиженія нѣкотораго равновѣсія, организовать особую линейную часть между волгскимъ войскомъ и моздокскимъ полкомъ. Часть эта была устроена въ 1824 году подъ наименованіемъ Горскаго полка, въ составъ котораго поступили: горская казачья команда, учрежденная въ Моздокѣ при самомъ его основаніи изъ кабардинскихъ и другихъ горскихъ выходцевъ; Луковская станица, основанная при Моздокѣ же донскими переселенцами, вызванными, какъ мы видѣли, для пушкарской службы при крѣпостной артиллеріи; два осетинскія селенія, составившіяся изъ выходцевъ этого племени; четыре русскія гражданскія селенія, водворившіяся между казачьими станицами, и, наконецъ, Екатериноградская станица волгскаго войска. Изъ перечисленныхъ элементовъ образовались, кромѣ Луковской и Екатериноградской, станицы: Горская, Черноярская (осетинская), Прохладная и Солдатская. Такимъ образомъ, новый полкъ составился изъ девяти станицъ, съ населеніемъ до пяти съ половиною тысячъ душъ. Чрезъ четыре года (въ 1829 г.), онъ былъ усиленъ еще двумя станицами, Государственною и Курскою, обращенными изъ гражданскихъ поселеній тѣхъ же наименованій, и выставлялъ въ строй болѣе 800 казаковъ. Русскіе поселяне быстро превращались въ служилыхъ казаковъ, потому что еще до того были обстрѣляны, но инородческій элементъ, какъ не считали его «обычнымъ въ войнѣ»,

не былъ такъ податливъ на несеніе тяжелой линейной казачьей службы. Съ обращеніемъ горской команды въ составъ полка были сюда же зачислены и многія семейства осетинъ и адыговъ, жившія въ Моздокѣ безъ всякой службы подъ именемъ «моздокскихъ казачьихъ братьевъ» (какъ бы старинныхъ подсусѣдковъ); но этихъ братьевъ никакая правительственная сила не могла заставить побратоваться съ казаками и служить ихъ службу. Такимъ образомъ сформированіе горскаго полка въ подавляющемъ большинствѣ изъ русскихъ людей показало, насколько состоятельна была давняя правительственная мысль найти достаточное подспорье къ умиротворенію горцевъ въ самихъ горцахъ.

Кромѣ того, образованіе горскаго полка было, такъ сказать, шестымъ днемъ въ мірозданіи кавказскаго казачества старой эпохи: этою частью, шестой по счету, закончился на восточномъ Кавказѣ циклъ самостоятельныхъ линейныхъ единицъ, подготовившихъ образованіе Кавказскаго Линейнаго войска Мысль о собраніи этихъ единицъ въ одно цѣлое возникла еще въ прошломъ столѣтіи, когда только еще приступлено было къ заведенію моздоцко-азовской линіи. Въ 1776 году дано было Высочайшее повелѣніе; «всѣ подъ разными названіями небольшія войска, оставя на мѣстахъ жительства, соединить въ одинъ корпусъ съ наименованіемъ астраханскимъ казацкимъ войскомъ, чрезъ что они получатъ связь» *). Но послѣдовавшее вскорѣ перемѣщеніе центра тяжести изъ Астрахани въ Екатериноградъ повело къ оставленію указаннаго войсковаго наименованія, причемъ и самое объединеніе «небольшихъ войскъ» фактически не состоялось. Въ 1820 годахъ этотъ забытый вопросъ былъ поднятъ генераломъ Ермоловымъ, но опять отложенъ по случаю персидской и турецкой войнъ, и только уже по представленію графа Паскевича-Эриванскаго осуществленъ въ 1832 году. Въ эту эпоху всѣ линейныя казачьи части, жившія индивидуально по ку-

*) Полн. Собр. Закон. Т. XX, ст. 14.464.

банскому и терскому бассейнамъ, за исключеніемъ нижняго теченія Кубани, занятаго Черноморскимъ войскомъ, были названы Кавказскимъ Линейнымъ войскомъ, съ территоріальнымъ протяженіемъ въ 700 верстъ, отъ Изряднаго-Источника на Кубани (пограничнаго поста съ Черноморскимъ войскомъ) до впаденія Терека въ Каспійское море. Войско получило значительное приращеніе въ населеніи обращеніемъ въ станицы тридцати слишкомъ гражданскихъ селеній, болѣе или менѣе свыкшихся съ пограничными тревогами. Въ томъ же 1832 году былъ назначенъ войсковой наказный атаманъ (генералъ-маіоръ Верзилинъ). Тѣ изъ старыхъ частей, которыя именовались войсками, получили названіе полковъ. Но это сдѣлано было только для однообразія въ названіяхъ; на самомъ же дѣлѣ каждая часть, оставаясь въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ, продолжала жить прежнимъ строемъ и порядкомъ, подчиняясь въ гражданскомъ отношеніи, каждая въ своемъ мѣстѣ, полицейскимъ и судебнымъ учрежденіямъ Кавказской области Единственное измѣненіе выразилось въ томъ, что два Терскія войска, по причинамъ объясненнымъ выше, чрезъ короткое время послѣ переименованія. ихъ въ полки Терскій-Кизлярскій и Терскій-Семейный, слиты были въ одну часть и, какъ было уже сказано, составили Кизлярскій полкъ.

Если, при этомъ перестроѣ, одна изъ старыхъ частей убыла, то убыль эта пополнилась образованіемъ новой части по восточной дугѣ Терека, на военно-грузинской дорогѣ, между крѣпостями Екатериноградской и Владикавказской. Это важное сообщеніе, для охраненія котораго заведены были военныя поселенія женатыхъ солдатъ, постоянно подвергалось хищническимъ нападеніямъ горцевъ Для болѣе прочнаго обезпеченія его безопасности, въ 1837 году приступлено было къ заселенію этого пространства двумя малороссійскими казачьими полками, сформированными въ 1831 году малороссійскимъ дворянствомъ для дѣйствій противъ польскихъ пов-

станцевъ, а потомъ обращенными на службу при войскахъ Кавказской Линіи. Семейные казаки названныхъ полковъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ десятковъ семействъ изъ старыхъ линейныхъ станицъ и переселенцевъ изъ Черниговской, Харьковской и Воронежской губерній, а также и солдатскихъ семействъ упраздненныхъ въ то же время военныхъ поселеній, заняли кабардинскіе берега Терека, на протяженіи ста слишкомъ верстъ, восемью станицами, изъ которыхъ составился Владикавказскій полкъ Населеніе этого полка въ состояніи было ставить на службу шесть боевыхъ сотень.

Занятіе передовой линіи къ западу отъ Владикавказа повело къ занятію такой же линіи и къ востоку—по Сунжѣ. Это была стратегическая и даже географическая необходимость для Владикавказской крѣпости, выдвинутой далеко впередъ отъ терской базы еще въ прошломъ столѣтіи, ради сообщенія съ Грузіей. О занятіи сунженской линіи дѣлалъ предположенія генералъ Булгаковъ въ 1810 году, а черезъ десять лѣтъ потомъ, генералъ Ермоловъ уже намѣтилъ ее сооруженіемъ крѣпости Грозной и другихъ полевыхъ укрѣпленій. Недоставало только казачьихъ станицъ, обыкновенно дополнявшихъ на Кавказѣ первое слово, сказанное такимъ или другимъ полевымъ укрѣпленіемъ Выдвиганіе станицъ на Сунжу началось съ 1845 года, когда еще поселеніе Владикавказскаго полка не было вполнѣ закончено. Въ тоже время совершалось аналогичное выдвиганіе линіи и со стороны Кубани на Лабу. Въ жизни Кавказскаго Линейнаго войска наступилъ періодъ усиленнаго колонизаціоннаго движенія, поглотившаго много финансовыхъ, а еще больше человѣческихъ жертвъ, но за то оказавшаго громадное вліяніе на исходъ кавказской войны. Старые линейные бойцы, по охотѣ, по жребію, по станичнымъ приговорамъ, покидали отцовскіе и дѣдовскіе очаги и шли въ горы съ своими семействами и имуществами, а мѣста ихъ пополнялись русскими людьми,

приливавшими изъ южныхъ губерній при правительственныхъ пособіяхъ. Съ этимъ внѣшнимъ движеніемъ совпало движеніе внутреннее — организаціонное. Въ 14 день февраля 1845 года Кавказскому Линейному войску Высочайше даровано,—по примѣру войскъ Донскаго и Черноморскаго, особое положеніе, всесторонне опредѣлившее его военное и гражданское устройство. Въ гражданскомъ отношеніи войско отособилось отъ Кавказской области, получивъ свое внутреннее управленіе, съ высшими и низшими учрежденіями, а по военной части— всѣмъ общественнымъ единицамъ войска, какъ старымъ, такъ и новымъ, дана однообразная организація съ уравнительнымъ распредѣленіемъ ихъ населеній. Основа организаціи осталась старая помѣстная или территоріальная, основа, должно сказать, историческая, существовавшая еще въ гетманскомъ малороссійскомъ войскѣ: каждый полкъ составилъ свой территоріальный округъ: а станицы въ округѣ подѣлились на сотни. Каждая сотня выѣзжала въ строй съ своимъ значкомъ, на которомъ изображался крестъ съ девизомъ: «Съ нами Богъ». Казакъ во фронтѣ чувствовалъ стремя товарища, плетень котораго граничилъ съ его дворомъ въ станицѣ. Строевой составъ полка опредѣленъ въ шесть сотень обыкновенной эскадронной численности. На одну строевую сотню положена тысяча, а на полкъ шесть тысячъ душъ мужскаго пола. Для достиженія такой нормы, въ старыхъ полкахъ потребовалось перечислить нѣкоторыя станицы изъ однихъ полковыхъ округовъ въ другіе, смежные, а въ новыхъ добавить недостающее число жителей переселенцами изъ губерній, преимущественно малороссійскихъ. Полки сохранили свои старыя имена, а присвоенные каждому изъ нихъ цвѣта въ обмундированіи способствовали, можно сказать, къ удержанію каждымъ своей физіономіи. Но особенно замѣчательно то, что помѣстное военное устройство дало возможность и земскому или гражданскому строю придать простоту, такъ желательную русскому человѣку, такъ отвѣчающую

складу его ума и характеру. Военное и гражданское управленіе было слито въ однихъ учрежденіяхъ—полковыхъ и станичныхъ правленіяхъ. Такая естественность и близость къ жизни устраняла многоначаліе и соединенное съ нимъ развитіе канцеляризма, бюрократическаго формализма. Ни одно изъ казачьихъ войскъ, за исключеніемъ развѣ уральскаго, не писало такъ мало бумагъ, какъ кавказское, и за то ни одно не работало такъ лихо винтовкою и шашкою.

Полки были распредѣлены на бригады. Счетъ бригадъ шелъ отъ Кубани къ Тереку. Волгскій полкъ, по избытку своего населенія раздѣленный на два полка, составилъ въ реорганизованномъ кавказскомъ войскѣ 6-ю бригаду, Горскій и Владикавказскій 7-ю, Моздокскій, Гребенской и Кизлярскій 8-ю. Но какъ войсковое положеніе 1845 года застало войско въ самомъ разгарѣ колонизаціоннаго движенія, а движеніе это влекло за собою развитіе строеваго состава войска, то чрезъ протеченіе извѣстнаго времени и показанное число бригадъ увеличилось. Въ восточномъ отдѣлѣ Кавказской Линіи, подлежащемъ настоящему обозрѣнію, колонизаціонное движеніе создало двѣ новыя бригады по бокамъ и, отчасти, внутри треугольника, въ вершинѣ котораго стояла крѣпость Владикавказъ.

Заселеніе Сунжи, начавшееся, какъ мы видѣли, въ 1845 году, совершалось, съ нѣкоторыми уклоненіями въ стороны и съ перерывами во времени, болѣе пятнадцати лѣтъ. Географическая послѣдовательность уступала нерѣдко мѣсто злобѣ дня—относительнымъ, чтобъ не сказать случайнымъ соображеніямъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ наступательно противъ Шамиля. Какъ бы то ни было, но по сунженскому бассейну, въ показанный періодъ времени, водворилось три новыхъ полка: одинъ занялъ вершины Камбилея, Сунжи и длиннѣйшаго изъ ея притоковъ, Ассы—семью станицами; другой заселилъ среднее теченіе Сунжи съ боковымъ сообщеніемъ отъ нея къ Моздоку—семью станицами, и третій нижнее теченіе

Сунжи до Брагуновъ и Горячихъ водъ—восемью станицами. Первый изъ этихъ передовыхъ полковъ названъ 2-мъ Владикавказскимъ и вмѣстѣ съ 1-мъ полкомъ того же наименованія составилъ новую бригаду *), два остальные полка названы 1-мъ и 2-мъ Сунженскими и также составили особую бригаду.

Съ развитіемъ Кавказской линіи усложнялось ея управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ нарушалось и единство управленія Кавказскаго Линейнаго войска. Свободное отъ многоначалія внутри, оно подвергалось ему извнѣ. По учрежденію непосредственное управленіе войскомъ принадлежало одному войсковому наказному атаману, но по военнымъ обстоятельствамъ въ него вмѣшивались многіе распорядители, а именно: начальникъ праваго фланга линіи, начальникъ центра, начальникъ владикавказскаго округа, начальникъ лѣваго фланга, и, вдобавокъ, начальники разныхъ кордоновъ. При фельдмаршалѣ князѣ Барятинскомъ расчлененіе это увѣнчевалось простымъ способомъ: кавказская линія раздѣлена географически на двѣ половины, названныя правымъ крыломъ и лѣвымъ крыломъ, и по этому дѣленію положены два только начальника. Правое крыло простиралось по кубанскому, лѣвое по терскому бассейну. Въ 1860 году, первое переименовано въ Кубанскую, а послѣднее къ Терскую область. Начальники того и другаго крыла получили званіе начальниковъ областей и командующихъ войсками въ ихъ предѣлахъ. Въ областяхъ, кромѣ казаковъ и горцевъ, за незначительнымъ исключеніемъ въ пользу гражданскаго элемента, никого больше не было. Гражданскій элементъ сосредоточивался въ Ставропольской губерніи, состоявшей по срединѣ между двумя областями. Чтобы дать областямъ гражданское значеніе, нужно было или Ставропольскую губернію распредѣлить пополамъ между

*) Причемъ моздокскій полкъ составилъ бригаду съ горскимъ, а гребенской съ кизлярскимъ. Нынѣшнія составныя названія полковъ произошли отъ имянъ ихъ бригадныхъ составовъ.

ними, или наполнить ихъ другимъ земскимъ содержаніемъ. Рѣшено было Ставропольской губерніи не упразднять, а содержаніе областямъ создать посредствомъ учрежденія въ ихъ предѣлахъ двухъ казачьихъ войскъ на томъ же географическомъ основаніи и подъ тѣми же наименованіями, какъ были сочинены и области. Новаго создать тутъ ничего не приходилось, требовалось только перестроить существовавшія уже два казачьи войска, Кавказское и Черноморское. Къ существованію этого, первыя шесть бригадъ Кавказскаго и все населеніе Черноморскаго войскъ, то есть казачество кубанскаго бассейна составляло войско Кубанское, а тоже казачество терскаго бассейна—войско Терское. Отличительные цвѣта въ обмундированіи присвоены—первому красный, а послѣднему голубой. Войсковое правленіе и другія высшія учрежденія Кавказскаго Линейнаго войска отошли къ войску Терскому. Оно же наслѣдовало и архивъ Кавказскаго войска. Для Кубанскаго же войска остались въ дѣйствіи высшія учрежденія бывшаго войска Черноморскаго. Званіе наказнаго атамана войска кубанскаго присвоено командующему войсками кубанской области, а какъ въ это время одно и тоже лицо (генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ) было командующимъ войсками и терской области, то въ терское войско былъ назначенъ къ исправленію должности наказнаго атамана начальникъ штаба упраздненнаго войска Кавказскаго.

Образованіе двухъ казачьихъ войскъ на Кавказѣ, получившихъ именованія по двумъ второстепеннымъ рѣкамъ края, совершилось въ 1861 году. Десять почти лѣтъ послѣ этого событія, пока Терская область составляла одинъ только географическій терминъ, нынѣшнее Терское войско продолжало существовать тѣмъ же строемъ, какимъ жило оно въ составѣ Кавказскаго Линейнаго войска, по войсковому положенію 1845 года. Наконецъ, въ 1870 году была фактически образована Терская область «изъ земель Терскаго казачьяго войска, крестьянъ и горскихъ округовъ», со введеніемъ управ-

ленія «на основаніи общаго губернскаго учрежденія». Должность начальника области соединена съ должностью наказнаго атамана въ одномъ лицѣ; общественныя учрежденія въ станицахъ подчинены окружнымъ (уѣзднымъ) и городскимъ полиціямъ области. Введены судебные уставы 20 ноября 1864 года *) Войсковое сословіе вступило въ тѣже административныя формы гражданской жизни, въ какихъ живутъ другія сословія въ государствѣ. Но по военной части, въ томъ же 1870 году, издано особое положеніе, которымъ строевой составъ войска и самый способъ отбыванія воинской повинности измѣнены кореннымъ образомъ. Вмѣсто поголовной службы по старому уставу и обычаю, выдѣленъ изъ общей цифры мужскаго населенія извѣстный контингентъ, обязанный отбывать воинскую повинность, а остальные люди служебнаго возраста обращены въ «неслужилый разрядъ» съ обязательствомъ платить, взамѣнъ службы, денежный налогъ въ войсковую казну. Что до строевой организаціи войска, то, не упоминая объ артиллерійскихъ и другихъ частяхъ, скажемъ только, что на мѣсто пяти бригадъ, отошедшихъ отъ кавказскаго линейнаго войска, образовано пять конныхъ полковъ четырехсотенныхъ, съ тройнымъ численнымъ составомъ: во первыхъ, для того, чтобы казакъ, при мирномъ теченіи государственной жизни, имѣлъ за одинъ годъ службы, два года льготы, и, во вторыхъ, чтобы въ случаѣ войны къ каждому изъ пяти полковъ можно было прибавить еще два Полкамъ оставлены ихъ историческія имена. Имена эти исчислены въ началѣ настоящаго очерка.**)

Духъ кавказскаго линейнаго казака несомнѣнно живетъ въ Терцѣ среди новаго уклада гражданской жизни войска. Этотъ крѣпкій духъ, по старому готовый на всякія жертвы,

*) См. два имен. высоч. указа, данные правит. сенату въ одинъ день, 30 декабря 1869 года.

**) Въ 1882 году Сунженскій полкъ соединенъ съ Владикавказскимъ и образовался Сунженско-Владикавказскій полкъ.

сказался въ поголовномъ снаряженіи Терцевъ на войну, недавно нами пережитую. Крайняя тягость этого снаряженія, съ одной, и равное ей одушевленіе, съ другой стороны, засвидѣтельствованы атаманскимъ приказомъ по Терскому войску отъ 22 ноября 1876 года (№ 20), въ такихъ словахъ: «Знаю, товарищи, чего вамъ стоило это снаряженіе послѣ бѣдствій, постигшихъ край въ нынѣшнемъ году: послѣ майскихъ морозовъ, уничтожившихъ сады, послѣ засухи, доведшей до совершеннаго безплодія ваши луга и нивы, послѣ саранчи, унесшей многіе посѣвы на кизлярскихъ низменностяхъ. Знаю, что отцы выводили на продажу послѣдній скотъ, для того чтобы купить коней сыновьямъ, что жены ваши, оставляя дѣтей, сами становились за плугъ. Совершить это могла только присущая вамъ вѣковая казачья доблесть, въ одной лишь смерти находящая преграду къ исполненію державной воли Царской! Честно исполнивъ свой долгъ, вы стали выше всякихъ похвалъ и не мнѣ благодарить васъ, товарищи: вашу службу не забудетъ батюшка Царь, съумѣетъ оцѣнить ее мать Россія. Вашъ Атаманъ можетъ только гордиться вами. Васъ первыхъ, изъ всего русскаго казачества, осчастливилъ словомъ призыва со льготы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ чрезъ Августѣйшаго Намѣстника: не сомнѣваюсь, что и въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ на васъ, какъ въ былые годы Кавказскихъ битвъ, съ удивленіемъ и гордостью посмотрятъ братья — казаки со всѣхъ концовъ земли русской.»

Разсказъ гребенца Ивана Демушкина о походѣ Князя Бековича-Черкасскаго на Хиву въ 1717 году. *)

«До Аму-Дарьи киргизы и трухмены дѣлали на насъ два большія нападенія, да мы ихъ оба раза какъ мякину по степи развѣяли.

Яицкіе казаки даже дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ ихъ въ шашки ходили. А мы какъ понажмемъ поганыхъ халатниковъ, да погонимъ по кабардинскому, такъ они и пики свои по полю разбросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками, да послѣ на дрова рубимъ и кашу варимъ.....

За одинъ переходъ отъ Хивы ханъ, наконецъ, замирился и просилъ остановить войска, а самаго князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшись ѣхать къ хану, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человѣкъ, у коихъ еще были лошади, и мы отправились, прибравшись въ новые чекмени и бешметы съ галу-

*) Въ поискахъ за торговымъ путемъ въ Индію, Петръ Великій снарядилъ войска подъ начальствомъ князя Александра Бековича-Черкасскаго, причемъ въ составъ этого отряда вошли 500 гребенскихъ и часть терскихъ казаковъ. Бековичъ выступилъ изъ Гурьева-городка въ іюнѣ 1717 года и направился по безводнымъ и непривѣтливымъ средне-азіятскимъ степямъ къ Хивинскому ханству. Исходъ этой экспедиціи былъ печаленъ. Отрядъ былъ измѣнически уничтоженъ ордами предателя хана Ширъ-Гази, поклявшагося на коранѣ не поднимать больше оружія противъ русскихъ и, пригласившаго кн. Бековича посѣтить Хиву. Немногіе изъ бойцовъ этого отряда вернулись на родину,—изъ нихъ: яицкій казакъ Емельяновъ, татаринъ Алтынъ, гребенской казакъ Бѣлотелкинъ и вожакъ похода туркменъ Хаджи-Нефесъ, осенью 1717 года, передъ сенатомъ и царемъ сообщили всѣ подробности гибели отряда. Гребенцы—Щедринскаго городка казакъ Петръ Стрѣлковъ и Червленнаго городка казакъ Иванъ Демушкинъ, перепроданные хивинцами въ рабство въ Персію, бѣжали оттуда и вернулись на Терекъ

номъ, а коней посѣдлали съ наборною сбруею. Хива городъ большой, обнесенный стѣной съ каланчами, да только улицы въ ней очень уже тѣсныя. У воротъ насъ встрѣтили знатнѣйшіе хивинскіе вельможи; они низко кланялись князю, а намъ съ усмѣшкой говорили: «черкесъ-казакъ якши, рака будемъ кушай». Ужь и дали они намъ раки, измѣнники треклятые, трусы подлые, что умѣютъ бить только лежачаго.

Справивши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ, а тамъ у нихъ были положены двѣ засады за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась какъ змѣя, такъ что мы проѣзжали по два и по три коня, и заднимъ совсѣмъ не было видно переднихъ людей за этими кривулями.

Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу переднимъ, и начала палить изъ пищалей. Наши остановились и не знаютъ впередъ ли, назадъ ли дѣйствовать, а въ это время показались новыя орды съ боковъ, и давай въ насъ жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ и изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились. И не приведи Господи, какое тамъ началось побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, и даже пиками трехсаженными донимали насъ— вотъ, какъ рыбу, что багрятъ зимой на Яикѣ.

Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: «съ коней долой, ружья въ руки!» а потомъ всѣ подаютъ уже голосъ: «въ кучу молодцы, въ кучу!» А куда въ кучу, коли двумъ, тремъ человѣкамъ съ лошадьми и обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые и тѣ отбивались лежачіе, не желая отдаваться въ полонъ хивинцамъ. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ тогда изъ треклятой трущобы, всѣ тамъ полегли, а изверги издѣвались даже надъ казацкими тѣлами: отрѣзывали головы

и, вздѣвши ихъ на длинныя пики, носили по базарамъ. Самого Бековича схватили раненаго, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобы расходился малыми частями по разнымъ ауламъ. А когда войска разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, то, въ тѣ поры, хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ яссыри. Съ самаго Бековича, послѣ лютыхъ мукъ, съ живаго содрали кожу, приговаривая: «не ходи Девлетъ*) въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарьи рѣки, не ищи золотыхъ песковъ.....»

*) Князь Бековичъ-Черкасскій былъ родомъ изъ кабардинскихъ князей и до св. крещенія носилъ имя Девлетъ-Гирей.

Геройская оборона Наурской станицы въ 1774 году *).

Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило восьмитысячное скопище татаръ, кабардинцевъ и турокъ, подъ предводительствомъ Калги—изъ рода крымскихъ султановъ.

Строевые казаки еще не возвращались изъ похода, и дома оставались только старики, женщины, дѣти и легіонная команда. У непріятеля былъ явный расчетъ захватить врасплохъ беззащитныхъ жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валомъ и снабжена орудіями. Непріятель не зналъ однакоже, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло—и встрѣтилъ небывалое войско и съ небывалымъ оружіемъ. Разряженныя наурскія казачки въ красныхъ сарафанахъ вышли на защиту роднаго городка и отражали непріятельскіе приступы на ряду съ мужьями и братьми **). На женщинъ, между прочимъ, была возложена обязанность поддерживать костры, разогрѣвать смолу и лить со стѣнъ кипятокъ на головы штурмующихъ. Сохранилось преданіе, что даже щи, варившіяся къ обѣду, шли у казаковъ на дѣло защиты.

Оборона Наура была первымъ случаемъ, когда отъ Кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впослѣдствіи она уже не разставалась съ нею и сроднилась, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, среди суровой обстановки порубежнаго быта. Моздокскія казачки не пугались ни свиста вражескихъ пуль, ни стрѣлъ, ни дикаго рева и гика нападающихъ непріятелей. Спокойно, рядомъ съ старыми волжскими бойцами, встрѣчали онѣ яростныя атаки татаръ, защищались серпами, косили косами смѣльчаковъ, появлявшихся

*) «Кавказская война». В. Потто. Т. I, выпускъ I.

**) По другимъ разсказамъ, казачки переодѣлись въ мужское платье.

на земляномъ валу станицы. Чугунныя пушки перевозились на людяхъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, откуда усиливался приступъ.

Нѣсколько отбитыхъ штурмовъ дорого стоили татарамъ. Полагаютъ, что ихъ потеря простиралась до восьмисотъ человѣкъ и, что большая часть ея пала на кабардинцевъ. Въ числѣ убитыхъ кабардинцевъ былъ и одинъ изъ извѣстныхъ владѣльцевъ, князь Каргока Татархановъ, и тѣло его осталось на полѣ сраженія. Уже одно это обстоятельство показываетъ, какъ сильно было смятеніе татаръ, считающихъ священнымъ долгомъ выносить изъ боя тѣла убитыхъ товарищей, а тѣмъ болѣе вождей и предводителей. Цѣлый день длилась кровавая борьба за обладаніе Науромъ, и цѣлый день, истомленные боемъ, наурцы ожидали выручки, но выручка не появлялась. Станица Червленная лежала всего въ сорока верстахъ, но сообщеніе съ нею было прервано.....

Такъ прошелъ день 10 іюня. 11-го, съ разсвѣтомъ, вновь загремѣли казацкія пушки, но, къ общему удивленію, непріятель быстро сталъ отходить отъ станичныхъ валовъ, и скоро безпорядочныя толпы его скрылись изъ глазъ изумленныхъ наурцевъ. Никто не зналъ и не догадывался о настоящей причинѣ столь поспѣшнаго отступленія вражескаго табора, и уже впослѣдствіи только стали говорить, что снятіемъ осады Науръ обязанъ былъ казаку Перепорху, наведшему орудіе прямо на высокій курганъ, гдѣ стояла ставка Калги, и, счастливымъ выстрѣломъ, убившаго любимаго племянника предводителя. Въ этой случайности Калга увидѣлъ для себя дурное предзнаменованіе и больше не хотѣлъ оставаться на поляхъ, обагрившихся неповинною кровью юноши. Спустя много лѣтъ послѣ этого событія, въ 1838 году, казаки разрыли однажды станичный курганъ, на которомъ, по разсказамъ ихъ дѣдовъ, стояла ставка крымскаго султана, и дѣйствительно нашли въ землѣ человѣческія кости, серебрянный кувшинъ и золотыя украшенія съ пояса и конской сбруи. Кто знаетъ, быть мо-

жетъ это и были останки того человѣка, случайная смерть котораго рѣшила участь наурской осады.

Хотя разсказъ о казакѣ Перепорхѣ и о его удачномъ выстрѣлѣ и довольно популяренъ среди жителей Наурской станицы, но большинство казаковъ и донынѣ приписываютъ снятіе осады и бѣгство непріятеля только особому Божіему покровительству. Преданіе гласитъ, что на зарѣ 11-го іюня, въ день памяти святыхъ апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, два всадника, на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлой одеждѣ, проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ паническій ужасъ. Въ ознаменованіе этого событія, въ наурской церкви устроенъ даже придѣлъ во имя апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, и день 11-го іюня празднуется въ Моздокскомъ полку до настоящаго времени.

«Это бабій праздникъ», говорятъ о немъ казаки, вспоминая славное участіе, которое приняло въ бою женское населеніе станицы. Многія изъ представительницъ славнаго дѣла дожили до позднѣйшаго времени, и посѣтители Наура еще не очень давно встрѣчали старыхъ героинь, украшенныхъ медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины – казачки при защитѣ Наура, была особенною причиною, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего пораженія. Даже мирные изъ нихъ старались не встрѣчаться съ моздокскимъ казакомъ, боясь насмѣшекъ на счетъ того, «какъ Кабарда пошла воевать, да не управилась съ казацкими бабами». Когда же приходилось встрѣчать кого-нибудь съ обожженнымъ лицомъ, то казакъ и казачка уже навѣрное не пропустятъ, бывало, случая позубоскалить надъ злополучнымъ джигитомъ.

«А что, досъ (пріятель), не щи ли въ Наурѣ хлѣбалъ?» спроситъ, бывало, линеецъ и провожаетъ добродушнымъ смѣхомъ угрюмо молчащаго кабардинца.

Бывшія военныя поселенія на военно-грузинской дорогѣ.

Терская линія, или какъ она тогда называлась «Моздокская», территоріальнаго рубежа предѣловъ Россіи не составляла, и хотя по Ганжинскому договору съ Персіею въ 1734 г., послѣ перенесенія крѣпости Св. Креста и переселенія аграханскаго казачьяго войска на Терекъ, мѣста тѣ отошли къ Персіи, но предгорное пространство по р. Сунжѣ *) и къ Дарьяльскому ущелью было во власти Россіи почему уже въ то время оказалось необходимымъ распространить русское военное населеніе и по этимъ мѣстамъ, въ особенности отъ Моздока къ Дарьялу, для сообщенія съ Грузіею. Между тѣмъ этотъ пробѣлъ существовалъ очень долгое время, и только въ 1803 г., назначенный инспекторомъ Кавказской линіи и Главнокомандующимъ въ Грузіи генералъ-лейтенантъ князь Циціановъ, предложилъ занять линію на р. Сунжѣ и, для сообщенія съ Грузіею, линію отъ Екатериноградо до Владикавказа, о чемъ была составлена генераломъ Родзевичемъ про-

*) Относительно Сунженскихъ долинъ, какъ извѣстно изъ нѣкоторыхъ данныхъ, еще въ 1670 г., по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, Шотландскимъ инженеромъ полковникомъ Томасомъ Бехлія, служившимъ въ русской службѣ, былъ составленъ планъ укрѣпленій при минеральныхъ теплицахъ (вѣроятно, гдѣ теперь деревня Старый-юртъ и станица Михайловская), такъ какъ тамъ лежалъ купеческій путь на Андреевскую деревню, образовавшуюся при нѣкогда существовавшей тамъ русской крѣпости Св. Андрея, гдѣ сосредоточивалась главная торговля,—путь, который охотно охранялся чеченцами, получавшими за то вознагражденіе. Дѣйств. Ст. Сов. Дебу, въ сочиненіи своемъ изд. въ 1829 г, поясняетъ, что объ этомъ есть подробности въ бумагахъ родственниковъ инженера Бехлія, жительствовавшихъ въ Ревелѣ. Во время походовъ въ сороковыхъ годахъ, мнѣ приходилось встрѣчать признаки давнишнихъ окоповъ близъ бывшаго укрѣпленія Казакъ-кичу. *Авт.*

ектная карта, но это предположеніе осталось безъ послѣдствій, вѣроятно по случаю внезапной смерти князя Циціанова, измѣннически убитаго въ февралѣ 1806 года. Въ 1817 же году, генераломъ Ермоловымъ положено основательное начало Сунженской линіи, устройствомъ укр. Преградный станъ и кр. Грозный, а вскорѣ, въ связи съ этою линіею, выстроены имъ крѣпости: Герзель-аулъ, Внезапная и Бурная. Затѣмъ въ двадцатыхъ годахъ занята укрѣпленіями Большая Кабарда при рѣкахъ: Черекѣ, Урванѣ, Нальчикѣ, Чегемѣ, Баксанѣ—и главная дорога къ Владикавказу назначена отъ ст. Екатериноградской, по лѣвому берегу р. Терека, для чего построены укрѣпленія: противъ Екатеринограда на правой сторонѣ р. Малки Зарѣчное, съ учрежденіемъ въ немъ карантина, имѣвшаго значеніе центральнаго,—Пришибское, Аргуданское, Урухское, Минаретское, Дурдурское, Ардонское и Архонское. Линія этого протяженія (отъ Екатеринограда до Владикавказа 105 верстъ) наименована Линіею Военно-Грузинской дороги, съ вооруженіемъ ее, кромѣ крѣпостныхъ пушекъ, какъ во всѣхъ прочихъ укрѣпленіяхъ, также и легкими полевыми орудіями, съ полевымъ комплектомъ прислуги и лошадей. При этомъ, въ виду того, что Минаретскіе горы и дремучій лѣсъ представляли удобство горцамъ скрываться въ нихъ для нападеній, сдѣлана обходная дорога съ вырубкой лѣса на пушечный выстрѣлъ, что замѣтно и теперь. Сохранено этому прорубу названіе Ермоловской просѣки.

Какія были предположенія при генералѣ Ермоловѣ насчетъ заселенія этихъ мѣстъ—неизвѣстно, но старики разсказывали, что когда въ 1831 г., было преобразованіе въ Россіи военныхъ поселеній въ округа пахатныхъ солдатъ, были слухи, что предположено округъ таковыхъ образовать и на Кавказѣ въ предгорныхъ мѣстностяхъ, изъ нижнихъ чиновъ регулярныхъ войскъ, и что строевые части этихъ поселеній будутъ именоваться Кавказскими уланами, съ предоставле-

ніемъ права и туземцамъ служить въ нихъ, какъ это было при существованіи Грузинскаго гусарскаго полка для грузинъ Съ назначеніемъ въ томъ же 1831 г. командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта барона Розена, слухи эти въ нѣкоторой степени подтверждались. Въ корпусномъ штабѣ, какъ разсказывали, гласно составлялся проектъ объ образованіи кавказскихъ военныхъ поселеній, и во время посѣщенія Кавказа Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1837 г., 10 октября въ Тифлисѣ послѣдовало Высочайшее Его Величества соизволеніе начать эти поселенія. Говорили, что Государь на пути изъ Владикавказа, при осмотрѣ Дурдурскаго укрѣпленія, указалъ на красивую возвышенность противъ этого укрѣпленія и повелѣлъ занять ее для военнаго поселенія.

Въ то время на Кавказѣ находились два малороссійскихъ казачьихъ полка, прибывшихъ сюда по возвращеніи съ польскаго похода въ 1831 г. Полки эти были на регулярномъ кавалерійскомъ положеніи, въ четырехъ-эскадронномъ составѣ каждый; первый изъ нихъ квартировалъ на Кубани, а второй въ Кабардѣ. Къ пріѣзду Государя, второму полку было велѣно представиться на смотръ Его Величеству на линіи Военно-Грузинской дороги, поэскадронно въ укрѣпленіяхъ: Архонскомъ, Ардонскомъ, Урухскомъ и Пришибскомъ. На Высочайшемъ смотру они показали себя въ блестящемъ состояніи, о чемъ лестно объявлено въ приказѣ по корпусу. Восторгъ малороссійцевъ былъ невыразимый, и братья ихъ, составлявшіе первый полкъ, завидовали имъ, но вскорѣ объяснилось, что распоряженіе командира корпуса, барона Розена, представиться полку на Высочайшій смотръ въ упомянутыхъ укрѣпленіяхъ, было въ тоже время предназначеніемъ имъ тѣхъ мѣстъ для постояннаго поселенія безъ возврата на родину.

Въ слѣдующемъ 1832 г., послѣдовало распоряженіе по корпусу, назначить изъ пѣхотныхъ полковъ и линейныхъ баталіоновъ, семейныхъ нижнихъ чиновъ православнаго испо-

вѣданія, какіе окажутся изъ поступившихъ на службу съ 1820 года, для водворенія ихъ военными поселянами на Кавказѣ, согласно положенія, какое для того было издано,—съ денежнымъ пособіемъ отъ казны на обзаведеніе хозяйствомъ и съ отпускомъ, до совершеннаго устройства, казеннаго провіанта на всѣхъ членовъ въ семействахъ, одежды и ружей и съ общиннымъ надѣломъ земли. Форма одежды и вооруженія была установлена слѣдующая: шинель безъ погонъ, полукафтанъ сѣраго шинельнаго сукна съ нагрудными газырями, поясъ съ штыкомъ вмѣсто кинжала, патронная сумка на поясѣ и пѣхотное ружье.

Начало военныхъ поселеній назначено именно на линіи Военно-грузинской дороги. Первыя два поселенія основаны: при впаденіи р. Урсъ-донъ (Бѣлая) въ Терекъ, на возвышенности указанной Государемъ, съ наименованіемъ Николаевскимъ, а другое между рр. Урухомъ и Лескеномъ на роскошной полянкѣ, съ наименованіемъ Александровскимъ, по 250 дворовъ въ каждомъ, съ окопомъ, рвами и съ вооруженіемъ артиллеріею. Устройство ихъ подчинено вѣдѣнію Владикавказскаго коменданта, съ назначеніемъ начальниками поселеній пѣхотныхъ офицеровъ въ чинѣ капитана, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ и съ содержаніемъ, опредѣленнымъ для военныхъ поселеній вообще. Поселенія эти, при тогдашнемъ изобиліи лѣса, выстроены были закаленными въ бояхъ, восемнадцать лѣтъ прослужившими, солдатами—очень быстро, такъ что къ осени они жили уже въ домахъ. Дѣти ихъ мужскаго пола, бывшія въ кантонистскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и состоявшія уже на службѣ, возвращены къ нимъ.

Второй малороссійскій полкъ въ томъ же году переведенъ изъ Кабарды въ поясненныя укрѣпленія, съ порученіемъ командиру полка принять начальствованіе линіею; полковая штабъ-квартира назначена въ укр. Ардонскомъ. Одновременно съ этимъ, полку велѣно занять при укрѣпленіяхъ мѣста, по даннымъ планамъ, для поселенія всѣхъ женатыхъ обоихъ пол-

ковъ нижнихъ чиновъ, съ наименованіемъ этихъ мѣстъ эскадронными поселенными кадрами, въ каждомъ по 250 дворовыхъ усадьбъ, въ такихъ размѣрахъ, чтобы у каждаго поселянина былъ садъ, отдѣляющій сосѣднія постройки. Насчетъ такихъ размѣровъ дворовъ, командиромъ полка было испрошено разрѣшеніе, такъ какъ въ планахъ военныхъ поселеній оказалось весьма неудобнымъ, что дворы отведены малые и дома подъ одною кровлею для двухъ хозяевъ, съ раздѣленіемъ только глухою стѣною. Квартировавшій на Кубани 1-й полкъ, осенью того же года, переведенъ въ Владикавказъ, причемъ женатые нижніе чины его отчислены на поселеніе во 2-й полкъ, а взамѣнъ ихъ изъ него переведено такое же число въ 1-й. На обзаведеніе хозяйствомъ каждому водворяемому назначено отъ казны денежное пособіе единовременно по 42 р. 85 коп., каковое пособіе опредѣлено и прочимъ, кто вступитъ въ бракъ изъ холостыхъ обоихъ полковъ, съ отдачею въ собственность ихъ казенной мундирной одежды и вооруженія, и съ общиннымъ надѣломъ землею. Постройка домовъ была произведена общими силами отъ перваго до послѣдняго по очереди, что, при близости лѣсныхъ матеріаловъ и при регулярномъ надзорѣ, шло очень быстро, какъ и въ военныхъ поселеніяхъ; неумѣніемъ же работать никто не смѣлъ отказываться. Въ 1839 г., вызваны изъ Малороссіи жены и дѣти поселяющихся, на казенный счетъ общею партіею, и по прибытіи зачислены всѣ на казенное довольствіе до совершеннаго устройства и развитія собственнаго хлѣбопашества. Разсказывали, что прибытіе женъ, доставило въ четырехъ кадрахъ такое сердечное удовольствіе, какое казалось бы трудно возбудить при флегматичности малороссовъ; каждый ожидая свою подругу жизни, съ которою пробылъ до поступленія на службу коротбое время, а затѣмъ не видѣлся 8 лѣтъ, готовился встрѣтить ее съ бутылкою калгановки или имбировки, и, «почастувавшись» съ добрыми друзьями, хвастался передъ ними красотою своей «жінки». Дѣйствительно въ числѣ

прибывшихъ были хорошенькія хохлушки, за рѣдкими исключеніями. Было также много красивыхъ женщинъ и между военными поселянками великорусскаго происхожденія. Грустно вспоминать, что большая часть ихъ сдѣлались преждевременными жертвами пагубнаго климата, въ особенности въ Николаевскомъ поселеніи и въ Урухскомъ кадрѣ!

Вскорѣ, поселившійся полкъ изъ № 2 Малороссійскаго переименованъ въ Владикавказскій, но оба полка по прежнему составляли одну бригаду, подъ наименованіемъ Малороссійской, въ командованіи Наказнаго Атамана Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіора Николаева, съ званіемъ въ отношеніи малороссійцевъ командиромъ бригады, но только въ инспекторскомъ отношеніи; а по водворенію полка, былъ составленъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Оберъ-Квартирмейстера отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, изъ того же бригаднаго командира, дежурнаго штабъ-офицера штаба войскъ кавказской линіи и Владикавказскаго коменданта. Въ комитетѣ этомъ соединялись и дѣла военныхъ поселеній.

Поселившіеся какъ малороссійцы, такъ и военные поселяне, обязаны были нести гарнизонную службу по охранѣ станицъ какъ въ крѣпостяхъ, а собственно малороссійцы исполнять притомъ и артиллерійскую обязанность при орудіяхъ; отбывать квартирную повинность, а для общественныхъ надобностей и подводную. Полевую кордонную службу исполняли холостые малороссійцы 2-го полка, съ добавленіемъ Донскихъ казаковъ. 1-й полкъ состоялъ въ Владикавказскомъ округѣ для военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, и былъ расположенъ по квартирному росписанію войскъ—въ Владикавказѣ два эскадрона съ полковымъ штабомъ и—по одному эскадрону въ укрѣпленіяхъ Елисаветинскомъ и Константиновскомъ.

Въ 1840 г. послѣдовало распоряженіе основать еще два военныхъ поселенія—между Пришибомъ и Александровскою—Погорѣлодубское и при Владикавказѣ, на лѣвомъ берегу Те-

река—Владикавказское: первое—изъ нижнихъ чиновъ войскъ, расположенныхъ въ Грузіи, а другое изъ нижнихъ чиновъ 4 и 5 Кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, женатые нижніе чины Ларскаго гарнизона, образовавшіе тамъ небольшую слободку, тоже обращены въ военныхъ поселянъ и тамъ оставлены. Земельный надѣлъ Владикавказскаго поселенія выходилъ изъ района линіи; имъ земля отведена была тамъ гдѣ теперь нѣмецкая колонія, а Ларцамъ—въ горахъ. Изъ этого предполагали, что военныя поселенія будутъ основаны также и при укрѣпленіяхъ Елисаветинскомъ и Константиновскомъ. Можно думать, что насчетъ этихъ укрѣпленій дѣйствительно что нибудь имѣлось въ виду, такъ какъ, незадолго предъ тѣмъ, въ нихъ были выстроены новые офицерскіе флигеля и для нижнихъ чиновъ весьма хорошія казармы. Потомъ эти зданія перевезены въ Ардонъ на устройство госпиталя. Погорѣлодубское поселеніе потомъ переименовано въ Котляревское, въ память боевыхъ подвиговъ кавказскаго героя генерала Котляревскаго, съ тѣмъ, чтобы и церковь выстроить во имя св. Петра Аѳонскаго,—имя которое имѣлъ этотъ генералъ.

Насчетъ церквей вообще по линіи было такое распоряженіе: въ Николаевскомъ поселеніи во имя св. Николая Чудотворца 6 декабря—день тезоименитства Императора Николая I; въ Александровскомъ—св. Александра Невскаго 30 августа—день тезоименитства Наслѣдника Престола Александра Николаевича; въ Ардонѣ—св. Великомученика побѣдоносца Георгія 23 апрѣля—день полковаго праздника 2-го Малороссійскаго полка; въ Архонѣ—св. Александра Невскаго 23 ноября—день полковаго праздника 1-го Малороссійскаго полка; въ Урухѣ—св. Покрова—день эскадроннаго праздника 4-го эскадрона 1-го полка; въ Пришибѣ—св. Архистратига Михаила 8 ноября—день эскадроннаго праздника 3-го эскадрона того же полка; въ Котляревкѣ—какъ выше пояснено; въ Владикавказскомъ поселеніи—св. иконы Казанскія 22-го

октября—день полковаго праздника бывшаго Владикавказскаго гарнизоннаго полка. Съ тѣмъ вмѣстѣ переданы: въ Ардонское поселенное общество полковая походная церковь 2-го полка съ св. антиминсомъ отъ Полтавскаго архіепископа, и въ Архонское общество—церковная утварь 1-го полка.

Такъ послѣ піонерныхъ трудовъ боевыхъ дѣдовъ кавказской арміи, устроивавшихъ тѣ укрѣпленія, произошло заселеніе линіи, по которой много лѣтъ сообщеніе дѣлалось подъ военною охраною не менѣе двухъ орудій артиллеріи съ приличнымъ числомъ пѣхоты и казаковъ, причемъ однако не всегда обходилось безъ перестрѣлки. Первыми служебными дѣятелями, подъ командою которыхъ положено основаніе поселеній, были: военныя поселенія Николаевское и Александровское, подчинявшіяся, какъ выше сказано, Владикавказскому коменданту полковнику Широкому, а вмѣсто его ближайшій надзоръ лежалъ на плацъ-маіорѣ подполковникѣ Курило. Начальникомъ Николаевскаго поселенія былъ капитанъ Черепановъ, а Александровскаго капитанъ Бабичевъ; малороссійцы селились подъ управленіемъ своего начальства, командиромъ полка былъ полковникъ Стоцкій, а начальниками кадровъ эскадронные командиры: въ Ардонѣ ротмистръ Шереметьевъ, 2-го въ Архонкѣ штабсъ-ротмистръ Шидловскій, 3-го въ Урухѣ штабсъ-ротмистръ Шостакъ и 4-го въ Пришибѣ ротмистръ Королевъ. Имъ всѣмъ принадлежитъ память добраго начала, которымъ Владикавказскій полкъ отличался и по долгу къ Царской службѣ, и по трудолюбію, и по нравственности; во всѣхъ поселеніяхъ не было людей склонныхъ къ какимъ либо порокамъ. Первые священники, съ молитвами которыхъ основывались поселенія, были: въ Николаевскомъ—старикъ іеромонахъ Самуилъ, бывалый въ сраженіяхъ, въ Александровскомъ—военный священникъ Іоаннъ Соколовъ, оказавшій отличіе при нападеніи на это поселеніе въ апрѣлѣ 1841 г. 3-хъ тысячной толпы чеченцевъ, во 2-мъ малороссійскомъ полку на всѣ четыре кадра его былъ одинъ

полковой священникъ Максимъ Затворницкій, глубокая память о которомъ сохраняется до настоящаго времени.

Пять лѣтъ послѣ основанія всѣхъ этихъ поселеній они оставались въ нерѣшенномъ положеніи—какой родъ поселеннаго войска они будутъ составлять? Командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса баронъ Розенъ, при которомъ проектировались эти поселенія, вскорѣ послѣ проѣзда Государя Императора былъ смѣненъ, а назначенный вмѣсто него генералъ Головинъ, имѣлъ свои иные взгляды. Между прочимъ, все клонилось къ тому, что поселенія будутъ на другомъ положеніи, чѣмъ вообще Кавказскіе линейные казаки. По проекту, потребованному отъ командира 2-го Малороссійскаго полка полковника Стоцкаго, предполагалось оба полка соединить въ одинъ, съ наименованіемъ Владикавказскимъ легкоконнымъ казачьимъ, вьсоставѣ четырехъ эскадроновъ, дѣйствующихъ на положеніи легкой регулярной кавалеріи, и четырехъ эскадроновъ, поселенныхъ на положеніи Донскихъ походныхъ полковъ, комплектуя первые рекрутами изъ Полтавской и Черниговской губерній, какъ и было до того *), а другіе малолѣтками съ 18-ти лѣтняго возраста, изъ поселенныхъ семействъ. Офицеры въ тѣхъ и другихъ эскадронахъ были на правахъ кавалеріи, юнкера тоже; штандартные ряды, эстандартъ-юнкера, нестроевая рота, хоръ трубачей, унтеръ штабъ и фуршатскій обозъ предполагались только при дѣйствующихъ эскадронахъ.

Въ 1839 г., во 2-й полкъ, по случаю выхода въ отставку командира онаго полковника Стоцкаго, назначенъ изъ Казанскаго драгунскаго полка полковникъ Ильинскій, отличный службистъ и энергичный дѣятель въ хозяйственномъ отношеніи. Онъ велъ начатое дѣло водворенія малороссійцевъ въ полномъ смыслѣ раціонально; благоустройство поселеній было образцовое; знающіе находили, что порядки были такіе же, какъ въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи. При всемъ

*) Присылка рекрутовъ продолжалась до 1842 года. *Авт.*

томъ, климатъ вліялъ на поселенцевъ такъ убійственно, что рѣшительно не помогали никакіе санитарные порядки; злокачественныя лихорадки уносили непомѣрныя жертвы, заболѣвали даже домашнія животныя. Госпиталь находился въ самой болѣзненной мѣстности, въ укр. Минаретскомъ, гдѣ, какъ равно и въ ближайшемъ къ нему укр. Дурдурскомъ, гарнизонъ не выдерживалъ даже двухмѣсячной стоянки; вслѣдствіе чего укрѣпленія эти скоро были упразднены и госпиталь переведенъ въ Ардонъ.

Изъ всѣхъ порядковъ, какіе вводились въ основанныхъ поселеніяхъ, ясно было видно, что устройство ихъ предполагалось на иныхъ началахъ, чѣмъ вообще основано устройство Кавказскаго казачьяго войска. Даже дѣти поселенцевъ мужскаго пола именовались не казачьими дѣтьми и малолѣтками, какъ вообще въ казачьихъ войскахъ, а кантонистами. Командовавшій 1-мъ полкомъ полковникъ Рихтеръ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ къ нему высшаго начальства, могъ бы знать, что объ этихъ военныхъ поселеніяхъ есть предположеніе зачислить ихъ въ составъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, но онъ положительно приготовлялъ свой полкъ къ порядкамъ регулярной кавалеріи, на томъ положеніи, какъ строевыя части въ кавалерійскихъ военныхъ поселеніяхъ. Причемъ и проектированная имъ форма обмундированія была одобрена; нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, для представленій ординарцами, уже были одѣты въ эту форму.

Въ 1842 г., посѣтилъ Кавказъ военный министръ, генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Чернышовъ. Послѣ объѣзда имъ края послѣдовали многія измѣненія, даже въ предпріятіяхъ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ; такъ напримѣръ, предполагались съ 1843 г. наступательныя дѣйствія съ Дагестана, но по распоряженію его воспрещены. Относительно Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска велѣно распространить поселеніе его за Терекомъ по Сунжѣ и за Кубань.

Въ 1843 г., малороссійцы соединены въ одинъ полкъ, подъ наименованіемъ Владикавказскаго линейнаго, съ присоединеніемъ къ Кавказскому Линейному казачьему войску въ Терской части онаго подъ № 5 и съ присвоеніемъ формы обмундированія: коричневой черкески съ бешметомъ и прочимъ прикладомъ зеленаго цвѣта. Военныя поселенія переименованы въ станицы, а малороссійскіе эскадроны въ сотни, унтеръ-офицеры въ урядники и ефрейтора въ приказные. Съ этимъ вмѣстѣ предложено офицерамъ и юнкерамъ подать заявленія, кто куда желаетъ перевестись.

Такой неподготовленный поворотъ дѣла возбудилъ вопросы: если офицеры и юнкера подали заявленія къ переводамъ въ регулярные полки, то какъ же оставить малороссійскій полкъ безъ офицеровъ? Линейный казакъ служилъ на всемъ своемъ снаряженіи, имѣя таковое изъ своего хозяйства, а малороссійскій казакъ, холостой и бездомовный, служитъ какъ солдатъ на всемъ казенномъ, какъ же отъ него потребовать всего собственнаго? и какъ поступить съ вахмистрами, выслужившими 12 лѣтъ и удостоивающимися по закону къ производству въ офицеры? По этимъ вопросамъ послѣдовало слѣдующее рѣшеніе: офицерскія заявленія задержаны впредь до изданія войсковаго положенія, причемъ отпускъ имъ содержанія продолжался по прежнему. Относительно формы обмундированія офицеровъ, они сами начали надѣвать таковую по образцу линейныхъ офицерскихъ костюмовъ, имѣя при этомъ прежній свой мундиръ внѣ фронта. Юнкера, которые были удостоены къ производству за отличіе въ сраженіяхъ, произведены въ корнеты съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и съ прикомандированіемъ къ этому же полку; а подлежавшіе къ производству за выслугу лѣтъ отправлены въ Кавказскую резервную пѣхотную дивизію для экзаменовъ и переведены, согласно переданныхъ туда ихъ заявленій, въ пѣхотныя части. Вахмистра же отправлены въ Воронежъ для испытаній при кавалерійской дивизіи,

а потомъ произведены въ корнеты съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и прикомандированы къ казачьимъ полкамъ вообще Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска. Затѣмъ, относительно холостыхъ малороссійцевъ, изъ которыхъ состоялъ строевой составъ полка, состоялось такъ: казенныя строевыя лошади, конская сбруя и оружіе отданы имъ въ собственность, новое обмундированіе черкесками построено имъ изъ темнозеленаго солдатскаго сукна, полученнаго отъ интендантства на предстоящіе сроки; драгунскія ружья и пистолеты передѣланы въ азіятскіе, сѣдла и шашки облегчены на манеръ кавказскихъ, а кинжалы и бурки казаки пріобрѣли на свой счетъ, продавая для этого шинели и прочія ненужныя уже къ линейному казачьему снаряженію вещи. Одежда и вооруженія эти, конечно уступали щегольству тогдашнихъ линейныхъ казаковъ съ оружіемъ въ серебряныхъ оправахъ, но конный строй на лошадяхъ, подобранныхъ по росту и по мастямъ поэскадронно, представлялъ изъ полка внушительную боевую силу, вособенности съ шашками златоустовскихъ клинковъ, превосходящими лучшія азіятскія. Чеченцы называли малороссійцевъ черными шайтанъ-казаками, братьями черныхъ шайтанъ-солдатъ Кабардинцевъ и Куринцевъ. Егеря въ то время по мундирамъ и по амуниціи были черные, и малороссійцы тоже имѣли и то и другое черное, а также и лошади, кромѣ 2-го эскадрона, были темныхъ мастей.

Въ 1845 г. введено Высочайше-утвержденное положеніе о Кавказскомъ Линейномъ казачьемъ войскѣ. Линія военно-грузинской дороги вошла въ территорію этого войска, съ предназначеніемъ добавки земли и усиленія населенія до цифры мужскаго пола 6 т. душъ,—цифра которая опредѣлена нормою каждому полку, для отбыванія всѣхъ линейныхъ повинностей, выставляя въ строевой комплектъ полка 863 человѣка и требующееся число людей по выбору въ конвой Его Величества и въ артиллерію. Но при этомъ строевымъ

казакамъ, по исключительному положенію полка, опредѣлено ремонтное содержаніе, въ такомъ размѣрѣ какое полагалось прочимъ полкамъ только во время нахожденій въ походахъ. Малороссійскіе офицеры оставлены въ полку съ ихъ прежними правами; изъ четырехъ дивизіонеровъ оставленъ только одинъ, для обязанности младшаго штабъ-офицера. Этой должности въ другихъ полкахъ не было положено. Офицеры оставались всѣ въ прежнихъ кавалерійскихъ чинахъ; переименованіе въ казачьи чины состоялось только въ концѣ 1847 г., съ дополненіемъ права на продолженіе отпуска фуражныхъ денегъ на строевыхъ ихъ лошадей и съ назначеніемъ изъ регулярныхъ войскъ казенной прислуги.

Съ введеніемъ положенія, всѣ поселенные какъ бывшіе военные поселяне, такъ и малороссійцы, кто не достигъ 45 лѣтняго возраста, зачислены въ строевой служилый разрядъ и поступали въ комплектъ полка по очереди; только холостымъ малороссійцамъ никакой очереди не было, они такъ и оставались въ комплектѣ полка, имѣя особый пріютъ въ казармахъ, съ артельнымъ хозяйствомъ. Надо пояснить при этомъ, что малороссійскіе казаки, за рѣдкими исключеніями, были на подборъ бравые люди, такъ какъ оба полка были составлены въ Полтавѣ изъ самыхъ лучшихъ людей восьми полковъ и двѣнадцати резервныхъ эскадроновъ, сформированныхъ для похода въ Польшу въ 1831 г.; хотя въ то же время изъ нихъ выбирались бравые люди въ резервную кавалерію, но на выборъ сыновъ Малороссіи для службы на Кавказъ, было обращено особое вниманіе малороссійскаго генералъ-губернатора князя Рѣпнина. Присылавшіеся сюда потомъ рекрута, тоже были изъ разрядовъ, назначавшихся для кавалеріи.

Въ то время въ народонаселеніи Владикавказскаго полка не было и трехъ тысячъ душъ мужскаго пола. Семейства, въ которыхъ были взрослые сыновья встрѣчались только изъ военныхъ поселянъ, а малороссійскія семьи состояли боль-

шею частью изъ мужа, жены и двухъ-трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Положеніе полка было до чрезвычайности тяжкое; гарнизонная служба по охранѣ станицъ и подводная повинность для переходящихъ войскъ какъ на главномъ и единственномъ пути въ Грузію, рѣшительно не давали возможности заниматься хозяйственными работами. При всемъ томъ, выѣздъ изъ станицъ въ поле, могъ быть только днемъ, и тамъ — успѣлъ ли что сдѣлать, или только началъ, — предъ закатомъ солнца давались сигналы съѣзжаться въ станицы. Дозволялось оставаться на ночлегъ при кордонныхъ постахъ въ то только время, когда не было извѣстій о хищническихъ партіяхъ; притомъ могъ оставаться на ночлегъ на кордонѣ только тотъ, кому не было назначенія быть въ ночномъ караулѣ въ станицѣ. Такая военная осторожность необходима была потому, что жительство казаковъ было въ связяхъ съ туземнымъ населеніемъ; даже полевой надѣлъ былъ съ чрезполосными владѣніями послѣднихъ. Чеченцы и галашевскіе хищники, пользуясь этимъ и имѣя кунаковъ, а абреки и родственниковъ, находились здѣсь какъ въ своихъ предѣлахъ, хотя въ нѣкоторой степени и тайно.

Въ 1845 г., по представленію Наказнаго Атамана, народонаселеніе станицъ, кромѣ Николаевской очень болѣзненной, добавлено переселенцами изъ старыхъ полковъ — Моздокскаго, Волгскаго и Кавказскаго, семьюдесятью семействами, многочисленными и зажиточными, — съ тою вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлью, чтобы развить въ Владикавказскомъ полку земледѣліе и скотоводство, заниматься которыми, какъ казалось, малороссійцы и военные поселяне не умѣютъ. Прибавленіе этихъ семействъ было весьма благопріятнымъ въ томъ отношеніи, что въ станицахъ появились семейства, въ которыхъ было кому работать въ полѣ и оставаться дома для присмотра за хозяйствомъ, а въ случаяхъ тревогъ съ одного двора выскакивало на коняхъ цѣлое отдѣленіе молодцовъ, не то что въ малороссійскихъ семействахъ, гдѣ большею частію были

только самъ казакъ и жена его съ маленькими дѣтьми, одна лошадка и пара быковъ для своихъ работъ и на всѣ повинности. Скотоводство, при невозможности имѣть хутора, совсѣмъ не развилось у малороссовъ и ограничивалось только тѣмъ количествомъ скота какое можно было имѣть въ дворахъ,—въ ущербъ конечно чистоты воздуха. Земледѣліе тоже у нихъ не развилось; они должны были какъ новички приноравливаться когда и что нужно посѣять на предгорной, постоянно влажной, почвѣ, и пахать каменистый грунтъ имъ казалось совсѣмъ нетакъ легко, какъ на раздольныхъ степныхъ равнинахъ; притомъ править плугомъ съ ружьемъ за плечомъ и съ шашкою съ боку—совсѣмъ неловко; при всемъ этомъ, и времени было мало, тогда какъ на хуторскомъ жительствѣ день и ночь вольно. Горько имъ пришлось на этомъ переселеніи! Малороссіецъ, взятый на службу въ возрастѣ не плугатыря, а только погонича, когда за плугомъ шелъ его «сідый батько», началъ учиться плугаторству уже здѣсь. Неловкости при ружьѣ и шашкѣ онъ не чувствовалъ, а когда они помѣшаютъ ему при поворотѣ или заносѣ плуга, онъ только ругнетъ ихъ бывало: «а щобъ вы поломались на чеченьской голові» — и терпѣливо продолжаетъ свое дѣло. Поселенецъ изъ пѣхотныхъ войскъ, прослужившій 18 лѣтъ неразлучно съ двѣнадцати-фунтовымъ ружьемъ и нося за плечами тяжелѣйшій, вмѣсто ранца, кавказскій солдатскій сакъ-вояжъ, да съ 60-тью патронами суму,—тоже не чувствовалъ неловкости съ тѣмъ же ружьемъ ходить за плугомъ, и, какъ переселенный изъ крѣпостной форштадской слободки, другаго порядка полевыхъ работъ и не зналъ. О томъ же, что недалѣе, какъ за р. Малкою на полевыхъ работахъ пользуются полною безопасностію, ночуютъ на пахотѣ или сѣнокосѣ, гдѣ кому нужно, хозяйствуютъ хуторами, а въ полѣ встрѣчается только невооруженный ногаецъ и притомъ не врагомъ, а сердечнымъ другомъ русскаго земледѣльца,—объ этомъ онъ только слышалъ.

Въ 1846 г., весною было вторженіе Шамиля въ Кабарду, въ ожиданіи котораго, въ самое горячее время весенних полевыхъ работъ, всѣ жители, поголовно кто могъ работать, были заняты устройствомъ болѣе надежныхъ станичныхъ укрѣпленій; а затѣмъ, послѣ бѣгства Шамиля, изъ преверженцевъ его умножилось на линіи число отчаянныхъ абрековъ настолько, что рѣшительно не проходило дня, чтобы не было тревогъ, препятствовавшихъ полевымъ работамъ. Для пресѣченія этого зла былъ сдѣланъ опытъ высылать своего рода русскія абречныя команды для засадъ въ скрытныхъ мѣстахъ, что очень посодѣйствовало водворенію спокойствія на линіи, но такая мѣра не могла быть допущена, какъ постоянная, въ виду того, что подъ пули безшабашныхъ охотниковъ могли попадаться свои мирные туземцы, имѣющіе, какъ выше сказано, совмѣстное жительство съ русскимъ населеніемъ и общія полевыя дороги. Спустя нѣсколько лѣтъ, эта мѣра была возобновлена уже на всемъ лѣвомъ флангѣ, (нынѣ Терская область), подъ названіемъ партизанскихъ командъ, съ назначеніемъ при нихъ офицеровъ, но на линіи Военно-грузинской дороги всетаки не представлялось удобнымъ имѣть такія команды, почему столкновенія съ хищниками не прекращались. Въ праздничные дни выходъ изъ станицъ женщинамъ и дѣтямъ, для сбора полевыхъ ягодъ, дозволялся только съ разрѣшенія станичныхъ начальниковъ и съ назначеніемъ прикрытія; это казалось дѣломъ совершенно обычнымъ. Кто ѣздилъ или ходилъ въ Моздокъ на богомолье, или въ Георгіевскъ на ярмарку, только тотъ могъ разсказывать о полной тамъ безопасности.

Весна 1847 г. обѣщала богатый урожай, а поселеніе казалось уже нѣсколько оклиматизировавшимся, но въ самый разгаръ сѣнокоса и жатвы, поспѣвающихъ на почвѣ этой линіи почти одновременно, здѣсь свирѣпствовала ужасная холера, послѣ которой рабочихъ силъ осталось такъ мало, что большинство осталось на самомъ скудномъ продовольствіи и

безъ озимыхъ посѣвовъ. Это время и теперь вспоминается съ ужасомъ, и если не было въ населеніи окончательнаго упадка духа, то благодаря только тому, что были приняты чрезвычайныя мѣры общественной помощи и всякому заболѣвавшему тотчасъ оказывалось всевозможное вниманіе.

Въ 1848 г. прибыло въ полкъ большое количество переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ Харьковской и Воронежской губерніи. Для нихъ были разширены станицы вдвое, а Ардонская и болѣе, но, послѣ осеннихъ лихорадокъ, пришлось разширять и кладбища. Замѣчательно, что изъ этихъ новыхъ поселенцевъ подверглись заболѣванію болѣе полевые рабочіе, тогда какъ при первоначальномъ устройствѣ станицъ, какъ разсказывали, было совсѣмъ наоборотъ. При этомъ начала развиваться между ними тоска по родинѣ, между тѣмъ, по прибытіи они воодушевлялись прелестью луговъ, пахатныхъ полянъ и изобиліемъ лѣса, встрѣчая вездѣ прекрасную воду, такъ что приходилось слышать отъ нихъ: «отъ де земный рай, тутъ стоги стоятъ ближе одинъ отъ другаго, чімъ у насъ копыці; Божіи росы з неба перепада вдоволь, засухи небувае; річной або рідниковой воды напытця свізъ такъ богато, що барыло браты въ поле тілько бъ для горілкы; а що бусурманъ туть е, то нехай вінъ буде, мы отъ тыхъ дідивъ що самы заманювалы его на казацькі игрища»! Съ добавленіемъ этими переселенцами народонаселенія, были выселены съ района линіи и туземные аулы: ниже Владикавказской станицы—Беслана Тулатова, между Архонкою и Ардономъ—Гизельскіе; противъ Ардона возлѣ Терека—Козыревскіе, и между Минаретскимъ ущельемъ и станицею Урухскою —Анзоровскіе; а земли, бывшія въ ихъ пользованіи, составлявшія чрезполосность казачьихъ дачъ, поступили въ надѣлъ полку; оставлена чрезполосность только Ардонскаго аула между дачами Ардонской и Николаевской станицъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдовало распоряженіе объ основаніи новой станицы предъ выходомъ въ Минаретское ущелье,

для назначенія мѣста которой, въ мартѣ 1849 г., командированъ генеральнаго штаба капитанъ Свѣтловъ, съ порученіемъ ему имѣть соображеніе, чтобы станица заняла мѣстность, преграждающую входъ въ Кабарду чрезъ Эльхотовскую переправу, какъ и существуетъ станица Змѣйская.

Къ празднику св. Троицы прибыли въ новую Змѣйскую станицу поселенцы изъ государственныхъ крестьянъ Харьковской и Воронежской губерній, съ многочисленными семействами и съ хорошими средствами. Командовавшимъ полкомъ, полковникомъ Шостакомъ имъ былъ устроенъ праздникъ, а притомъ и угощеніе трудившихся на работахъ Тенгинцевъ. Восторгъ вновь прибывшихъ переселенцевъ былъ неменѣе, какъ и тѣхъ, что говорили: «отъ де земный рай»! Мѣстность со всѣми привольями для сельскаго хозяйства, вода, луга, лѣсъ и поля, и все подъ рукою, — все это обрадовало прибывшихъ и, къ осени, станица была устроена совсѣмъ. Но и эти не избѣгли злокачественной мѣстной лихорадки, для жертвъ которой вскорѣ потребовалось тоже значительное кладбище.

Этимъ переселенцамъ, а равно и прибывшимъ во всѣ станицы въ 1848 г., не приходилось испытывать того горькаго положенія, какое терпѣли малороссійцы съ одними только женами и маленькими дѣтьми, вдали отъ родныхъ, которые, провожая ихъ на службу, съ радостью думали, что покозакуютъ они на Царской службѣ и вернутся. Не отъ одного мнѣ приходилось слышать: «якъ выйшовъ я съ скадрона на це поселеніе, тилько и бувъ радостный день якъ приіхала жинка»! Потомъ обжились и забыли прошлое горе, размножились дѣти и вышли изъ нихъ молодцы казаки, а старики, въ особенности въ ст. Архонской, развили пчеловодство, для чего во всѣхъ станицахъ линіи было большое удобство. Удивительно, какимъ образомъ у Урухцевъ возбудилось желаніе бросить свои прелестные луга и переселиться въ открытую степь на безводную рѣчушку! Страннымъ кажется и

то, какія выгоды заставили и Николаевцевъ перенести свою станицу на такое весьма неудобное мѣсто, какое нынѣ занимаетъ эта станица.

Казалось бы, что въ этихъ мѣстахъ должна жизнь проходить съ полнымъ наслажденіемъ, какъ бывало говаривали старики: «не журітця, братці: намъ гирько, зато буде нашимъ внукамъ карно! Що тілько тутъ не вырoсте! Згадайте, що якъ ще строилысь, було полковникъ Ильинскій въ маі місяці піде оглядать дворы, чи всі посадыли сады? и якъ у кого ще нема, той часъ прикаже, щобъ бувъ садъ завтра же. Поідутъ було въ лісъ, накопаютъ деревцівъ уже зъ листями, посадятъ и все прийметця. Було и такъ, що къ тымъ яблунькамъ и грушамъ тодіжъ приколіруютъ и все приживитця».

Съ поселеніемъ Змѣйской станицы народонаселеніе все-таки не доходило до нормальной численности душъ мужскаго пола но тѣмъ неменѣе полкъ былъ совершенно устроеннымъ. Во всѣхъ станицахъ построены приличныя церкви, обсаженныя липовыми деревьями, а въ ст. Ардонской и фруктовыми, кромѣ ст. Владикавказской, которая составляла приходъ Владикавказской церкви. Въ полковомъ штабѣ въ ст. Ардонской имѣлось приличное помѣщеніе для командира полка, съ хорошимъ садомъ, а также хорошее помѣщеніе для полковаго правленія и полковаго училища. Сотенные дворы имѣли большія удобныя казармы и конюшни; имѣлось сотенное артельное хозяйство съ походнымъ обозомъ. Въ ст. Александровской былъ благоустроенный полковой лазаретъ, въ которомъ пользовались жители, начиная отъ ст. Змѣйской до ст. Пришибской; прочія станицы пользовались въ Ардонскомъ военномъ госпиталѣ, также и во Владикавказскомъ. Въ началѣ основанія поселенныхъ кадровъ, были пріобрѣтены заводскія лошади, для конскаго разсадника, но дѣло это не пошло по случаю трудности содержать ихъ,—хотя матки были розданы въ собственность хорошимъ хозяевамъ за умѣренную плату, въ счетъ фуражныхъ денегъ, которыя отпускались нѣкоторое

время поселеннымъ казакамъ. При полковомъ штабѣ имѣлся порядочный кавалерійскій хоръ музыки, а при Ардонской церкви долго поддерживался и хоръ пѣвчихъ. Въ станицахъ соблюдался строгій порядокъ; весною и осенью ремонтировались всѣ дома и дворовыя постройки, точно также поддерживался и порядокъ санитарный—по субботамъ обязательно было подметать улицы.

П. Ницикъ.

СУСЛОВСКОЕ ДѢЛО.

Послѣ неудачнаго вторженія Шамиля въ Кабарду, въ апрѣлѣ 1846 года, на лѣвомъ флангѣ всѣ ожидали какую нибудь новую наступательную попытку со стороны предпріимчиваго имама, но, вплоть до двадцатыхъ чиселъ мая, спокойствіе не нарушалось и враждебныя дѣйствія ограничивались лишь отбитіемъ другъ у друга нѣсколькихъ партій рогатаго скота. Въ половинѣ мая дано было знать, что 22-го числа Шамиля ожидаютъ въ Шали. Ожиданіе это основывали на томъ, что онъ послалъ наибамъ записку, адресованную— «моимъ братьямъ Атабаю, Сайбдулѣ, Дубѣ и Талгику.» Записка эта была слѣдующаго содержанія: «желаю Вамъ мира и предписываю собрать всѣхъ конныхъ всадниковъ къ будущему четвергу въ долину Шали. Вы должны быть съ партіями тамъ до моего прибытія. Если Богъ позволитъ, то я буду въ Шали въ тотъ же день». Трудно было узнать замыслы Шамиля, но было очевидно, что въ умѣ его созрѣвалъ одинъ изъ его честолюбивыхъ, завоевательныхъ, плановъ. Лазутчики увѣряли, что онъ намѣренъ былъ послать наиба Нуръ-Али съ значительною партіею къ Камбилеевкѣ, съ цѣлью привлечь туда войска, расположенныя во Владикавказскомъ округѣ, расчитывая самому, съ главнымъ скопищемъ, броситься на Старый-Юртъ, чтобы удержать войска Фрейтага, а въ тоже время бѣглаго кабардинца князя Магому-Мирзу-Анзорова съ конною партіею двинуть въ малую Кабарду. Но оказалось, что лично Шамиль къ назначенному имъ дню вовсе не прибылъ въ Чечню, а что вся его партія, передъ полуднемъ 23-го мая, выступила изъ селенія Шали и направилась на Мичикъ, гдѣ чеченцы должны были

соединиться съ конными ичкеринцами, ауховцами и салатавцами. Получивъ эти свѣдѣнія, Фрейтагъ отдалъ приказаніе командиру Гребенскаго казачьяго полка подполковнику Суслову собрать сколько возможно казаковъ въ Амиръ-Аджи-Юртъ, а подполковнику Меллеръ-Закомельскому выступить изъ Грозной съ двумя баталіонами пѣхоты и слѣдовать, черезъ Старый-Юртъ, въ Умаханъ-Юртъ, съ тѣмъ, что еслибы Меллеръ-Закомельскій узналъ, что партія спустилась на Кумыкскую плоскость, то немедленно двинуться на Кара-су, присоединивъ къ себѣ казаковъ Суслова. Получивъ предписаніе командовавшаго войсками лѣваго фланга, Сусловъ, собравъ казаковъ, направился къ указанному ему пункту, но, придя въ Амиръ-Аджи-Юртъ, узналъ, что непріятельское скопище вернулось обратно мимо этого аула и потянулось къ Качкалыковскому хребту, прикрывая до 400 арбъ, переселявшихся жителей Акбулатъ-Юрта, аула находившагося на правомъ берегу Терека, противъ Шелкозаводской станицы, на прямомъ сообщеніи линіи съ кумыкскою плоскостью. Расчитывая на скорое прибытіе подкрѣпленія, а именно Меллера-Закомельскаго съ его войсками, Сусловъ, 24-го мая, переправился на правый берегъ Терека и, недожидая сбора остальныхъ казаковъ, во главѣ 87-ми гребенцовъ, при семи офицерахъ, бросился въ погоню за непріятелемъ, горя нетерпѣніемъ скорѣе настичь его. Въ верстахъ восьми отъ Амиръ-Аджи-Юрта казаками уже замѣчены были расположившіеся на курганахъ непріятельскіе пикеты. Казаки безпрепятственно продолжали свое наступательное движеніе, несмотря на то, что глухо доносившіеся издали пушечные выстрѣлы—сигналы тревоги на кумыкской плоскости, сразу прекратились. Вскорѣ послѣ того изъ за холмовъ показались многочисленныя толпы непріятельской конницы, съ гикомъ бросившіяся на эту ничтожную, сравнительно съ ихъ многочисленностью, горсть гребенцовъ.

«Между постыднымъ бѣгствомъ и честною смертью вы-

боръ незатруднителенъ; казаки спѣшились и 1500 человѣкъ окружили ихъ» пишетъ Фрейтагъ объ этомъ дѣлѣ въ своемъ рапортѣ къ князю Воронцову. Разыгралось знаменитое «Сусловское дѣло», слава котораго разнеслась, впослѣдствіи, далеко за окраины Кавказа,—дѣло которымъ справедливо гордятся гребенцы, относясь съ особымъ уваженіемъ къ оставшимся по настоящее время въ живыхъ участникамъ несоразмѣрнаго боя,—ряды которыхъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ. Сбатовавъ, а частью, зарѣзавъ коней и расположившись за этимъ живымъ заваломъ, казаки держались крѣпко. Ожесточенные дерзостью противниковъ и не мечтавшихъ сдаваться, чеченцы, разъ за разомъ, повторяли свои неистовыя атаки, но всѣ ихъ усилія оказались тщетными и имъ не удалось врѣзаться въ среду дружно сплотившихся, плечо къ плечу, героевъ. Вскорѣ всѣ офицеры и значительное число казаковъ были ранены, нѣсколько человѣкъ убито, но оставшіеся невредимыми, равно какъ и тѣ, кто, хотя и былъ раненъ, но еще имѣлъ возможность владѣть оружіемъ, продолжали энергично отбивать нападенія ожесточеннаго врага. Съ казаками раздѣлялъ горькую участь любимецъ гребенцовъ отставной капитанъ Хастатовъ, котораго они называли «авангарднымъ помѣщикомъ Россіи». Хастатовъ, услыхавъ тревогу, присоединился къ казакамъ и въ продолженіи всего боя ни на минуту не переставалъ своими остротами и шуточками ободрять казаковъ, впрочемъ, и безъ того не робѣвшихъ. Патроны постепенно приходили къ исходу, а между тѣмъ подкрѣпленіе все еще не шло и положеніе гребенцовъ становилось критическимъ, но никому изъ героевъ и въ голову не приходила мысль сдаваться въ плѣнъ. Наконецъ, убѣдившись, что вскорѣ изсякнутъ послѣдніе остатки ружейныхъ патроновъ, Сусловъ отдалъ приказаніе имѣть въ полной готовности пистолеты для послѣдней, прощальной, пули по адресу врага, какъ вдругъ со стороны Амиръ-Аджи-Юрта показалось первое подкрѣпленіе—кучка казаковъ,

несшихся во весь опоръ на выручку своихъ.—То былъ заурядъ хорунжій Груняшинъ съ 25-ю гребенцами; затѣмъ со стороны Куринскаго укрѣпленія появились 60 донцовъ, а за ними слѣдовалъ подполковникъ Майдель съ тремя ротами пѣхоты, при двухъ орудіяхъ.

Едва чеченцы затѣтили новыя подкрѣпленія какъ немедленно бросили свои неистовыя атаки и покинули поле битвы. Оставшіеся невредимыми казаки, при помощи подоспѣвшихъ товарищей, принялись за уборку убитыхъ и раненыхъ, благословляя судьбу за счастливое избавленіе отъ гибели, казавшейся неизбѣжной. Потеря среди горсти храбрецовъ оказалось не малою. Самаго Суслова—Богъ спасъ, но за то всѣ офицеры были ранены, за исключеніемъ войскового старшины Камкова, да и то контуженнаго *). Нижнихъ чиновъ ранено въ гребенскомъ полку 43 и въ донскомъ № 20 шесть. Убитыхъ, къ счастью, всего у линейцевъ четыре, да у донцовъ одинъ. Лошадей у гребенцовъ было убито: всѣ офицерскія и 77 казачьихъ и ранено пять, причемъ (согласно официальному донесенію), въ каждомъ конѣ оказалось, по осмотрѣ, среднимъ счетомъ, по восьми пуль.

Меллеръ-Закомельскій не подоспѣлъ на выручку казаковъ, вслѣдствіе того, что, услыхавъ сигналы тревоги на Кумыкской плоскости, поспѣшилъ къ укрѣпленію Умаханъ-Юртъ, куда и прибылъ уже тогда, когда дѣло съ казаками было окончено и чеченцы отступали по Качкалыковскому хребту. Пришедшій-же на выручку гребенцовъ подполковникъ Майдель, услыхавъ перестрѣлку со стороны Амиръ-Аджи-Юрта, выступилъ изъ укрѣпленія Куринскаго съ тремя ротами пѣхоты и сотнею казаковъ, при двухъ орудіяхъ. Пройдя верстъ 10, войска эти замѣтили на курганахъ непріятельскіе пикеты и, вслѣдъ затѣмъ, наткнулись на огромную конную партію, немедленно завязавшую съ ними перестрѣлку. Между тѣмъ,

*) Ранены хорунжіе: Федулъ Федюшкинъ, Григорій Байсунгуровъ, Григорій Рамазинъ, Аѳанасій Палашкинъ, заурядъ хорунжіе: Евтей Рогожинъ и Семенъ Янхотовъ.

одновременно съ этимъ и въ укрѣпленіи Куринскомъ открылась сильная канонада, такъ какъ непріятель выставилъ противъ башни одно изъ своихъ орудій и, вслѣдъ затѣмъ, на всѣхъ сосѣднихъ высотахъ появились пѣшія толпы. Подполковникъ Майдель, убѣдившись что вся непріятельская конница подошла уже къ Качкалыковскому хребту, поспѣшилъ къ укрѣпленію Куринскому. Замѣтивъ выбранное имъ направленіе, всѣ конные чеченцы нахлынули на его отрядъ и бросились преслѣдовать, такъ что подполковникъ Майдель принужденъ былъ нѣсколько разъ пріостанавливать движеніе своей колонны, для отраженія непріятельскихъ атакъ. Вскорѣ преслѣдованіе прекратилось, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, уже раздалась сильная перестрѣлка со стороны Амиръ-Аджи-Юрта, заставившая Майделя повернуть свою колонну по направленію услышанныхъ выстрѣловъ. Это движеніе было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ оно то и выручило Суслова и подчиненныхъ ему героевъ—офицеровъ и казаковъ.

Дѣятельность Слѣпцова въ 1850 и 1851 годахъ *).

I.

Съ первыми военными дѣйствіями 1850 года въ Чечнѣ и въ смежномъ съ нею владикавказскомъ военномъ округѣ связано незабвенное имя полковника Слѣпцова—начальника летучаго отряда верхне-сунженской линіи, заключавшей въ себѣ станицы, аулы и укрѣпленія между Заканъ-юртомъ и Назраномъ.

Въ окрестностяхъ того мѣста, гдѣ извилистая и быстрая Сунжа дѣлаетъ послѣдній рѣшительный поворотъ съ юга на востокъ, а также неподалеку отъ средняго теченія Ассы, главнаго притока Сунжи, и лѣваго берега сосѣдней съ нею Фортанги, въ трудно-доступныхъ мѣстностяхъ, среди восточныхъ отроговъ главнаго хребта, живутъ два безпокойныхъ и воинственныхъ общества ингушевскаго племени—карабулахское и галашевское.

Въ 1840 году карабулахское и галашевское общества примкнули къ поголовному возстанію Чечни и, въ лицѣ своихъ депутатовъ, присягнули, вмѣстѣ съ чеченскими обществами, на вѣрность Шамилю въ большомъ центральномъ аулѣ малой Чечни—Урусъ-Мартанѣ. Но обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ. Суровый деспотизмъ новаго ихъ повелителя охладилъ въ нихъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ они привѣтствовали первое его появленіе въ Чечнѣ. Неза-

*) Изъ статьи Г. К. «Летучій отрядъ въ 1850 и 1851 годахъ», помѣщенной въ XII-мъ томѣ «Кавказскаго Сборника».

висимость, къ которой они стремились, и которую надѣялись обрѣсти подъ эгидой имама, оказалась фиктивной; дань, которую начали собирать съ нихъ наибы, заставила ихъ съ сожалѣніемъ оглянуться назадъ, на скромные и неразорительные поборы мелкихъ представителей русской администраціи; успѣхи нашего оружія въ Дагестанѣ, заложеніе крѣпости недалеко отъ Ачхоя, въ самомъ центрѣ малой Чечни, въ томъ самомъ аулѣ, гдѣ они обмѣнялись торжественной клятвой съ имамомъ; наконецъ, нѣсколько суровыхъ уроковъ, данныхъ имъ и поддерживавшимъ ихъ партіямъ непокорныхъ горцевъ начальникомъ верхне-сунженской линіи—все это вмѣстѣ имѣло послѣдствіемъ отпаденіе ихъ отъ Шамиля и принесеніе покорности русскому правительству. Встревоженный имамъ старался всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами вернуть отпавшія отъ него общества подъ свое владычество. То онъ вступалъ съ ними въ переговоры черезъ своихъ эмиссаровъ и наиболѣе вліятельныхъ наибовъ, то угрожалъ имъ вторженіемъ и разореніемъ всей ихъ страны. Поставленные въ безвыходное положеніе, карабулахи и галашевцы сначала призадумались, но благоразуміе взяло верхъ: въ покровительствѣ русскихъ, всегда твердомъ, во всякую минуту готовомъ проявить себя въ образѣ внушительныхъ колоннъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, они видѣли болѣе надежную гарантію мирнаго и безопаснаго существованія. Только жители нѣкоторыхъ мѣстностей, болѣе или менѣе неприступныхъ, сопредѣльныхъ съ нагорными аулами малой Чечни, нетолько не раздѣляли сами этого образа мыслей, но интригами и заговорами старались увеличить число своихъ единомышленниковъ. Первые признаки броженія умовъ обнаружились въ галашевскомъ обществѣ въ концѣ 1849 года. Небольшая партія, состоявшая всего изъ четырнадцати человѣкъ, подъ предводительствомъ фанатика Гудіева, 29-го декабря стала пробираться въ Чечню съ намѣреніемъ проникнуть оттуда въ Ичкерію, къ резиденціи имама. Въ этотъ

самый день Слѣпцовъ находился по дѣламъ службы въ Ачхоѣ. Какъ только ему дали знать о замышляемой Гудіевымъ измѣнѣ, онъ, съ свойственною ему быстротою, подхватилъ первую попавшуюся подъ руку сотню казаковъ и, несмотря на туманъ, за которымъ могли скрываться большія непріятельскія партіи, бросился вверхъ по Фортангѣ, по дорогѣ къ Бумуту, и настигъ заговорщиковъ прежде, нежели они успѣли замѣтить его приближеніе. Смущенные внезапнымъ появленіемъ казаковъ въ такой дикой, уединенной, мѣстности и въ такое суровое время года, галашевцы разбѣжались въ разныя стороны; предводитель ихъ Гудіевъ былъ убитъ и одинъ изъ его товарищей взятъ въ плѣнъ.

5-го января лазутчики дали знать начальнику верхнесунженской линіи, что Шамиль предписалъ чеченскимъ наибамъ наказать карабулаховъ и галашевцевъ за измѣну ему; что на военномъ совѣтѣ, созванномъ старшимъ наибомъ малой Чечни Сабдуллой, положено было призвать всѣхъ способныхъ носить оружіе чеченцевъ и съ ними двинуться къ ауламъ возмутившихся противъ имама обществъ Чтобы разстроить замыслы наибовъ, Слѣпцовъ, не теряя времени, собралъ отрядъ изъ восьми ротъ пѣхоты и десяти сотенъ кавалеріи (казаковъ и милиціи) *), при двухъ горныхъ орудіяхъ и ракетной командѣ. Войска расположились на рѣкѣ Алгусъ-Али, откуда удобнѣе было слѣдить за всѣми дѣйствіями наибовъ и предупреждать вторженія ихъ въ галашевскіе аулы. Вслѣдствіе донесенія Слѣпцова начальнику владикавказскаго военнаго округа генералъ-маіору Ильинскому о происходившемъ во вновь покоренныхъ обществахъ, изъ Владикавказа направлены были на Алгусъ-Али, для усиленія кавалеріи отряда, двѣ сотни Владикавказскаго казачьяго полка, подъ командою адъютанта главнокомандующаго штабсъ-ротмистра князя Дондукова-Корсакова. Хотя передовымъ партіямъ чеченцевъ и удалось, подъ предводительствомъ наибовъ Саб-

*) 5 сотенъ 1-го Сунженскаго казачьяго полка.

дуллы и Шуаиба-Газы, занять нагорныя урочища галашевскаго общества, но присутствіе русскаго отряда на Алгусъ-Али заставило ихъ притаиться въ горныхъ трущобахъ и до времени ограничиться выжидательнымъ положеніемъ. Въ ночь на 8-е января полковникъ Слѣпцовъ получилъ свѣдѣніе, что наибы передвинулись къ Датыху (противъ лѣваго берега Фортанги), заняли эту почти неприступную позицію и оттуда угрожали жителямъ урочища Алкунъ, требуя отъ нихъ аманатовъ. Еслибы наибамъ сказали, что они затѣваютъ опасную игру, они бы презрительнымъ смѣхомъ отвѣчали на это предостереженіе, такъ какъ были убѣждены, что русскій отрядъ не отважится предпринять движеніе къ Датыху по обледенѣлымъ крутизнамъ, покрытымъ сухимъ сыпучимъ снѣгомъ, при двадцати градусахъ мороза. Занятіе Датыха чеченцами заставило и Слѣпцова передвинуться на другую позицію. Оставивъ 8-го января на Алгусъ-Али вагенбургъ и всѣ тяжести подъ прикрытіемъ одной роты Навагинскаго полка, съ однимъ орудіемъ, онъ съ остальными войсками поднялся вверхъ по Ассѣ и остановился на ночлегъ въ трехъ верстахъ отъ Цоки-юрта. Здѣсь онъ получилъ письменное увѣдомленіе отъ полковника Германса изъ Заканъ-юрта, что Талгикъ, шедшій на соединеніе съ наибами малой Чечни, дойдя до рѣки Шалажи, вдругъ повернулъ назадъ въ большую Чечню, подъ тѣмъ предлогомъ, что туда вступали въ это время русскіе войска. Непонятное поведеніе этого любимца Шамиля можетъ быть объяснено отчасти нежеланіемъ его подчиняться настоящему хозяину малой Чечни, самонадѣянному Сабдуллѣ, стоявшему гораздо ниже его по военнымъ дарованіямъ. Передъ разсвѣтомъ 9-го числа отрядъ Слѣпцова двинулся по дорогѣ къ Цоки-юрту. У Цоки-юрта присоединился къ отряду и князь Дондуковъ съ владикавказцами и частью осетинской милиціи. Несмотря на утомительный семидесятиверстный переходъ, съ незначительнымъ четырехчасовымъ отдыхомъ на пути, они весело вступили въ ряды ка-

валеріи; ихъ бодрый видъ свидѣтельствовалъ о готовности не отставать въ перенесеніи трудовъ и лишеній отъ остальныхъ частей отряда. Князь Дондуковъ, по распоряженію полковника Слѣпцова, принялъ начальство надъ всѣми линейными казаками.

Отъ Цоки-юрта отрядъ продолжалъ подаваться къ Датыху медленно, шагъ за шагомъ, несмотря на потребность двигаться быстро, чтобы сколько нибудь отогрѣть окоченѣвшіе отъ холода члены. По тропинкамъ, доступнымъ однимъ турамъ да дикимъ козамъ, взбирались казаки и солдаты. Не мало содѣйствовалъ перенесенію невообразимыхъ трудностей этого похода примѣръ бывшихъ впереди начальниковъ, заразившихъ подчиненныхъ своею отвагою и самоотверженіемъ — самаго Слѣпцова, уже успѣвшаго заручиться громкою извѣстностью и проложившаго себѣ дорогу къ славѣ. а также и молодаго адъютанта главнокомандующаго, блистательная карьера котораго была въ то время на зарѣ.

Только около часа пополудни отрядъ достигъ послѣдняго перевала къ Датыху. Перевалъ этотъ, съ построенною на немъ въ видѣ цитадели башнею, по своему возвышенному положенію, могъ назваться стратегическимъ ключемъ всей окрестности. Такъ какъ цѣль экспедиціи состояла въ томъ, чтобы наказать жителей датыхскаго урочища за ихъ открытое отпаденіе, выразившееся приглашеніемъ къ себѣ чеченцевъ, то полковникъ Слѣпцовъ, приказавъ занять башню тремя ротами Навагинскаго пѣхотнаго полка, подъ командою маіора Барабаша, и двумя сотнями Владикавказскаго линейнаго казачьяго полка, лошади которыхъ были слишкомъ изнурены для дальнѣйшаго слѣдованія, съ остальными войсками началъ спускаться къ Датыху.

Густой туманъ, застилавшій окрестность, только начиналъ медленно подниматься отъ земли, и ауловъ за нимъ еще не было видно, когда отрядъ сталъ приближаться къ аулу на ружейный выстрѣлъ; навстрѣчу ему выѣхало нѣ-

сколько человѣкъ для переговоровъ. Парламентеры прежде всего предложили Слѣпцову, отъ имени общества, аманатовъ, въ знакъ своего раскаянія въ настоящемъ и въ залогъ своихъ вѣрноподданическихъ отношеній къ правительству въ будущемъ. Отъ проницательности начальника отряда не укрылась настоящая цѣль этихъ предварительныхъ переговоровъ: имъ нужно было выиграть время, иначе еслибы заявленія общества были искренни, оно бы прямо выслало аманатовъ. Но, всегда гуманный, не довѣряя своимъ собственнымъ догадкамъ и не желая прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, которыя впослѣдствіи могли оказаться преждевременными, Слѣпцовъ отправилъ впередъ нѣкоторыхъ изъ находившихся при немъ старшинъ удостовѣриться—дѣйствительно ли жители Датыха образумились и готовятся встрѣтить его изъявленіемъ покорности и раскаянія; самъ, между тѣмъ, продолжалъ подвигаться къ аулу, имѣя въ головѣ колонны карабулахскую милицію. Туманъ поднялся, и картина, представившаяся глазамъ Слѣпцова, подтвердила его подозрѣнія: по противуположному скату оврага, надъ которымъ стоитъ Датыхъ, поднимались жители съ имуществомъ и семействами, которыя спѣшили укрыть за перевалами или направить къ ауламъ расположеннымъ по Фортангѣ. Центральный аулъ былъ покинутъ. Парламентеры успѣли скрыться прежде, нежели обманъ былъ обнаруженъ. Датыхъ занятъ былъ отрядомъ почти безъ боя.

Тотчасъ по вступленіи въ Датыхъ начальникъ верхнесунженской линіи, оставивъ при себѣ свою дежурную команду и маіора Кушелева, съ баталіономъ пѣхоты, разбилъ кавалерію на три партіи: князь Дондуковъ-Корсаковъ, съ тремя сотнями сунженскихъ казаковъ, долженъ былъ атаковать самый значительный аулъ вправо отъ датыхской позиціи, куда устремились главныя скопища чеченцевъ; есаулъ Предимировъ получилъ приказаніе броситься на второй аулъ, расположенный лѣвѣе перваго; къ третьему аулу, еще лѣвѣе, на-

правлена была вся милиція, подъ начальствомъ есаула Тимошевскаго, и донскіе казаки съ войсковымъ старшиною Ежовымъ. Этотъ послѣдній аулъ стоялъ на пересѣченіи оврага съ Фортангой, и дорога къ нему со стороны Датыха вдругъ прекращалась, но нападающіе, которые при другихъ обстоятельствахъ вернулись бы назадъ, такъ какъ идти было некуда, въ пылу увлеченія не обратили на это вниманія и обошлись, какъ могли, безъ дороги. Чеченцы, преслѣдуемые княземъ Дондуковымъ по пятамъ, опрокинуты были въ пропасть, такъ что смотрѣвшіе на эту картину съ датыхской позиціи могли въ буквальномъ смыслѣ примѣнить къ нимъ выраженіе: «провалились сквозь землю». На противоположномъ гребнѣ, гдѣ еще такъ недавно самонадѣянно развѣвались красивые, шитые шелками, значки чеченскихъ наибовъ, теперь носились бѣлые и голубые, съ широкими крестами, значки нашихъ казаковъ.

Не прошло и получаса послѣ начала атаки, какъ обреченные истребленію аулы были заняты и пылали, а черезъ часъ они представляли изъ себя одни груды дымящихся развалинъ. Огонь во всѣ времена былъ вѣрнымъ спутникомъ меча. Полковникъ Слѣпцовъ, чтобы поддержать казаковъ при отступленіи, отдѣлилъ отъ себя навстрѣчу имъ три роты пѣхоты, а всѣмъ кавалерійскимъ частямъ, принимавшимъ участіе въ раззореніи ауловъ, разослалъ приказаніе стягиваться къ Датыху, гдѣ отрядъ расположился на ночлегъ. Отступленіе обошлось не безъ перестрѣлки, но довольно слабой. Къ сумеркамъ все было кончено. Наступила тишина, которой ясная, морозная ночь придавала особенную торжественность, и можно было бы подумать, что здѣсь ничего и не было, еслибы широкія огненныя пятна дотлѣвавшихъ развалинъ не свидѣтельствовали, что происходила одна изъ прискорбныхъ сценъ борьбы за существованіе, которая началась отъ сотворенія міра и съ тѣхъ поръ никогда не прерывалась.

Полковникъ Слѣпцовъ, въ донесеніи своемъ объ окончательномъ покореніи галашевскаго общества, отдаетъ должную дань справедливости начальникамъ частей своего отряда и всѣмъ ихъ подчиненнымъ, а князя Дондукова-Корсакова называетъ «настоящимъ русскимъ княземъ, съ благороднымъ самоотверженіемъ переносившимъ труды и опасности экспедиціи» Какъ мудрый военный администраторъ, главнокомандующій оцѣнилъ по достоинству результаты, добытые краткимъ, но замѣчательнымъ по своимъ трудностямъ, походомъ Слѣпцова; какъ добрый отецъ ввѣренной ему арміи, онъ вмѣнилъ въ особенную заслугу начальнику летучаго отряда незначительный уронъ, понесенный его войсками.

Въ двадцатыхъ числахъ января Слѣпцовъ выѣхалъ во Владикавказъ и тамъ заболѣлъ.

Въ первыхъ числахъ февраля начальникъ верхне-сунженской линіи вернулся къ своему посту. Онъ только ждалъ случая, чтобы въ одномъ изъ населеннѣйшихъ центровъ того или другаго общества приступить къ осуществленію своего проекта военно-административныхъ мѣръ.

Покончивъ съ распоряженіями, отличавшимися предусмотрительностью и глубокою обдуманностью, и оставивъ пристава съ частью милиціи для разбирательства нѣкоторыхъ дѣлъ и для наблюденія за окончательнымъ приведеніемъ въ исполненіе указанныхъ имъ мѣръ, Слѣпцовъ выступилъ съ отрядомъ изъ аула Нижніе Аршты все въ томъ же прямомъ направленіи черезъ хребетъ Аршты-Кортъ. Тропинка, по которой слѣдовали войска, оказалась удобнѣйшею и кратчайшею изъ всѣхъ для быстрыхъ сообщеній съ линіей; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она пролегала надъ обрывами, справа и слѣва устроены были завалы, которые разбирались высланною въ авангардъ для этой цѣли пѣхотою. Къ 6-ти часамъ вечера того же 6-го февраля отрядъ вернулся на линію, и войска распущены были по квартирамъ. На Кавказѣ привыкли смотрѣть на Слѣпцова, какъ на безстрашнаго наѣздника, на от-

важнаго партизана, и только корпусному штабу, да ближайшимъ начальникамъ своимъ онъ извѣстенъ былъ за опытнаго администратора, заявившаго себя на этомъ поприщѣ при устройствѣ верхне-сунженской линіи.

Надъ всѣмъ, что сдѣлалъ полковникъ Слѣпцовъ въ новопокоренномъ краѣ въ самый короткій промежутокъ времени, смѣло можно было бы поставить столь хорошо знакомую всему бюрократическому міру надпись: «весьма нужное, безотлагательное». Все сдѣланное имъ было дѣйствительно безотлагательное и принесло плоды, которые впослѣдствіи были оцѣнены его преемниками.

II.

Между двумя нашими линіями—передовою чеченскою и верхне-сунженскою, въ буквальномъ смыслѣ между двухъ огней, вдоль всего праваго берега Сунжи, разбросаны были аулы и хутора непріязненныхъ намъ чеченцевъ. Несмотря на довольно широкія просѣки, проложенныя отъ большой Русской дороги къ Сунжѣ; несмотря на довольно частыя и всегда внезапныя нападенія на нихъ нашихъ отрядовъ, имѣвшія неизбѣжнымъ послѣдствіемъ истребленіе до тла жилищъ и запасовъ, нерѣдко взятіе въ плѣнъ дѣтей и женщинъ, не успѣвшихъ укрыться въ лѣсахъ; несмотря даже на слишкомъ близкое сосѣдство нашихъ станицъ—по прошествіи нѣкотораго времени на мѣстахъ старыхъ пепелищъ появлялись новыя. Роскошная природа праваго берега Сунжи, богатая его почва, щедро оплачивавшая трудъ человѣка, неодолимо влекли чеченцевъ изъ угрюмаго гойтенскаго лѣса и съ густо населенныхъ терасъ Черныхъ горъ на прежнія привольныя мѣста къ Сунжѣ. Въ темныя ночи или въ густой туманъ тихо и осторожно, никѣмъ не замѣченные, перебирались они туда черезъ Черную поляну, мимо рус-

ской крѣпости Урусъ-Мартана. Еслибы они не увлекались своими воинственными наклонностями и продолжали жить такъ же тихо и осторожно, какъ селились, русскіе долго не подозрѣвали бы присутствія ихъ ауловъ на Сунжѣ, закрытыхъ отъ насъ густыми лѣсами. Но для нихъ хищническіе набѣги, исполненные опасностей и приключеній, имѣли неотразимую прелесть. Какъ людямъ праздным и неразвитымъ, имъ нужны были острыя, сильныя ощущенія. Чаще стали повторяться въ станицахъ верхне-сунженской линіи удары въ набатный колоколъ и орудійные выстрѣлы, призывавшіе къ тревогѣ. Станичныя правленія наводнялись дознаніями и слѣдственными дѣлами о грабежахъ и убійствахъ, прекращаемыми за неоткрытіемъ виновныхъ. Но слѣды, особенно замѣтные въ сырую погоду или въ зимнее время по недавно выпавшему снѣгу, выдавали настоящее ихъ мѣстопребываніе: они всегда почти указывали на правый берегъ Сунжи. Чтобы прекратить тревоги, нужно было прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ.

Когда до свѣдѣнія главнокомандующаго дошло, что къ сѣверу отъ большой Русской дороги, по нижнимъ теченіямъ рѣкъ Валерика, Гехи и Рошни, чеченцы успѣли свить себѣ новыя гнѣзда на старыхъ мѣстахъ, онъ въ половинѣ февраля 1850 года предписалъ начальнику лѣваго фланга одновременнымъ движеніемъ съ разныхъ сторонъ разорить эти гнѣзда. Со стороны владикавказскаго военнаго округа въ этомъ движеніи долженъ былъ принять участіе полковникъ Слѣпцовъ. Въ ночь на 17-е февраля, съ отрядомъ изъ семи ротъ пѣхоты, одиннадцати съ половиной сотенъ кавалеріи и конно-ракетной команды, при двухъ орудіяхъ, онъ выступилъ по направленію къ малой Чечнѣ. Успѣхъ внезапнаго нападенія, съ возможно меньшею потерею, зависѣлъ отъ быстроты движенія, и потому войска, не останавливаясь, цѣлую ночь шли форсированнымъ маршемъ. Пѣхота съ трудомъ поспѣвала за кавалеріей. Для нея это была слишкомъ

тяжелая экскурсія. Изнуренная безостановочнымъ усиленнымъ переходомъ, она не въ состояніи была, не переводя духу, прямо вступить въ бой, и поэтому Слѣпцовъ оставилъ ее, вмѣстѣ съ артиллеріей, подъ начальствомъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка подполковника Кемпферта, у переправы черезъ Сунжу, подлѣ раззореннаго аула Большой Кулларъ. Начинало свѣтать, когда войска вступили на правый берегъ рѣки. Отдѣливъ на всякій случай къ колоннѣ Кемпферта двѣ сотни донскаго № 19 полка, Слѣпцовъ съ остальною кавалеріею двинулся вверхъ по ручью Шавдону, между рѣками Гехи и Валерикомъ, къ аулу Ясанъ-Юрту. Но онъ нашелъ одни развалины на мѣстѣ большаго аула: новый аулъ отнесенъ былъ выше по Шавдону, подальше отъ Сунжи, въ болѣе безопасное мѣсто. На протяженіи четырехъ верстъ отъ самой переправы кавалерія шла густымъ лѣсомъ; дороги не было; повсюду встрѣчался валежникъ, который нужно было обходить, чтобы не дѣлать шуму, разбрасывая его, и не замедлять движенія; попадались огромныя деревья, частью срубленныя, частью вырванныя съ корнемъ бурею. За лѣсомъ лежала широкая открытая поляна, за нею опять начинался лѣсъ, до того темный, затканный такою густою сѣтью паразитныхъ растеній, что онъ казался непроницаемой чащей. Тутъ стояли первые непріятельскіе хутора, но въ нихъ не было никакихъ признаковъ жилаго мѣста: они оказались покинутыми. Два изъ нихъ: Музурой и Нэхлой, начальникъ отряда приказалъ занять частью кавалеріи, а съ остальною продолжать наступленіе къ Ясанъ-юрту.

Въ это время въ отдаленіи послышалась перестрѣлка. Слѣпцовъ заключилъ, что его успѣли предупредить движеніемъ съ лѣваго фланга, и что распространившаяся по всему правому берегу Сунжи тревога должна была отвлечь жителей на ту сторону, откуда слышны были выстрѣлы, и ему можно будетъ исполнить возложенное на него порученіе безъ потерь. Это было всегда его преобладающею заботою.

Онъ все время ѣхалъ въ головѣ колонны, и первый увидѣлъ аулъ, расположенный среди лѣса, на небольшой прогалинѣ. Онъ вдругъ остановился, пораженный тѣмъ, что представилось его глазамъ: надъ высокими плетнями, которыми огорожена была каждая сакля, торчали папахи, и въ ту сторону, откуда должна была показаться его кавалерія, направлено было нѣсколько десятковъ винтовокъ. Жители ожидали нападенія; они кѣмъ-то были предупреждены, что оно замышлялось, и что будетъ сдѣлано съ разныхъ сторонъ, и потому, не покидая своихъ ауловъ, каждый приготовился защищать свой собственный очагъ. Заключеніе, сдѣланное Слѣпцовымъ, когда онъ услышалъ вдали перестрѣлку, оказалось слишкомъ поспѣшнымъ: тревога, распространившаяся вдоль сѣверной полосы малой Чечни, никого не отвлекала отъ избраннаго имъ для набѣга пункта. Не успѣла кавалерія выровняться на площадку, какъ ее встрѣтили дружнымъ залпомъ изъ за плетней; пули, подобно рою пчелъ, прожужжали мимо Слѣпцова. Онъ только молча протянулъ руку по направленію къ аулу—и казаки такъ стремительно бросились къ его оградѣ, что горцы не успѣли зарядить своихъ винтовокъ во второй разъ, отступили къ лѣсу и оттуда продолжали перестрѣлку. Два часа прошло прежде, нежели аулъ и окрестные хутора истреблены были до тла, и все это время темные своды лѣса освѣщались заревомъ пожаровъ, разомъ вспыхнувшихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Зимній день не великъ; пора было думать объ отступленіи—самомъ критическомъ моментѣ боя, особенно при набѣгахъ. Положеніе Слѣпцова было довольно затруднительное: кавалерія его сдѣлала все, что можно требовать отъ кавалеріи, но при отступленіи отъ чеченскихъ лѣсовъ первенствующая роль всегда принадлежала штыкамъ и картечи. Ни того, ни другаго въ данную минуту въ отрядѣ не было: пѣхота и артиллерія оставлены были, какъ уже сказано, у Большаго Куллара. Перестрѣлка, между тѣмъ, слышанная въ

отдаленіи, успѣла къ этому времени смолкнуть, и непріятель сталъ показываться въ окрестностяхъ Ясанъ-юрта въ довольно значительныхъ силахъ. Слѣпцовъ спѣшилъ всю кавалерію, кромѣ двухъ сотенъ. Три спѣшенныхъ сотни Сунженскаго казачьяго полка, подъ его личнымъ начальствомъ, составляя авангардъ, должны были прокладывать путь черезъ лѣсъ всей остальной колоннѣ и пробиваться сквозь толпы близко наступавшаго непріятеля. Сотни Владикавказскаго полка и милиція, подъ командой полковника Шостака, должны были слѣдовать въ арріергардѣ. Раненыхъ, плѣнныхъ, всю добычу и коноводовъ, подъ прикрытіемъ двухъ сунженскихъ сотенъ, остававшихся на коняхъ, онъ помѣстилъ между авангардомъ и арріергардомъ. Медленно, шагъ за шагомъ, отступала колонна. Какъ только мѣстность нѣсколько обнажилась и позволила сдѣлать вылазку, чеченцы зашли во флангъ и произвели отчаянную попытку отбить назадъ плѣнныхъ и добычу, но казаки, одушевляемые примѣромъ своего безстрашнаго начальника, бросились навстрѣчу непріятелю въ шашки и опрокинули его къ лѣсу. Онъ нѣсколько разъ возобновлялъ свою попытку и всякій разъ встрѣчалъ тотъ же мужественный отпоръ со стороны геройски отступавшаго авангарда, который, то правою то лѣвою стороною своего строя, быстро перемѣнялъ фронтъ, чтобы вовремя предупредить непріятеля, и также быстро снова смыкался, когда чеченцы покушались ворваться въ образовавшійся интервалъ. Перестрѣлка, между тѣмъ, не умолкала ни на минуту; нескромное эхо, протяжнымъ гуломъ разносившее ее по всѣмъ лѣсамъ малой Чечни, должно было привлечь новыя партіи. Къ счастью для отряда, лѣсная чаща скоро должна была кончиться; впереди замелькали широкіе просвѣты между деревьями — что означало близость поляны. Чеченцы, чувствуя, что надежда на возвращеніе добычи и плѣнныхъ ускользаетъ отъ нихъ, сдѣлали послѣднюю попытку вырвать ихъ изъ нашихъ рукъ: они съ особеннымъ ожесточеніемъ ринулись на

правый флангъ, но были отброшены дружной контръ-атакой авангарда и арріергарда, преслѣдовавшихъ ихъ по пятамъ и пустившихъ въ ходъ холодное оружіе. При этомъ непріятель, надо полагать, понесъ чувствительный уронъ, или, можетъ быть, лишился своего предводителя, потому что бой мгновенно прекратился, и наступила тишина, непрерываемая ни однимъ выстрѣломъ.

Въ опушкѣ лѣса, у самаго выхода на поляну, колонна остановилась. Въ это время на противоположномъ концѣ поляны, по дорогѣ изъ Большаго Куллара, показалась другая колонна: двѣ роты и сотня донскихъ казаковъ, высланныя подполковникомъ Кемпфертомъ навстрѣчу отряда. Колонны сошлись на серединѣ поляны. Настоящая пѣхота смѣнила кавалерію, исправлявшую ея трудную обязанность, а эта послѣдняя въ одно мгновеніе превратилась опять въ кавалерію. Четырехверстное разстояніе лѣсомъ до переправы пройдено было безпрепятственно. Раздавались рѣдкіе, одиночные выстрѣлы, то съ вершины дерева, то изъ темной лѣсной трущобы, но ихъ оставляли безъ отвѣта. Въ одиннадцать часовъ утра войска переправились обратно на лѣвый берегъ Сунжи, а въ пять пополудни прибыли въ Казахъ-Кичу.

Такъ окончился набѣгъ Слѣпцова въ малую Чечню 17-го февраля 1850-го года.

III.

Главнокомандующій, въ бытность свою въ іюнѣ мѣсяцѣ 1850-го года на Кумыкской плоскости, желая ближе ознакомиться съ большой Чечней, предпринялъ рекогносцировку отъ укрѣпленія Куринскаго, расположеннаго на восточномъ склонѣ Качкалыковскаго хребта, къ Мичику, текущему параллельно ему, у подножія противоположнаго склона. Обзоръ этотъ показалъ главнокомандующему, что большая Чечня съ

каждымъ годомъ становится доступнѣе для движенія нашихъ войскъ, и что на ней теперь уже не встрѣчается тѣхъ затрудненій, съ какими приходилось бороться въ былыя времена, вскорѣ послѣ ея возстанія. Оставалось еще препятствіе со стороны кумыкской плоскости, легко впрочемъ устранимое: лѣсъ, которымъ было покрыто небольшое пространство, всего около трехъ верстъ, между Качкалыковскимъ хребтомъ и Мичикомъ. Къ вырубкѣ этого лѣса главнокомандующій приказалъ временно завѣдывающему лѣвымъ флангомъ кавказской линіи генералъ-маіору Козловскому приступить въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, не откладывая до зимней экспедиціи, и для этой цѣли сосредоточить въ укр. Куринскомъ два, много три, баталіона пѣхоты, нѣсколько сотенъ казаковъ съ соотвѣтствующимъ числомъ орудій, и къ отряду вытребовать изъ Чиръ-Юрта одинъ дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ. Большаго противодѣйствія со стороны непріятеля нечего было опасаться: это былъ не такой лѣсъ, въ которомъ чеченцы могли бы устраивать засады, не бывъ тотчасъ же открыты. Къ тому же, отрядъ долженъ былъ расположиться лагеремъ на возможно близкомъ разстояніи отъ укр. Куринскаго, откуда, по требованію генерала Козловскаго, во всякую минуту могло быть выслано подкрѣпленіе.

Къ первому августа въ отрядъ прибыли войска изъ Хасавъ-Юрта и Грозной, т. е. два баталіона пѣхоты съ кавалеріею; еще одинъ баталіонъ Козловскій притянулъ изъ Куринскаго, такъ что это укрѣпленіе осталось безъ гарнизона, но его долженъ былъ прикрывать отрядъ. 2-го августа приступлено было къ работамъ, а 9-го у насъ изъ строя выбыло двѣнадцать человѣкъ убитыми и семьдесятъ семь ранеными 10-го числа раненые, а съ ними девяносто восемь больныхъ, отправлены были въ Хасавъ-Юртъ. Высокая температура одного изъ самыхъ знойныхъ въ году мѣсяцевъ, непрерывныя изнурительныя работы и безсмѣнные наряды на службу не могли не повліять на здоровье войскъ, значительно уже под-

точенное полевыми работами, производившимися подъ выстрѣлами или въ нездоровыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ. Чеченцы, между тѣмъ, не дремали. Партіи ихъ расположились бивакомъ въ долинѣ Мичика; на правомъ берегу рѣки они устроивали батареи и завалы. Сборы непріятельскіе съ каждымъ днемъ увеличивались вновь прибывавшими партіями изъ Гумбета, Андіи и другихъ отдаленныхъ округовъ. Въ распоряженіи наибовъ, дѣйствовавшихъ противъ отряда, было четыре полевыхъ орудія. Одобренные ничтожною численностью отряда, они открывали по лагерю канонаду на такомъ близкомъ разстояніи, что ядра залетали въ форштатъ укрѣпленія. Положеніе войскъ, стоявшихъ лагеремъ на Качкалыковскомъ хребтѣ, становилось день-ото-дня затруднительнѣе. Казаки донскаго № 17-го полка, составлявшіе ядро кавалеріи, прибыли въ лагерь на лошадяхъ крайне изнуренныхъ, такъ какъ на нихъ съ отдаленныхъ покосныхъ мѣстъ въ штабъ-квартиру перевозились огромные запасы сѣна, заготовлявшагося для полка. Къ 20-му августа, согласно предписанія главнокомандующаго, дивизіонъ драгунъ долженъ былъ возвратиться въ свою штабъ-квартиру. Изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, бывшихъ въ распоряженіи Козловскаго, двѣ роты постоянно высылались на работы для исправленія казармъ и всѣхъ вообще казенныхъ зданій укрѣпленія Куринскаго, одинъ баталіонъ занималъ караулы, а изъ оставшихся затѣмъ шести ротъ двѣ назначались на просѣку съ топорами, и четыре выходили прикрывать ихъ.

За то, непріятель съ каждымъ новымъ шагомъ нашимъ къ Мичику становился все смѣлѣе и смѣлѣе: не довольствуясь канонадой по лагерю съ праваго берега рѣки, онъ началъ устраивать батареи вправо отъ просѣки, на самомъ гребнѣ Качкалыковскаго хребта, откуда намѣревался бомбардировать форштатъ Куринскаго. На высотахъ и по уступамъ Черныхъ горъ стали появляться бивачные огни. Прибывавшія изъ Дагестана партіи, чтобы не дать усилиться

нашему отряду свѣжими войсками, стали угрожать юго-восточной окраинѣ кумыкской плоскости. Обстоятельства точно составили противъ Козловскаго заговоръ, отъ котораго не хотѣла отставать и лихорадка, продолжавшая производить систематическую убыль въ нашихъ рядахъ. Отрядъ замѣтно таялъ; работы на просѣкѣ замедлялись; онѣ прекращались въ тѣ дни, когда войска сопровождали транспортъ съ больными въ укр. Хасавъ-Юртъ, такъ какъ на работы выходить было некому. Но Козловскій не унывалъ, онъ отправилъ письмо къ начальнику верхне-сунженской линіи полковнику Слѣпцову, отъ котораго менѣе всего могъ ожидать подкрѣпленій, такъ какъ бѣднѣе Слѣпцова войсками едва ли былъ на всемъ Кавказѣ хоть одинъ начальникъ линіи или отряда. Козловскій просилъ его «оказать содѣйствіе», т. е. поднять тревогу въ окрестностяхъ Воздвиженской, у входа въ Большую Чечню, и тѣмъ отвлечь непріятельскія скопища отъ Качкалыковскаго хребта. Слѣпцовъ откликнулся на его призывъ съ благородной энергіей и отвагой, на которыя разсчитывалъ, вѣроятно, хитрый начальникъ чеченскаго отряда.

Въ большую Чечню вели два входа: одинъ на сѣверовостокѣ, изъ укр. Куринскаго, черезъ Качкалыковскій хребетъ къ Мичику другой на юго-западѣ, отъ крѣпости Воздвиженской, черезъ шалинскую поляну, къ большимъ центральнымъ ауламъ: Герменчуку, Автуры и Гельдыгену, въ самое сердце большой Чечни. У перваго изъ нихъ стоялъ Козловскій съ своимъ микроскопическимъ отрядомъ. Дорога къ другому входу проложена была нашими войсками въ послѣднюю зимнюю экспедицію также просѣкой черезъ лѣсъ къ шалинской полянѣ. Эта поляна, имѣвшая болѣе двѣнадцати верстъ въ длину и не менѣе четырехъ въ ширину, въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ отличалась необыкновеннымъ плодородіемъ и, вмѣстѣ съ другими меньшими полянами, служившими какъ бы продолженіемъ ея, считалась житницей всей большой Чечни. Она открывала также доступъ нашимъ вой-

скамъ къ послѣдней резиденціи повелителя горскихъ народовъ на Кавказѣ—укрѣпленному аулу Ведено. Просѣка сильно встревожила Шамиля и все населеніе большой Чечни. Имамъ рѣшилъ запереть входъ въ нее искусственной преградой, такъ какъ природа начинала измѣнять ему. Для этого имъ возведенъ былъ на протяженіи семисотъ пятидесяти саженей грозный окопъ или, какъ его называли въ войскахъ, шалинскій завалъ. Матеріаломъ для него служилъ щебень, перемѣшанный съ глинистой землей и ею же утрамбованный. Это гигантское сооруженіе, производившееся пятью тысячами человѣкъ, стоило неимовѣрныхъ усилій и пожертвованій. Брустверъ шалинскаго окопа имѣлъ два съ половиною аршина высоты, ровъ глубиною въ 2 и шириною въ 6 аршинъ. По всей кронѣ бруствера стояли туры, набитые тѣмъ же щебнемъ съ глинистой землей; между ними сквозили небольшіе промежутки для ружей, замѣнявшіе бойницы. По краямъ этого оригинальнаго укрѣпленія возвышались полукруглыя башни, съ пятью амбразурами для орудій каждая. На лѣвомъ флангѣ окопа, у самой опушки лѣса, стоялъ сомкнутый редутъ коменданта шалинскаго окопа—наиба Талгика. Правый флангъ упирался въ густой, почти непроходимый лѣсъ.

Письмо Козловскаго къ Слѣпцову было получено на Сунжѣ 8-го августа. Не успѣлъ онъ дочитать его до конца, какъ уже въ головѣ его готовъ былъ планъ, точно вдругъ его озарило вдохновеніе: онъ зналъ, что нужно прибѣгнуть къ отчаянному средству, чтобы не обмануть надежды Козловскаго. Вслѣдствіе этого, по полученіи отъ него письма, онъ донесъ начальнику владикавказскаго военнаго округа, что, по дошедшимъ до него слухамъ, значительныя непріятельскія скопища, съ артиллеріей, сосредоточиваются у шалинскаго окопа, куда вскорѣ долженъ прибыть и самъ Шамиль; о письмѣ же Козловскаго онъ умалчивалъ. Генералъ-маіоръ Ильинскій сообразилъ, что непріятель въ такихъ силахъ можетъ напра-

виться только къ границамъ карабулахскаго и галашевскаго обществъ. Кромѣ того вторженіе Шамиля въ предѣлы владикавказскаго военнаго округа могло угрожать безопасности военно-грузинской дороги. Онъ немедленно собралъ отрядъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, при одномъ орудіи, и трехъ сотенъ милиціи и расположилъ его на рѣкѣ Камбилеевкѣ; командиру Владикавказскаго казачьяго полка предписалъ держать полкъ наготовѣ къ выступленію по тревогѣ, а сотнѣ алагирской и куртатинской милиціи—занять позицію между рѣками Ардономъ и Архономъ; изъ 4-го и 5-го баталіоновъ Тенгинскаго и 5-го баталіона Навагинскаго пѣхотныхъ полковъ приказалъ сформировать сводный баталіонъ, которому ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, не пріостанавливая въ то же время производившихся работъ. 12-го августа онъ передвинулъ отрядъ съ Камбилеевки на Алгусъ-Али для усиленія войскъ, стоявшихъ тамъ лагеремъ. Такимъ образомъ, отрядъ, расположенный на Алгусъ-Али, состоялъ теперь изъ восьми съ половиною ротъ пѣхоты, шестидесяти двухъ казаковъ донскаго № 16 полка и трехсотъ двадцати трехъ всадниковъ осетинской и ингушевской милиціи, при одномъ горномъ орудіи. Самъ онъ, впослѣдствіи, когда Слѣпцовъ выступилъ, все время оставался на верхне-сунженской линіи и производилъ передвиженія войскъ между Ачхоемъ и Алгусъ-Али, чтобы поставить въ недоумѣніе жителей карабулахскаго общества и нагорной малой Чечни. Слѣпцовъ могъ бы, по уважительнымъ причинамъ, на просьбу Козловскаго о диверсіи отвѣчать отказомъ, такъ какъ около этого времени въ близкомъ сосѣдствѣ съ его-райономъ, въ малой Чечнѣ, стали появляться довольно значительныя партіи съ цѣлью тревожить укрѣпленія по нижней Сунжѣ и волновать жителей ввѣренныхъ его охранѣ карабулахскаго и галашевскаго обществъ: но онъ отвѣчалъ не отказомъ, а готовностью поддержать генерала Козловскаго, и что всего замѣчательнѣе—прямой его начальникъ генералъ-маіоръ Ильинскій не только не по-

ставилъ ему на видъ необходимость его присутствія на своемъ посту, на Сунжѣ, а напротивъ, съ благодарнымъ самоотреченіемъ, самъ остался на верхней Сунжѣ и исправлялъ должность своего подчиненнаго. Только 20-го августа Слѣпцовъ могъ, наконецъ, предпринять движеніе въ большую Чечню. Для того, чтобы отвлечь непріятеля отъ качкалыковской просѣки и тѣмъ оказать дѣйствительную помощь чеченскому отряду, нужно было избрать для нападенія такой пунктъ, который по стратегическому своему значенію не уступалъ бы качкалыковской просѣкѣ. Такимъ пунктомъ въ данный моментъ могъ быть только шалинскій окопъ. Чеченцы берегли его какъ зѣницу ока; за нимъ они считали себя въ безопасности отъ дальнѣйшихъ агрессивныхъ дѣйствій нашихъ отрядовъ. Планъ Слѣпцова былъ слишкомъ смѣлъ для того, чтобы онъ рѣшился открыть его кому бы то ни было. Онъ опасался—и совершенно основательно—что его предпріятіе сочтутъ безразсуднымъ, начнутъ уговаривать отказаться отъ него; но болѣе всего онъ опасался формальнаго запрещенія: тогда руки его были бы связаны, и мечта, которую онъ успѣлъ уже взлелѣять, была бы разбита, а потому даже ближайшій его начальникъ, генералъ-маіоръ Ильинскій, не зналъ настоящаго его намѣренія; онъ зналъ только, что диверсія будетъ произведена по направленію къ шалинской просѣкѣ.

Если Слѣпцовъ далеко оставлялъ за собой всѣхъ, когда нужно было дѣйствовать очертя голову, то не было человѣка осторожнѣе и предусмотрительнѣе его, когда того требовали обстоятельства. Это былъ партизанъ въ самомъ тѣсномъ значеніи слова—что онъ и доказалъ своей знаменитой диверсіей. Такъ какъ движеніемъ начальника верхне-сунженской линіи въ большую Чечню владикавказскій военный округъ, такъ сказать, обнажался, потому что весь кавалерійскій резервъ округа входилъ въ составъ летучаго отряда, то нужно было поставить непріятеля въ недоумѣніе, чтобы онъ не зналъ, куда и зачѣмъ передвигаются войска, и

чтобы каждый чеченецъ сидѣлъ у себя въ аулѣ и въ страхѣ ожидалъ нападенія. Для этого начальникъ верхне-сунженской линіи открыто, днемъ, 20-го августа, сосредоточилъ на р. Ассѣ отрядъ изъ семи ротъ пѣхоты, взвода донской № 7 конно-артиллерійской батареи и двухсотъ тридцати шести милиціонеровъ. Съ этого пункта отрядъ могъ угрожать немирнымъ ауламъ малой Чечни и Датыху, въ которомъ смуты возобновились вслѣдствіе близкаго сосѣдства верховьевъ Фортанги, куда выселились измѣнившіе намъ карабулахи. Жители названныхъ мѣстностей притаились. Къ вечеру того же 20-го числа, на Сунжѣ, въ станицѣ Михайловской, сѣвернѣе Ассинской и въ недальнемъ отъ нея разстояніи, собраны были 539 сунженскихъ, 160 донскихъ казаковъ и конно-ракетная команда Сунженскаго казачьяго полка. Съ наступленіемъ сумерокъ отрядъ, расположенный на Ассѣ, скрытно передвинулся, благодаря пересѣченной мѣстности, къ станицѣ Михайловской, а въ восемь часовъ вечера Слѣпцовъ выступилъ со всѣми собранными имъ войсками по направленію къ кр. Грозной. На полпути отъ станицы Михайловской къ Грозной, противъ Заканъ-Юрта, онъ бросилъ пѣхоту, которая замедляла движеніе кавалеріи и впослѣдствіи могла значительно стѣснять ея операціи. Онъ приказалъ ротамъ—послѣ ночлега у Заканъ-Юрта, открыто возвратиться на линію, а самъ продолжалъ двигаться внизъ по теченію Сунжи. Съ разсвѣтомъ 21-го числа кавалерійскій отрядъ выѣхалъ на открытую мѣстность къ кургану Учь-Тюбе (трехъ братьевъ). Здѣсь Слѣпцовъ приказалъ развернуть значки, чтобы непріятельскіе пикеты могли видѣть его, какъ они должны были видѣть возвращавшуюся изъ Заканъ-Юрта на линію пѣхоту. Распоряженія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: послѣднія партіи чеченцевъ, бывшія еще въ сборѣ, думая, что угадали намѣреніе Слѣпцова сдѣлать нападеніе на нагорные аулы малой Чечни, разошлись по домамъ и стали готовиться къ защитѣ. Въ этихъ приготовленіяхъ прошелъ для нихъ весь

день 21-го и ночь на 22-е августа. Слѣпцову только этого и нужно было. Отъ кургана Учь-Тюбе, вмѣсто того, чтобы попрежнему держать путь на Грозную, онъ повернулъ на югъ, все еще открыто, съ распущенными значками, миновалъ бывшее укрѣпленіе Злобный Окопъ и подлѣ Алханъ-Юрта вдругъ скрылся со всею кавалеріею въ одной изъ тѣхъ трущобъ, которыми такъ богата Сунжа. Здѣсь онъ расположился на дневку.

Когда Слѣпцовъ предпринималъ свою далекую экскурсію въ большую Чечню, главною его заботою было обезпечить обѣ линіи: и свою, и нижне-сунженскую. Теперь онъ могъ быть спокоенъ въ этомъ отношеніи: жители малой Чечни разошлись. Населеніе же большой Чечни, занятое на другомъ концѣ Качкалыковской просѣкой, не замѣчало тучи, надвигавшейся на него съ Сунжи. Была у Слѣпцова еще и другая забота, а именно—невозможность обойтись безъ пѣхотнаго резерва, въ особенности при отступленіи. Вслѣдствіе этого онъ съ дневки послалъ письмо въ Грозную, къ полковнику Форстену, временно исправлявшему должность начальника лѣваго фланга кавказской линіи, прося его оказать ему содѣйствіе. Форстенъ обѣщалъ выслать на помощь три роты и сотню кавалеріи, но не иначе могъ отдѣлить эти части безъ явной опасности для Грозной и ея окрестностей, какъ на двадцать четыре часа. Вечеромъ, когда сгустившійся мракъ позволилъ продолжать прерванное движеніе, кавалерія вынырнула изъ своей трущобы, переправилась на правый берегъ Сунжи, шумъ воды которой покрывалъ конскій топотъ, лѣсомъ подошла къ рѣкѣ Мартану, переправилась и черезъ нее и опять лѣсами, пробираясь по чрезвычайно труднымъ дорогамъ, мимо раззоренныхъ алдынскихъ хуторовъ, въ одиннадцать часовъ ночи прибыла къ одному скрытному мѣсту подлѣ Ханкальскаго ущелья, гдѣ и остановилась на отдыхъ. Отсюда Слѣпцовъ немедленно отправилъ въ Грозную проводника, хорошо знакомаго съ мѣстностью,

который долженъ былъ секретными дорогами провести обѣщанное полковникомъ Форстеномъ подкрѣпленіе. Въ два часа ночи къ отряду подошли тѣми почти неслышными шагами, какими научились ходить кавказскія войска въ набѣгахъ, три роты пѣхоты и сотня кавалеріи, подъ командою подполковника Берсеньева. Слѣпцовъ вздохнулъ свободнѣе: съ его плечъ снята была послѣдняя забота. Только опасность быть открытымъ не совсѣмъ еще миновала. Послѣ небольшаго роздыха, даннаго частямъ войскъ, прибывшимъ изъ Грозной, Слѣпцовъ тронулся съ отрядомъ въ дальнѣйшій путь по направленію къ Аргуну и на лѣвомъ берегу этой рѣки, у самой переправы, близь крѣпости Воздвиженской, остановился. Здѣсь онъ вошелъ въ сношеніе съ генералъ-маіоромъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, котораго извѣстилъ о предполагаемой имъ диверсіи, не входя, впрочемъ, въ подробности, довольно глухо, и просилъ оказать посильное содѣйствіе съ его стороны.

22-го на разсвѣтѣ, въ день коронаціи, который Слѣпцовъ приготовился ознаменовать «бранной славой», какъ онъ выражался, онъ перевелъ войска на правый берегъ рѣки. Тутъ только въ первый разъ отрядъ его былъ открытъ непріятельскими пикетами, которые тотчасъ же разнесли тревогу по Чечнѣ. Перестрѣлка завязалась уже въ то время, какъ войска переправлялись черезъ Аргунъ; перейдя его, Слѣпцовъ двинулся прямо къ шалинской просѣкѣ. Тутъ только чеченцы, догадавшись о его намѣреніи, прекратили перестрѣлку и поскакали впередъ. Въ шесть часовъ утра отрядъ стоялъ уже въ двухъ верстахъ отъ шалинскаго окопа, который занятъ былъ въ моментъ появленія нашихъ войскъ гарнизономъ въ пятьсотъ слишкомъ человѣкъ, при одномъ легкомъ орудіи, подъ предводительствомъ двухъ наибовъ. Начальникъ летучаго отряда сперва направилъ впередъ милицію, которая тронулась съ мѣста безъ малѣйшаго колебанія, смѣло проскакала разомкнутымъ строемъ двух-

верстное разстояніе и занеслась подъ самый валъ, но, встрѣченная залпомъ изъ пятисотъ ружей, дрогнула и стала подаваться назадъ. Слѣпцовъ, успѣвшій къ тому времени приблизиться къ окопу на орудійный выстрѣлъ, остановился и внимательно принялся обозрѣвать позицію: передъ нимъ стоялъ во всю ширину просѣки высокій валъ, грозно смотрѣвшій своими темными амбразурами и узкими, словно прищурившимися бойницами; за турами, которые чернымъ волнистымъ гребнемъ протянулись отъ одного края завала до другаго, торчали высокія чеченскія папахи. Сооруженіе было красивое и величественное. На башняхъ развивались значки двухъ наибовъ—Талгика и Лабазана, которыми они обыкновенно воодушевляли себя въ торжественную минуту передъ началомъ боя.

Между тѣмъ милиція, приведенная въ замѣшательство дружнымъ отпоромъ непріятеля, въ безпорядкѣ начала отступать. Какъ только она присоединилась къ колоннѣ, войска начали готовиться къ штурму. Въ распоряженіи Слѣпцова было только три неполныхъ роты, слѣдовательно задача, сообразно протяженію окопа, была не легкая. Прежде всего нужно было развлекать непріятеля, стараться не позволять ему сосредоточиваться на одномъ какомъ нибудь пунктѣ, а, напротивъ, принудить его разбрасываться. Для этого двумъ ротамъ кавказскаго линейнаго № 9 баталіона и 5-й карабинерной егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка было приказано занять лѣсъ влѣво отъ просѣки, т. е. противъ праваго фланга окопа; прикрываясь его опушкой, подойти къ самому окопу и, если нельзя будетъ взять его приступомъ, зайти во флангъ и овладѣть имъ съ противуположной стороны. Въ то же время есаула Предимирова, съ двумя сотнями Сунженскаго казачьяго полка, изъ которыхъ одною командовалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, Слѣпцовъ направилъ въ лѣсъ вправо отъ просѣки, противъ лѣваго фланга окопа, гдѣ стоялъ сомкнутый редутъ Талгика.

Приблизившись къ завалу на ружейный выстрѣлъ, казаки должны были выслать отъ себя цѣпь фланкеровъ изъ лучшихъ стрѣлковъ и наѣздниковъ и завязать съ непріятелемъ перестрѣлку, чтобы отвлечь вниманіе его отъ противуположнаго фланга, гдѣ будетъ дѣйствовать пѣхота. Такимъ образомъ наибъ, правому флангу котораго будутъ угрожать направленныя туда три роты, не рѣшится оставить въ то же время на произволъ судьбы и лѣваго фланга съ его сомкнутымъ редутомъ, служившимъ цитаделью всему грозному укрѣпленію. Пѣхоту лично повелъ въ атаку самъ Слѣпцовъ. Послѣ отступленія милиціи, по ту сторону окопа опять водворилась тишина; но когда маленькая колонна стала приближаться къ завалу, ее встрѣтили сначала пѣніемъ, а потомъ дали по ней нѣсколько залповъ изъ ружей, за которыми послѣдовалъ непрерывный огонь Но солдаты не обращали на него вниманія, точно стрѣляли въ нихъ не боевыми, а холостыми патронами. Они спустились въ глубокій ровъ и затѣмъ, по крутому, почти отвѣсному эскарпу, подсаживая другъ друга, стали подниматься на гребень вала. Черезъ нѣсколько минутъ, критическихъ для обѣихъ сторонъ, правый флангъ окопа былъ въ нашихъ рукахъ. Непріятель поспѣшно отступилъ къ лѣвому флангу, гдѣ перестрѣлка постепенно разгоралась. Радостнымъ «ура» былъ привѣтствованъ этотъ первый успѣхъ. Слѣпцовъ остался съ одной ротой на занятомъ имъ пунктѣ, а остальнымъ двумъ приказалъ перейти на лѣвый флангъ и овладѣть редутомъ Талгика. Теперь все казалось легко, и къ слову «овладѣть» не приставлялось выраженіе «если можно». Ободренные побѣдой, одержанной на одномъ флангѣ, весело побѣжали солдаты на другой, прямо по банкету укрѣпленія, преслѣдуя продольными выстрѣлами непріятеля, бѣжавшаго по тому же банкету впереди ихъ, и сбрасывая по дорогѣ туры. Когда они, запыхавшись, стали приближаться къ лѣвому флангу, изъ редута ихъ приняли сильнымъ ружейнымъ огнемъ и выстрѣломъ изъ

молчавшаго до тѣхъ поръ орудія. Но и это ихъ не могло остановить, и они, не задумываясь, тотчасъ же лихо бросились на штурмъ, чтобы ошеломить непріятеля и не дать ему опомниться. Есаулъ Предимировъ почти въ ту же минуту приказалъ казакамъ прекратить перестрѣлку, спѣшилъ бывшую подъ его командой 2-ю сотню Сунженскаго полка и повелъ ее на штурмъ, поддерживаемый сотней донскихъ казаковъ и ракетной командой, прискакавшими изъ резерва. Когда надъ брустверомъ редута съ двухъ сторонъ показались атакующіе, непріятель до того растерялся, что даже не пытался рукопашнымъ боемъ удержать за собой перевѣсъ. Онъ побѣжалъ изъ редута къ лѣсу, откуда старался мстить за потерю редута одиночными, но мѣткими выстрѣлами.

По занятіи нами сомкнутаго редута, всѣ возведенныя внутри его деревянныя постройки были немедленно преданы огню. Тенальный фронтъ, глубоко вдавшійся въ лѣсъ, уступленъ былъ намъ безъ выстрѣла. За недостаткомъ пѣхоты, для усиленія позицій, взятыхъ съ боя ничтожными сравнительно частями войскъ, высланы были цѣпи охотниковъ изъ казаковъ и милиціонеровъ. По мѣрѣ того, какъ занимались фланги окопа пѣхотою съ одной стороны и казаками Предимирова съ другой, оставшаяся въ резервѣ противъ середины укрѣпленія кавалерія, по предварительному распоряженію Слѣпцова, постепенно подавалась впередъ и передъ фронтомъ окопа остановилась. Казаки 3-й и 4-й сотенъ Сунженскаго полка и вся милиція спѣшились и принялись устроивать въ двухъ мѣстахъ въѣзды для артиллеріи, забрасывая ровъ турами, кольями, сѣномъ и бурьяномъ. Какъ ни тяжела была работа, на которую, кромѣ рукъ, ружейныхъ прикладовъ и усердія работавшихъ, употреблять было нечего, но черезъ часъ въѣзды были готовы. Такой же точно третій въѣздъ устроенъ былъ на лѣвомъ флангѣ. На немъ тотчасъ же выдвинуто было на позицію одно орудіе донской № 7 батареи, съ сотникомъ Поповымъ, которому, вмѣстѣ съ двумя

ротами пѣхоты и казаками Предимирова, приказано было расположиться у сомкнутаго редута. Чеченцы, между тѣмъ, успѣли нѣсколько придти въ себя, и въ то время какъ у насъ кипѣла работа по возведенію трехъ насыпей для прохода артиллеріи, они, съ своей стороны, также не оставались праздными: засѣвъ въ наскоро устроенныхъ завалахъ по ту сторону окопа, гдѣ просѣка во всю ширину ея успѣла зарости густымъ бурьяномъ, они приготовились съ тріумфомъ проводить побѣдителей и для начала завязали съ ними жаркую перестрѣлку.

Первая половина диверсіи въ большой Чечнѣ была окончена. Шалинскій окопъ, считавшійся неприступнымъ, былъ въ нашихъ рукахъ—конечно не долго, но самое занятіе его горстью людей, набранныхъ изъ разныхъ частей войскъ, имѣло особенное значеніе. Непріятелю же этотъ фактъ доказалъ уже не въ первый разъ, что нѣтъ такой твердыни, которой бы мы не сокрушили, и что всѣ усилія, труды и жертвы имама пошли прахомъ отъ одного прикосновенія молодаго рускаго военноначальника *). Такимъ образомъ, оба входа въ большую Чечню были открыты: одинъ у шалинской просѣки съ налета, другой подъ Мичикомъ, въ какихъ нибудь двадцать пять дней. Осмотрѣвъ подробно шалинскій завалъ во всѣхъ отношеніяхъ, Слѣпцовъ пришелъ къ заключенію, что для уничтоженія его нужно много рукъ и много времени, поэтому онъ ограничился разрушеніемъ только нѣкоторыхъ болѣе или менѣе важныхъ его пунктовъ.

Какъ только нарочный изъ побѣдоноснаго летучаго отряда привезъ въ крѣпость Воздвиженскую извѣстіе о взятіи окопа, баронъ Меллеръ-Закомельскій тотчасъ выслалъ на просѣку въ подкрѣпленіе Слѣпцова колонну, подъ начальствомъ подполковника Ушакова, состоявшую изъ пяти ротъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, которымъ онъ въ то время командовалъ, и одной роты кавказ-

*) Въ 1850 году Слѣпцову было 35 лѣтъ. Онъ родился 6-го декабря 1815 г.

скаго линейнаго № 10 баталіона, при двухъ орудіяхъ и сотнѣ донскихъ казаковъ. Войска эти присоединились къ отряду въ 10 часовъ утра.

Занятіемъ окопа настоящая цѣль диверсіи не вполнѣ еще была достигнута, такъ какъ нужно было отвлечь тѣ непріятельскія партіи, которыя тѣснили отрядъ генерала Козловскаго. Гонцы чеченскіе, скакавшіе по всѣмъ направленіямъ, и еще раньше ихъ орудійные выстрѣлы на шалинской просѣкѣ распространили тревогу по всей большой Чечнѣ. Вскорѣ послѣ прибытія подкрѣпленій изъ Воздвиженской, на дальнемъ концѣ шалинской поляны стали мелькать въ перелѣскахъ разноцвѣтные значки вновь прибывавшихъ партій, число которыхъ безпрестанно возрастало. Одна за другой начали онѣ показываться на открытыхъ мѣстностяхъ. Такіе значительные сборы ему доводилось видѣть только въ зимнія экспедиціи, и еслибы не свѣжія войска, присланныя барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ—вторая половина диверсіи заставила бы призадуматься начальника летучаго отряда. Какъ только прискакавшіе на тревогу горцы увидѣли русскіе значки на кронѣ бруствера, часть ихъ бросилась тотчасъ же занимать лѣсъ противъ фланговъ окопа, съ тѣмъ, чтобы выбить изъ позиціи егерей князя Воронцова полка. Упорная перестрѣлка завязалась съ обѣихъ сторонъ. Остальные, всего около двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ пѣшихъ и конныхъ, при одномъ легкомъ орудіи, засѣли въ перелѣскахъ и бурьянахъ впереди окопа, къ сторонѣ Автуры и Гельдыгена, саженяхъ въ восьмистахъ отъ нашей позиціи. Слѣпцовъ не былъ окруженъ, но съ фланговъ его сильно тревожилъ непріятель, которому не могли вредить наши выстрѣлы, такъ какъ онъ прикрывался завалами и лѣсными чащами. Впереди стояла сильная партія, которая только выжидала момента отступленія, чтобы начать дѣйствовать. А между тѣмъ нельзя было оставаться у завала. Слѣпцовъ придумалъ средство избѣжать потерь при отступленіи: для этого стоило только перейти въ наступленіе,

атаковать непріятеля, не смотря на превосходство его силъ, и постараться нанести ему такое пораженіе, чтобы заставить его отказаться отъ преслѣдованія. Онъ только ожидалъ возвращенія двухъ ротъ, отправленныхъ въ Воздвиженскую за транспортомъ и инструментомъ. Но ему не пришлось дождаться ихъ: изъ перелѣска, впереди завала, вылетѣлъ клубъ дыма, и надъ головой его просвистѣло ядро: за этимъ первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй и наконецъ третій. Казаки бросились къ лошадямъ. Горцы, внимательно слѣдившіе за всѣмъ происходившимъ у насъ въ отрядѣ, поспѣшно увезли орудіе и спрятали его въ трущобѣ за болотомъ, гдѣ очень трудно была добраться до него. Слѣпцовъ не отвѣчалъ на выстрѣлы, но началъ готовиться къ второй половинѣ диверсіи. Быстро отдавалъ онъ приказанія, и такъ же быстро приводились они въ исполненіе. Три роты, прибывшія ночью изъ Грозной, 6-я сотня Сунженскаго казачьяго полка, сотня донскихъ казаковъ и часть милиціи должны были занимать укрѣпленіе и охранять перевязочный пунктъ; вся остальная кавалерія посажена на конь. Зашевелились казаки и милиція, засуетилась и впереди стоявшая непріятельская партія; по флангамъ завала усилилась перестрѣлка: чеченцы готовились къ преслѣдованію, думая, что русскіе сейчасъ начнутъ отступать. 1-я, 2-я и 5-я сотни Сунженскаго казачьяго полка, двѣ сборныя сотни осетинской, назрановской и карабулахской милиціи, конно-ракетная команда Сунженскаго полка, и сборная сотня донскихъ казаковъ 16-го и 39-го полковъ, къ удивленію непріятеля, строились не по ту сторону завала, а, напротивъ, выдвинуты были впередъ противъ лѣваго фланга сомкнутаго редута и составляли правый флангъ нашей боевой линіи; лѣвый флангъ ея —3-я и 4-я сотни Сунженскаго казачьяго полка, подъ личнымъ начальствомъ Слѣпцова, расположились противъ праваго фланга редута; двѣ роты егерей князя Воронцова полка, подъ командою подполковника Ушакова, должны были,

слѣдуя возможно быстро вдоль опушки лѣса, поддерживать лѣвое крыло атакующихъ; двѣ другія роты должны были дѣлать то же самое для праваго крыла. На противуположномъ концѣ просѣки всѣ четыре роты должны были остановиться и ожидать возвращенія кавалеріи для того, чтобы потомъ, расположившись въ арріергардѣ, прикрывать ея отступленіе черезъ просѣку.

По знаку Слѣпцова, дружно, въ стройномъ порядкѣ, тронулись обѣ колонны; при этомъ казаки сначала нѣсколько сдерживали лошадей, чтобы дать возможность егерямъ бѣжать съ ними на одной линіи. Непріятель выказалъ стойкость, удивившую но не смутившую казаковъ. Только пѣхота его, раздѣлившись на двѣ партіи, подалась къ лѣсу, гдѣ тотчасъ же загремѣла перестрѣлка, въ которой, впрочемъ, егеря мало принимали участія, такъ какъ главною заботою ихъ было не отставать отъ кавалеріи. Непріятель далъ казакамъ приблизиться на ружейный выстрѣлъ и обдалъ ихъ залпомъ изъ нѣсколькихъ сотъ винтовокъ; казаки отвѣчали ему тѣмъ же. Обмѣнявшись еще двумя такими салютами, казаки выхватили шашки и съ крикомъ «ура» понеслись на непріятельскую кавалерію. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что чеченцы были смяты, хотя еще не разсѣяны, и начали поспѣшно отступать; разстояніе между ними и нашей кавалеріей замѣтно увеличивалось. Пользуясь этимъ, чеченцы нѣсколько разъ останавливались въ перелѣскахъ и оттуда пытались сильнымъ сосредоточеннымъ огнемъ остановить наступленіе казаковъ, но всякій разъ донское орудіе, скакавшее все время въ первой линіи атакующихъ, въ одно мгновѣніе снималось съ передка и картечью очищало перелѣсокъ. Затѣмъ уже отступленіе непріятеля превратилось въ безпорядочное бѣгство. Довольно долго гнались казаки за чеченцами. Пѣхота наша въ это время также не оставалась въ бездѣйствіи: какъ только кавалерія вынеслась съ просѣки на поляну, егеря принялись очищать ввѣренныя имъ позиціи

штыками. Къ возвращенію кавалеріи работа эта была окончена, и ни одинъ выстрѣлъ въ цѣпи не нарушалъ наступившей тишины. Паника, распространившаяся между чеченцами, была такъ велика, что казаковъ, при ихъ отступленіи, никто не смѣлъ тревожить, и когда они съ пѣснями шли назадъ по шалинской просѣкѣ, можно было подумать, что они возвращаются съ ученья. Не всѣ чеченцы, однако, упали духомъ: по прошествіи нѣкотораго времени, изъ заваловъ, устроенныхъ въ лѣсу, опять начали раздаваться одиночные выстрѣлы противъ праваго фланга нашей позиціи, хотя не причинявшіе никому вреда; на нихъ даже не отвѣчали. Къ тремъ часамъ пополудни и они смолкли. Въ эту минуту на шалинской просѣкѣ показался баронъ Меллеръ-Закомельскій съ двумя ротами пѣхоты, сотней кавалеріи и транспортными повозками съ шанцевымъ инструментомъ. Кругомъ царствовала полная тишина, и только дымъ отъ послѣднихъ выстрѣловъ вправо отъ завала, да убитые, распростертые у подножія его, выдавали тайну разыгравшейся здѣсь драмы.

Кавалерія отведена была за укрѣпленіе, гдѣ и расположилась на отдыхъ. Съ закатомъ солнца всѣ войска, подъ общимъ начальствомъ барона Меллеръ-Закомельскаго, отступили въ крѣпость Воздвиженскую. Не только не раздалось ни одного выстрѣла, но даже ни одного человѣка не было видно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно стояли непріятельскіе пикеты. Летучій отрядъ переночевалъ въ Воздвиженской и на другой день, 23-го августа, рано утромъ выступилъ обратно на Сунжу. 24-го вечеромъ онъ прибылъ въ станицу Ассиновскую и былъ распущенъ.

Когда Слѣпцовъ шелъ къ шалинской просѣкѣ, малая Чечня казалась мертвой и пустынной; при возвращеніи же по обѣ стороны большой Русской дороги стояли пѣшія и конныя партіи. Съ ихъ стороны не было сдѣлано ни одного выстрѣла по отряду и никакой другой враждебной демонстраціи; онѣ только провожали отрядъ глазами. Когда отрядъ подо-

шелъ къ Валерику, странное присутствіе чеченцевъ на плоскости отчасти объяснилось: тамъ Слѣпцовъ встрѣченъ былъ двумя старшинами немирныхъ ауловъ, которые вышли поздравить его отъ имени своихъ обществъ съ великой побѣдой.

Диверсія Слѣпцова въ большую Чечню, предпринятая для отвлеченія непріятеля отъ Мичика и доставленія возможности чеченскому отряду довести до конца начатую имъ просѣку, вдругъ совершенно неожиданно заняла мѣсто въ ряду громкихъ, самостоятельныхъ, законченныхъ дѣлъ; она затмила собою цѣль, для которой была задумана, и самую экспедицію, для которой должна была служить только подспорьемъ. По первому поверхностному извѣстію о шалинскомъ дѣлѣ, главнокомандующій вошелъ съ представленіемъ о производствѣ Слѣпцова въ генералъ-маіоры. Но когда онъ получилъ подробныя донесенія начальниковъ чеченскаго отряда и владикавказскаго военнаго округа и узналъ, что Слѣпцовъ съ тремя ротами взялъ приступомъ сильно укрѣпленный шалинскій окопъ, а затѣмъ смѣлымъ наступленіемъ въ глубь Чечни предупредилъ весьма серьезный уронъ, который войска должны были понести при отступленіи; когда онъ узналъ, что при штурмѣ завала и при кавалерійской атакѣ этотъ неустрашимый штабъ-офицеръ былъ все время впереди—онъ взглянулъ на дѣло нѣсколько иначе и обратился къ ходатайству военнаго министра о награжденіи Слѣпцова орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Черезъ мѣсяцъ Слѣпцовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а крестъ судьба готовила ему другой—только не георгіевскій.

IV.

Прекрасная полоса земли между большою Русскою дорогою и правымъ берегомъ Сунжи продолжала заселяться чеченцами, несмотря на энергическое противодѣйствіе съ

нашей стороны. Даже послѣ опустошительнаго набѣга нашего отряда въ февралѣ мѣсяцѣ, въ окрестностяхъ нижняго теченія Гехи стали появляться новые хутора. Для нихъ выбирались такія трущобы, куда не вела даже ни одна дорога. Благодаря мощной растительности того благословеннаго края, глубокія колеи арбъ очень скоро заростали высокою и густою травою, и послѣдніе признаки передвиженія безслѣдно исчезали. Войска наши могли проходить мимо этихъ трущобъ, останавливаться подлѣ нихъ и не подозрѣвать присутствія въ нихъ хуторовъ. Этому заселенію не предвидѣлось конца. Набѣги только пріостанавливали его, а когда страхъ проходилъ—оно возобновлялось. Но громкое дѣло на шалинской просѣкѣ, увеличившее престижъ Слѣпцова въ горахъ, повергло въ уныніе ближайшихъ сосѣдей верхней Сунжи, жителей названной полосы. Они поняли, что для этого молодаго русскаго джигита нѣтъ ничего невозможнаго—что рано или поздно онъ провѣдаетъ объ ихъ хуторахъ и, соскучившись бездѣйствіемъ, въ одно злополучное утро обрушится на нихъ съ своими шайтанами—сунженскими казаками, и разнесетъ все до послѣдней сакли, и тогда уже съ ними будетъ поступлено не какъ съ добровольно переселившимися, а какъ съ военноплѣнными, которымъ отведутъ мѣста въ холодной Сибири. Чтобы предупредить это неминуемое бѣдствіе, они стали искать нашего покровительства черезъ своихъ старшинъ у самого же джигита.

Еще до начала переговоровъ, генералъ-маіору Слѣпцову доставлены были вѣрныя свѣдѣнія, что на этотъ разъ онъ будетъ имѣть дѣло съ послѣдними обитателями праваго берега Сунжи; что послѣ ихъ выселенія на всемъ томъ протяженіи не останется ни одной живой души, и вся эта обѣтованная земля къ пріѣзду Цесаревича сдѣлается вполнѣ русскою стороною. Онъ очень былъ доволенъ принесеннымъ ему старшинами извѣстіемъ, но для того, чтобы прикрывать переселенцевъ нашими войсками, долженъ былъ испросить

разрѣшеніе, и потому немедленно вошелъ съ представленіемъ къ начальнику владикавказскаго военнаго округа. Генералъ-маіоръ Ильинскій лично доложилъ рапортъ Слѣпцова главнокомандующему, и разрѣшеніе было дано очень скоро, такъ что уже въ ночь на тридцатое сентября Слѣпцовымъ собранъ былъ отрядъ на рѣкѣ Фортангѣ, близь Ачхоевскаго укрѣпленія. На разсвѣтѣ войска выступили къ Валерику, переправились черезъ него безъ выстрѣла и расположились лагеремъ по обѣ стороны р. Гехи, неподалеку отъ извѣстнаго, очень красиваго гехинскаго кладбища. Партій въ это время не было въ сборѣ, но жители могли спуститься на плоскость и помѣшать переселенію. Чтобы показать имъ, что онъ здѣсь, Слѣпцовъ не прямо углубился въ трущобы, а простоялъ весь день 30-го сентября на Гехѣ, на видномъ мѣстѣ. Эту пассивную демонстрацію онъ признавалъ необходимою, такъ какъ мѣстность, изъ которой выселялись вновь замирившіеся, была, по заявленію старшинъ, слишкомъ затруднительна и малодоступна. Утромъ 1-го октября Слѣпцовъ придвинулъ отрядъ ближе къ выселявшимся ауламъ. Тутъ только онъ увидѣлъ, что старшины не преувеличили; напротивъ, они были воздержны въ описаніи мѣстности: по ихъ понятіямъ она была малодоступною, онъ же нашелъ ее совсѣмъ недоступною. Мало того: десяти человѣкъ, засѣвшихъ въ этой трущобѣ, было совершенно достаточно, чтобы перебить половину переселенцевъ, прежде нежели они выберутся изъ нея. Слѣпцовъ остановился съ отрядомъ на обширной полянѣ, около бывшаго аула Чикерзау, въ шести верстахъ отъ Закань-Юрта, на открытомъ сообщеніи съ этимъ укрѣпленіемъ. Сюда же вела дорога со стороны Аргуна и отъ мирныхъ ауловъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Сунжи. Позиція была выбрана очень удачно. Съ нея Слѣпцовъ могъ далеко перенять непріятеля, еслибы онъ направлялся къ трущобѣ, и не допустить его завязать перестрѣлку съ переселенцами. Но кругомъ была тишина. Па-

ника послѣ погрома въ большой Чечнѣ распространилась и на малую и не успѣла еще разсѣяться. А у наибовъ Магометъ-Мирзы Анзорова и Атабая даже опустились руки: они не трогались съ мѣста, несмотря на то, что получили предписаніе о сборѣ партій. Они могли только съ стѣсненнымъ сердцемъ провожать глазами послѣднихъ защитниковъ праваго берега Сунжи, уходившихъ въ наши предѣлы, и видѣть, какъ лучшая часть ихъ наибствъ безвозвратно поступала во владѣніе русскихъ.

Весь день перваго октября команда съ топорами, подъ наблюденіемъ инженеръ-поручика Подымова*), занималась расчисткой дороги, насколько это было возможно, для проѣзда арбъ. 2-го октября было вывезено все необходимое имущество—и послѣдніе аулы чеченской плоскости: Галгой, Эйткалой, Начхуой и Терлой, разселившіеся хуторами по лѣснымъ трущобамъ, совершенно опустѣли. Болѣе ста пятидесяти семействъ переправились вслѣдъ за имуществомъ на лѣвый берегъ Сунжи и увеличили собою населеніе двухъ новыхъ ауловъ—Тепли-Кичу и Зақанъ-Юртъ, общества которыхъ могли теперь выставить въ поле для защиты своихъ очаговъ болѣе четырехсотъ человѣкъ хорошо вооруженныхъ. Вся милиція, не исключая назрановской, прибывшая издалека, дѣятельно помогала жителямъ выселявшихся хуторовъ укладываться и пробираться черезъ глубокія выбоины, пни и валежникъ лѣсной чащи. Чеченцы раньше замирившіеся, со своими старшинами во главѣ, также оказали имъ содѣйствіе всѣми имѣвшимися у нихъ перевозочными средствами.

Когда послѣдніе переселенцы стали подниматься на лѣвый берегъ Сунжи, колоннѣ отдано приказаніе отступать. За нѣсколько минутъ до начала отступленія, начальникъ отряда замѣтилъ въ одномъ изъ перелѣсковъ, мимо которыхъ должны были проходить войска, конную партію, приблизительно въ двѣсти человѣкъ. Она держалась отъ отряда на

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ кавказскаго военнаго округа.

почтительномъ разстояніи и никакихъ враждебныхъ намѣреній не высказывала, но когда навстрѣчу ей выслана была карабулахская милиція, она вступила съ ней въ довольно бойкую перестрѣлку. На помощь карабулахской, по приказанію Слѣпцова, поскакала осетинская милиція. Какъ только обѣ онѣ соединились, тотчасъ же бросились къ перелѣску. Выстрѣлы смолкли—и чеченцы скрылись. Въ этой короткой схваткѣ съ нашей стороны контуженъ хорунжій Гобинаевъ и раненъ одинъ всадникъ. Конная партія не отказалась отъ преслѣдованія: она только перешла на другую позицію, къ опушкѣ лѣса со стороны Черныхъ горъ, противъ лѣваго края большой Русской дороги. Тамъ ожидала нашу колонну въ засадѣ другая пѣшая партія чеченцевъ, человѣкъ около ста. Двѣ роты Тенгинскаго полка и двѣ № 7 баталіона выслали отъ себя цѣпи влѣво отъ дороги. Сильнымъ ружейнымъ огнемъ, а также дѣйствіемъ вызванныхъ въ цѣпь двухъ орудій и нѣсколькихъ ракетныхъ станковъ, непріятель принужденъ былъ податься въ глубь лѣса и оттуда продолжалъ отстрѣливаться около часа. Вправо отъ дороги было тихо: тамъ съ этого дня была мирная сторона. Въ этой новой стычкѣ съ непріятелемъ съ нашей стороны контужено семь нижнихъ чиновъ. Такъ окончилось завоеваніе праваго берега Сунжи, свидѣтеля многихъ подвиговъ мужества и геройскаго самоотверженія какъ съ той, такъ и съ другой стороны, а также многихъ темныхъ эпизодовъ, слѣдствія о которыхъ, за неотрытіемъ виновныхъ, преданы волѣ Божіей и погребены въ архивахъ.

Нѣкоторыя изъ военно-административныхъ мѣръ, введенныхъ Слѣпцовымъ во вновь покоренныхъ обществахъ для поддержанія въ нихъ порядка и тишины, силою обстоятельствъ, находившихся въ зависимости отъ несоразмѣрности нашихъ боевыхъ средствъ съ обширностью края, на который мы наступали—мѣры, хорошо обдуманныя и приведенныя въ исполненіе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого начальника верхне-сунженской линіи—не могли неуклонно

преслѣдовать цѣли, для которой были созданы. Такъ, призванная на службу въ февралѣ мѣсяцѣ карабулахско-галашевская милиція, двѣ трети которой должны были прикрывать пути, ведущіе въ карабулахское общество со стороны бумутскаго ущелья, и одна треть содержать караулъ въ нижнемъ Датыхѣ для охраны галашевскаго общества, по недостатку войскъ на верхне-сунженской линіи постоянно была отвлекаема отъ своего прямаго назначенія набѣгами, диверсіями, рекогносцировками и другими передвиженіями летучаго отряда, въ томъ числѣ сборами войскъ для встрѣчи и конвоированія Цесаревича. Это не могло не отразиться на отношеніяхъ къ намъ еще такъ недавно замиришагося края, населеніе котораго не вездѣ одинаково искренно вступило на новый путь. Оставленный безъ надзора Датыхъ, превратившійся изъ нижняго въ верхній, сильно укрѣпленный и природой и терпѣливою рукою человѣка, этотъ старый очагъ крамолы и смутъ, ближе гораздо нижняго расположенный къ верховьямъ Фортанги съ юга, куда еще не успѣло проникнуть наше вліяніе и къ границамъ отбрыто враждебной намъ малой Чечни съ востока, снова сдѣлался притономъ самыхъ неблагонадежныхъ людей. Генералъ Слѣпцовъ не могъ не знать, что дѣлается въ юго-восточномъ углу его района: онъ глазъ не спускалъ съ Датыха, откуда выходили всѣ смуты, распространявшіяся потомъ по окрестнымъ ауламъ. Но часъ Датыха еще не пробилъ, и у Слѣпцова были въ это время другія заботы: на Сунжѣ предполагалось заложеніе двухъ новыхъ станицъ—одной на мѣстѣ раззореннаго аула верхніе Самашки, къ западу отъ Заканъ-Юрта, другой—къ востоку отъ него, около Алханъ-Юрта, противъ кургана трехъ братьевъ (Учь-Тюбе). Для этого требовались прежде всего подготовительныя работы: очистить мѣста, затѣмъ, черезъ Сунжу, ниже впаденія въ нее Ассы и Фортанги, около Заканъ-Юрта, построить прочный постоянный мостъ, который долженъ быть оконченъ до наступленія весеннихъ раз-

ливовъ, и матеріалы для котораго еще не были заготовлены; для быстрыхъ сообщеній съ чеченской передовой линіей нужно было проложить свободные пути, вырубить новыя просѣки, уничтожить заросли на старыхъ, расширить дороги, обнажить отъ лѣсовъ поля гехинскія и мартанскія и, насколько возможно, расчистить, если не совершенно истребить, лѣсныя трущобы праваго берега Сунжи. Войска же верхне-сунженской линіи убавились до чрезвычайности вслѣдствіе зимней экспедиціи въ большой Чечнѣ и, сверхъ того, разбиты были на три части, изъ которыхъ двѣ стояли лагеремъ на рр. Алгусъ-Али и Аршты. Районъ работъ, между тѣмъ, былъ обширенъ, и самыя работы были сложныя и требовавшія много времени и много рукъ.

Датыхъ и другіе аулы верховьевъ Фортанги, а также аулы нагорной малой Чечни, не могли, съ своей стороны, не знать, что дѣлается у насъ на линіи. Они также не спускали глазъ съ летучаго отряда и, соображая его средства, поняли, что на нихъ не скоро обратятъ вниманіе. Своеволіе ихъ росло вмѣстѣ съ безнаказанностью: хищническіе поиски свои въ нашихъ предѣлахъ они простирали до Владикавказа. Отправляясь на эти поиски, партіи ихъ должны были проходить черезъ аулы вновьпокоренныхъ обществъ, и никто ихъ не останавливалъ, никто не выдавалъ: ихъ стали бояться; вліяніе ихъ на умы обществъ было неоспоримо, и оно начинало уже принимать тревожные размѣры, чему не мало способствовали весьма значительные сборы въ большой Чечнѣ и присутствіе тамъ Хаджи-Мурата. Аулъ Датыхъ перешелъ, наконецъ, границы осторожности и переполнилъ мѣру терпѣнія Слѣпцова—и онъ рѣшился наказать его. Но для того, чтобы жители его не могли уклониться отъ справедливаго возмездія и бѣжать въ лѣса нагорной Чечни, начальникъ верхне-сунженской линіи долженъ былъ держать свое намѣреніе въ величайшей тайнѣ, тѣмъ болѣе, что мѣстность, на которой отрядъ долженъ былъ дѣйствовать, была слишкомъ неблаго-

пріятна для скрытныхъ движеній войскъ. По дорогамъ мимо ауловъ также нельзя было проходить, чтобы движеніе не было очень скоро открыто, а безъ дорогъ переходы были чрезвычайно затруднительны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень опасны, особенно зимой. «Но я могъ рѣшиться на все», пишетъ генералъ Слѣпцовъ въ своемъ донесеніи, «имѣя подъ рукой свою превосходную кавалерію, для которой еще не было до сихъ поръ непреодолимыхъ преградъ».

Работы были навремя оставлены. Войска, которыми могъ располагать начальникъ летучаго отряда, раздѣлены были на двѣ колонны и сосредоточены 5-го января 1851 г. на двухъ пунктахъ: первая колонна изъ семи ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, полусотни милиціи и ракетной команды — въ стан. Ассинской, подъ личнымъ начальствомъ Слѣпцова; вторая, изъ трехъ взводовъ пѣхоты, шести съ половиной сотенъ кавалеріи и ракетной команды, при одномъ горномъ орудіи—на р. Алгусъ-Али, подъ командой подполковника Мезенцова. Слѣпцовъ намѣренъ былъ, направившись съ своей колонной черезъ хребетъ Булюнъ-Барзъ, къ бывшему аулу Изику и далѣе, внезапно появиться передъ Гондалъ-Басомъ; подполковникъ же Мезенцовъ долженъ былъ слѣдовать по датыхской дорогѣ, избѣгая мирные аулы затруднительными обходами, прямо на верхній Датыхъ, и врасплохъ напасть на этотъ аулъ. Колонна Слѣпцова выступила въ восемь, колонна Мезенцова—въ десять часовъ вечера; при обѣихъ колоннахъ были опытные проводники.

Какъ только разсвѣло, Слѣпцовъ обозрѣлъ впереди лежавшее пространство: высота, на которой онъ стоялъ, оканчивалась спускомъ въ очень глубокую лощину; надъ противуположнымъ скатомъ лѣпились сакли Гондалъ-Баса. При одномъ взглядѣ на эту лощину Слѣпцовъ понялъ, что отряду придется вернуться назадъ. Проводники переглянулись; на ихъ лицахъ изобразилось удивленіе. Крутой спускъ въ лощину и не менѣе крутой подъемъ изъ нея къ аулу до того

были испорчены и укрѣплены сплошными завалами, что работы цѣлаго дня всѣмъ отрядомъ едва достаточно было для проложенія дороги въ одного человѣка; слѣдовательно, о занятіи аула безъ значительнаго урона нечего было и думать. Жители, какъ видно, не щадили ни трудовъ, ни времени, чтобы сдѣлать нечаянное нападеніе на ихъ аулъ физически невозможнымъ, и они вполнѣ достигли своей цѣли. Какъ ни прискорбно было Слѣпцову, но онъ долженъ былъ отступить, потому что, всеравно, жители или разбѣгутся по неприступнымъ дебрямъ Фортанги еще до приближенія отряда, или же мѣткимъ огнемъ изъ засадъ будутъ препятствовать разработкѣ спусковъ, и когда она будетъ окончена—чего нельзя было ожидать ранѣе утра слѣдующаго дня—опять-таки успѣютъ скрыться прежде, нежели отрядъ переправится черезъ лощину. Послѣднее было вѣроятнѣе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ наказаны будутъ не они, а войска, пришедшія наказать ихъ. Если вѣроломный Датыхъ будетъ взятъ колонной Мезенцова—въ чемъ Слѣпцовъ не сомнѣвался, то Гондалъ-Басъ и хутора, сидѣвшіе у верховьевъ Фортанги, лишившись въ немъ опоры и коновода, должны будутъ притихнуть. Эта мысль утѣшала Слѣпцова и отчасти примиряла съ необходимостью отказаться отъ цѣли своего баснословно-труднаго ночнаго перехода. Съ появленіемъ зари, при совершенно прозрачной холодной атмосферѣ, отчетливо было видно, какъ надъ саклями Гондалъ-Баса одинъ за другимъ взвивались темные столбы дыма, окрашенные первыми лучами зимняго утра; слѣдовательно, жители были уже на ногахъ и должны были открыть присутствіе русскаго отряда. Но между тѣмъ не было нигдѣ замѣтно ни малѣйшей суеты, точно они были увѣрены въ своей безопасности. Это обстоятельство еще болѣе увеличило мрачное настроеніе Слѣпцова. Но физически-невозможнаго никто не поставилъ бы въ укоръ даже Слѣпцову, и оправданій, приведенныхъ имъ въ донесеніи, слишкомъ достаточно, чтобы снять съ его

неудачи послѣднюю тѣнь недовѣрія. Въ девять съ половиною часовъ утра отрядъ двинулся обратно. Слѣпцовъ послалъ на Датыхъ подполковнику Мезенцову приказаніе — исполнить свое дѣло и возвратиться на Алгусъ-Али, а самъ, съ войсками, тѣми же трудными дорогами, въ пять часовъ вечера прибылъ въ эрштынскій лагерь и остановился на ночлегъ.

Колонна Мезенцова, выступившая въ десять часовъ вечера изъ лагеря на Алгусъ-Али, переправилась черезъ Ассу, вода которой не замерзала, благодаря чрезвычайно быстрому теченію, частью въ бродъ, частью по бревнамъ, переброшеннымъ съ одного берега на другой, и составлявшимъ мостъ бывшаго аула Марки, и затѣмъ поднялась на высокій хребетъ Амгите, тянувшійся почти вертикальной стѣной по всему правому берегу Ассы, такъ что пришлось цѣпляться за кусты и деревья, чтобы не сорваться въ обрывъ. То спускаясь въ невидимую глубину, то взбираясь по страшнымъ крутизнамъ на узкіе гребни покрытыхъ лѣсомъ горныхъ кряжей, то прокладывая себѣ дорогу черезъ лѣсъ въ обходъ населенныхъ пунктовъ, колонна за часъ до разсвѣта прибыла къ старымъ датыхскимъ хуторамъ, разореннымъ Слѣпцовымъ за годъ передъ тѣмъ. Здѣсь войска были задержаны переправой черезъ рѣку Мужехъ, продолжавшейся болѣе часа и окончившейся съ разсвѣтомъ. Было 6-е января, праздникъ Богоявленія, солдаты говорили, что это ихъ Іорданъ. Едва нѣкоторыя части отряда: ракетная команда, четыре сотни сунженскихъ казаковъ и осетинская милиція поднялись на нагорный берегъ рѣки, какъ начальникъ колонны, пользуясь тѣмъ, что движеніе его до настоящей минуты еще никѣмъ не было открыто, и не желая дать жителямъ аула время опомниться и разбѣжаться или приготовиться къ оборонѣ, понесся въ карьеръ, насколько позволяла мѣстность, вверхъ по теченію Фортанги къ новому Датыху, свившему себѣ гнѣздо въ трехъ верстахъ отъ стараго. Проскакавъ необыкновенно быстро это разстояніе, ка-

валерія поднялась на послѣднюю высоту, съ которой открывался новый или верхній Датыхъ—послѣднее убѣжище непокорныхъ въ той сторонѣ горцевъ; за нимъ начиналась дикая, безлюдная мѣстность. Аулъ растянулся на полторы версты по обрывистому берегу рѣки и былъ укрѣпленъ пятью башнями. Какъ только отставшія части колонны поднялись на высоты, Мезенцовъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ нападенію: есаулу Предимирову, о которомъ онъ отзывается какъ о лучшемъ своемъ помощникѣ, приказано было съ тремя сотнями сунженскихъ казаковъ и частью ракетной команды броситься къ лѣвой сторонѣ аула; адъютанту главнокомандующаго ротмистру Понсету—атаковать съ остальною кавалеріею правую его сторону, а пѣхотѣ двигаться въ резервѣ, за серединою. Передъ началомъ атаки войска прикрывались большими камнями, тянувшимися ожерельемъ погребню горы, и жители ничего не подозрѣвали о надвинувшейся на нихъ грозѣ. Неожиданное и одновременное появленіе русской кавалеріи на обѣихъ флангахъ аула до того изумило и смутило ихъ, что нѣкоторые изъ нихъ бросились въ оврагъ Фортанги; большая же часть, послѣ непродолжительной, но жаркой перестрѣлки, положила оружіе. Только общая и безусловная покорность, въ залогъ которой были выданы аманаты, спасла имъ жизнь и свободу; аулъ и все имущество ихъ были также пощажены.

Паденіе Датыха положило конецъ своеволію и безумнымъ надеждамъ остальныхъ хуторовъ и ауловъ, расположенныхъ по Фортангѣ, не исключая и Гондалъ-Баса, потратившаго не мало труда и энергіи на устройство своей обороны. Отъ него, отъ Мереджи и другихъ неблагонадежныхъ ауловъ, пограничныхъ съ нагорной Чечней, также взяты были аманаты. Колонна Мезенцова къ вечеру того дня вернулась на Алгусъ-Али. 9-го января, послѣ четырехдневнаго перерыва, работы на просѣкахъ по правому берегу Сунжи возобновились; за то, долго не возобновлялись тревоги на линіи.

V.

Быстро подвигались впередъ работы по вырубкѣ и расчисткѣ просѣкъ и по обнаженію праваго берега Сунжи отъ лѣсныхъ трущобъ—несмотря на то, что, за выдѣленіемъ изъ летучаго отряда трехъ ротъ пѣхоты для занятія обсервацiонныхъ позицій на рр. Алгусъ-Али и Аршты, въ немъ оставалось всего четыре роты. Изъ нихъ одна высылалась въ цѣпь, одна должна была служить резервомъ, прикрывая въ то же время орудіе, и только двѣ уходили съ топорами въ лѣсъ.

Къ 26 му января 1851-го года работы въ окрестностяхъ Заканъ-Юрта и Ачхоя и по берегамъ рѣкъ Нетхоя, Шалажи и Валерика были совершенно окончены. Летучій отрядъ, послѣ предварительнаго осмотра расчищенныхъ пространствъ, передвинулся къ Алханъ-Юрту, гдѣ предполагалось заложеніе одной изъ двухъ новыхъ станицъ. 27-го приступлено было къ расчисткѣ лѣса нѣсколько ниже Алханъ-Юрта, по лѣвую сторону Сунжи. Отдано было приказаніе—не трогать строеваго лѣса, какъ о томъ просили начальника верхнесунженской линіи приходившіе съ Терека казаки, которые изъявили желаніе поселиться въ новыхъ станицахъ. Предстояло также открыть сообщеніе просѣкою между Алханъ-Юртомъ и урусъ-мартанскими полянами, для чего нужно было переправить часть пѣхоты на казачьихъ лошадяхъ на правый берегъ Сунжи, но спуски къ рѣкѣ до того были круты, что разработка ихъ заняла очень много времени. На новой просѣкѣ также строевой лѣсъ долженъ былъ оставаться на корнѣ, чѣмъ значительно сокращалась работа, которая могла быть окончена въ два дня, и затѣмъ предполагалось распустить отрядъ на линію. Вся кавалерія летучаго отряда переправилась велѣдъ за пѣхотою на правый берегъ Сунжи, гдѣ ей велѣно было, по занятіи позиціи на одной изъ ближайшихъ полянъ, прикрывать работы и отнюдь далеко не

расходиться. Это странное распоряженіе, т. е. одновременное производство работъ на обоихъ берегахъ Сунжи и мѣры предосторожности, которыхъ не принимали даже въ болѣе опасныхъ мѣстахъ на Валерикѣ и Шалажи, нѣсколько удивили отрядъ; но дѣло очень скоро объяснилось: Слѣпцовъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о присутствіи въ малой Чечнѣ значительныхъ непріятельскихъ сборищъ. Передъ вечеромъ свѣдѣнія эти подтвердились прибывшими въ Алханъ-Юртъ лазутчиками, которые между прочимъ сообщали, что Хаджи-Муратъ вступилъ въ малую Чечню съ отборной кавалеріей, взятой имъ изъ скопищъ, дѣйствовавшихъ противъ нашихъ войскъ въ большой Чечнѣ. Гдѣ именно расположился Хаджи-Муратъ съ своей партіей, лазутчики не могли сказать.

Давно желалъ Слѣпцовъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ знаменитымъ аварскимъ наибомъ. Желаніе это раздѣляла съ нимъ и вся его удалая дружина, и потому, какъ только вѣсть о появленіи въ малой Чечнѣ непріятельской кавалеріи дошла до летучаго отряда, все пришло въ волненіе, всѣ нетерпѣливо стали ожидать боя. Избалованныя побѣдами, кавказскія войска, годъ отъ году, становились разборчивѣе; экспедиціи имѣли въ ихъ глазахъ особенную привлекательность, когда противъ отряда дѣйствовали: Хаджи-Муратъ, Кибитъ-Магома, Идрисъ, Шуаибъ-мулла, Талгикъ. Слѣпцовъ боялся, что Хаджи-Муратъ будетъ уклоняться отъ встрѣчи съ нимъ, какъ уклонялся отъ нея почти такой же отважный предводитель—наибъ большой Чечни Талгикъ. Онъ готовъ былъ, не дожидаясь чтобы Хаджи-Муратъ чѣмъ нибудь обнаружилъ свое присутствіе въ малой Чечнѣ, атаковать и разбить его и тѣмъ нанести рѣшительный ударъ его вліянію въ краѣ, но онъ не зналъ, гдѣ найти его. Сосредоточенныя имъ на двухъ пунктахъ войска: въ Алханъ-Юртѣ и въ станицѣ Ассинской направлены были одновременно, 28-го января, къ рѣкѣ Гехи. Около Шалажи обѣ колонны сошлись, перепра-

вились черезъ Валерикъ и въ недалекомъ разстояніи отъ Гехи стали на позицію. Благодаря наступившей оттепели, свѣжіе слѣды по дорогамъ указывали на присутствіе большой массы кавалеріи, но непріятеля нигдѣ не было видно. Чтобы имѣть хотя приблизительныя свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія партій и постараться вызвать и завлечь ихъ, къ сторонѣ Рошни черезъ Гехи разосланы были по разнымъ направленіямъ мелкіе разъѣзды изъ милиціи. Но эти поиски ни къ чему не привели: разъѣзды возвращались въ лагерь, ничего не открывъ; даже слѣдовъ, которыхъ такъ много попадалось по всѣмъ дорогамъ къ западу отъ Гехи, совсѣмъ не было видно къ востоку отъ этой рѣки. Это было, конечно, нѣкоторымъ, хотя далеко не точнымъ, указаніемъ, что Хаджи-Муратъ могъ стоять съ своей кавалеріей или на лѣвомъ берегу Гехи, или на рѣкѣ Валерикѣ, или же на Шалажи. Если-бы онъ появился на Фортангѣ, то галашевскіе старшины, конечно, немедленно дали бы ему знать; слѣдовательно, онъ не имѣлъ намѣренія привести въ исполненіе свою старую угрозу—возмутить вновь покорившіяся общества. Объ истинной же цѣли его пока никто не зналъ—вѣроятно, даже и приближенные его мюриды. Для Слѣпцова было ясно только одно: что аварскій наибъ избѣгаетъ его, но онъ всетаки не терялъ надежды встрѣтиться съ нимъ и потому оставался на позиціи у Гехи до пяти часовъ пополудни. Послѣ этого онъ распустилъ отрядъ, но не по станицамъ: войска, прибывшія изъ Алханъ-Юрта, онъ возвратилъ къ прерваннымъ занятіямъ; одну роту пѣхоты направилъ въ Заканъ-Юртъ для усиленія гарнизона этого укрѣпленія и для облегченія работъ по устройству моста; двѣ сотни сунженскихъ и одну донскихъ казаковъ, осетинскую милицію и часть пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Мезенцова, поставилъ на Фортангѣ, чтобы слѣдить за бумутскимъ ущельемъ, а остальную кавалерію, подъ командою войскового старшины Предимирова, двинулъ въ лагерь на Алгусъ-Али. Рас-

положенныя такимъ образомъ войска имѣли возможность быстро сосредоточиваться къ угрожаемымъ пунктамъ и встрѣчать непріятеля соединенными силами, съ какой бы стороны онъ ни показался; даже еслибы онъ спустился на плоскость малой Чечни, то его могли замѣтить изъ Алханъ-Юрта. Начальникъ чеченскаго отряда генералъ-маіоръ Козловскій, къ которому, передъ выступленіемъ летучаго отряда на рѣку Гехи, отправленъ былъ нарочный съ извѣстіемъ о появленіи непріятельскихъ партій въ малой Чечнѣ, направилъ 29-го января въ тылъ Хаджи-Мурату часть своей кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Круковскаго *), который письмомъ увѣдомилъ Слѣпцова о своемъ выступленіи. Такимъ образомъ, еслибы Хаджи-Муратъ былъ разбитъ, онъ бы могъ утѣшать себя тѣмъ, что противъ него дѣйствовали два самыхъ доблестныхъ генерала кавказской арміи. Придавая особенную важность совокупному дѣйствію обоихъ отрядовъ, Слѣпцовъ притянулъ въ ночь съ 29-го на 30-е января роты Навагинскаго полка изъ Закань-Юрта и сосредоточилъ около Ачхоя пять съ половиной ротъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, саперную команду, четыре сотни кавалеріи съ ихъ ракетной командой и осетинскую милицію. Остальная кавалерія, подъ начальствомъ Предимирова, сохраняла свою первоначальную позицію на р. Алгусъ-Али, гдѣ должна была служить резервомъ, и откуда легко и быстро могла поспѣвать, куда бы ее ни потребовали. Съ своей новой позиціи на Фортангѣ Слѣпцовъ имѣлъ возможность атаковать Хаджи-Мурата съ фронта, въ то время какъ кавалерія, высланная Козловскимъ, дѣйствовала бы съ тыла.

Едва успѣли войска летучаго отряда стянуться къ Ачхою, какъ получено было извѣстіе, что Хаджи-Муратъ, опасаясь оставаться долго въ малой Чечнѣ, ушелъ за Аргунъ, вслѣдствіе чего и генералъ-маіоръ Круковскій, съ кавалеріей вернулся на шалинскую поляну къ отряду ген. Козловскаго.

*) Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.

Между тѣмъ, только къ 30-му января лазутчикамъ удалось провѣдать о настоящей цѣли пребыванія Хаджи-Мурата въ малой Чечнѣ. Большая часть его кавалеріи расположена была въ аулахъ у верховьевъ р. Шалажи; самъ онъ, съ остальной кавалеріей, стоялъ въ верхне-гехинскихъ хуторахъ. Отсюда онъ намѣревался горными тропами вторгнуться во вновь покоренныя общества карабулахское и галашевское и произвести тамъ поголовное возстаніе. Едва мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ старшины нагорной малой Чечни, напуганные смѣлыми фуражировками Слѣпцова въ ихъ ущельяхъ, приходили къ нему въ лагерь и просили пощадить ихъ аулы, заявляя о готовности жителей присягнуть на вѣрность русскому правительству и выдать аманатовъ, —теперь эти самые аулы принимали у себя Хаджи-Мурата, размѣщали по своимъ хуторамъ и продовольствовали его кавалерію. Это были большіе, многолюдные, аулы, центръ народонаселенія нагорной Чечни; они тянулись вдоль верховьевъ рѣкъ Шалажи, Валерика и Гехи, расположены были на близкомъ одинъ отъ другаго разстоянія, по терасамъ Черныхъ горъ или въ дикихъ, неприступныхъ ихъ ущельяхъ, настоящихъ дебряхъ, и окружены вѣковыми лѣсами. Не довольствуясь тѣмъ, что было сдѣлано для защиты ихъ самой природой, они на всѣхъ доступахъ къ своимъ ауламъ со стороны большой Русской дороги воздвигли капитальныя искусственныя преграды. Слѣпцовъ былъ возмущенъ ихъ вѣроломствомъ и лицемѣріемъ и считалъ нужнымъ дать имъ урокъ, тѣмъ болѣе, что они давно навлекали на себя вполнѣ заслуженную кару за поддержаніе смутъ въ двухъ только-что замирившихся обществахъ и за доставленіе у себя пристанища абрекамъ изъ Датыха, Гондалъ-Баса и другихъ ауловъ верховьевъ Фортанги. Нельзя было также на этотъ разъ не воспользоваться Слѣпцову бывшимъ уже въ сборѣ отрядомъ и тѣмъ одушевленіемъ его, при которомъ, повидимому, являлась полная надежда покончить съ безпокойнымъ

населеніемъ и старые, и новые счеты. Встрѣтилось лишь одно неудобство—что въ средѣ войскъ пѣхота была набрана изъ разныхъ частей и, конечно, не могла имѣть того единства, которое считается однимъ изъ важныхъ тактическихъ условій успѣха въ бою. Кромѣ того, роты, въ 120 штыковъ среднимъ числомъ каждая, пополнены были недавно прибывшими рекрутами, и офицеры, командовавшіе ими, большею частью были неопытны, «новички», какъ ихъ называетъ Слѣпцовъ. Но и этотъ пробѣлъ, съ которымъ поневолѣ приходилось мириться, не надолго смутилъ начальника отряда, а тѣмъ болѣе не могъ быть поводомъ къ тому, чтобы онъ отказался отъ своего твердаго рѣшенія. Пунктомъ для нападенія Слѣпцовъ избралъ ущелье, образуемое рѣками Шалажи и Валерикомъ, и аулы, продовольствовавшіе кавалерію Хаджи-Мурата. До верхне-гехинскихъ хуторовъ, дававшихъ пріютъ самому наибу, очередь должна была дойти впослѣдствіи.

Въ ночь съ 30-го на 31-е января, Слѣпцовъ выступилъ съ отрядомъ изъ Ачхоя и, черезъ Нетхой, по новой просѣкѣ, направился къ Шалажи. За Шалажи отрядъ повернулъ къ Чернымъ горамъ и продолжалъ двигаться вверхъ по теченію рѣки къ ущелью. За два часа до разсвѣта войска подошли къ густому лѣсу, который тянулся по ущелью на цѣлую версту. До сихъ поръ движеніе никѣмъ не было открыто. Нетолько на плоскости противъ большой Русской дороги, даже у входа въ лѣсъ не было пикетовъ. Это видимо доказывало увѣренность жителей, что о пребываніи у нихъ непріятельской кавалеріи русскимъ ничего неизвѣстно, и что заявленіе ихъ о желаніи принести покорность продолжаетъ сохранять свою силу. На половинѣ разстоянія между опушкой пройденнаго лѣса и нижней терасой, на которой стоялъ первый аулъ, отъ праваго берега Шалажи до лѣваго Валерика, возвышался поперегъ дороги огромный завалъ, сложенный изъ массивныхъ широкоствольныхъ деревьевъ, связан-

ныхъ хворостомъ и убитыхъ землей, которая отъ морозовъ затвердѣла, а по ту сторону и во всю длину его вырытъ былъ ровъ въ сажень ширины. Уничтоженіе этой грандіозной преграды было предоставлено усердію поручика Подымова, который, послѣ трудной двухчасовой работы требовавшей, между прочимъ, быстроты и тишины, добился-таки, наконецъ, того, что часть завала рухнула.

Стало разсвѣтать. Раздались три сигнальныхъ выстрѣла—и отрядъ былъ открытъ. Слѣпцовъ приказалъ пяти ротамъ, подъ начальствомъ маіора князя Лукомскаго, направиться черезъ проломъ образованный Подымовымъ, и идти на штурмъ перваго аула; шестая же рота оставлена была прикрывать орудія при отступленіи. Быстро и дружно, не смотря на усталость, двинулась пѣхота впередъ и, выдержавъ легкую перестрѣлку, безъ потери заняла аулъ, жители котораго успѣли скрыть свои семейства, имущество и скотъ, такъ какъ штурмовой колоннѣ нужно было пройти цѣлую версту отъ завала до ближайшей терасы. Между тѣмъ, остальныя войска поспѣшно забрасывали ровъ сѣномъ и матеріалами отъ разрушенной части завала, и когда дорога была готова, Слѣпцовъ съ кавалеріей поскакалъ впередъ къ занятому аулу. Высоты, на которыхъ расположены шалажинскіе хутора и аулы, изрѣзаны глубокими лощинами. Не въ далекомъ разстояніи отъ ущелья находились группы другихъ ауловъ, такихъ же большихъ и многолюдныхъ и такъ же близко стоявшихъ одинъ отъ другаго, и вся эта мѣстность верховьевъ Валерика, Шалажи и Гехи составляла оплотъ, такъ сказать, стратегическій узелъ народонаселенія нагорной малой Чечни. Продолжать наступленіе въ этотъ горный лабиринтъ—значило бы рисковать половиной летучаго отряда, тѣмъ болѣе, что грохотавшая по ущелью перестрѣлка, которую эхо раскатами разносило по окрестнымъ высотамъ, быстро подняла на ноги все населеніе сосѣднихъ обществъ, и оно густыми толпами спускалось съ верхнихъ

терасъ и сбѣгалось съ верховьевъ Гехи и Рошни. Слѣпцовъ, сообразивъ всѣ эти обстоятельства, призналъ, что необходимость и благоразуміе требуютъ отказаться отъ окончательной цѣли набѣга—и велѣлъ отступать.

Было восемь часовъ утра, когда онъ вернулся, съ кавалеріей, къ завалу, за которымъ все время находился резервъ, въ ожиданіи его распоряженій. Онъ велѣлъ артиллеріи слѣдовать въ арріергардѣ подъ прикрытіемъ той роты, которая была оставлена при ней; часть кавалеріи отодвинулъ за обнаженное пространство, спѣшилъ и расположилъ передъ лѣсомъ цѣпью вдоль его опушки, чтобы она могла принять отступавшую пѣхоту, а остальной кавалеріи приказалъ отойти съ коноводами къ полянѣ, находившейся въ лѣсу, которую ночью проводникъ обошелъ, опасаясь на ней непріятельскаго пикета. Чеченцы, занявъ крайнія сакли, открыли по отступавшимъ сильный ружейный огонь и, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось разстояніе между обѣими сторонами, перебѣгали къ обрывистымъ берегамъ рѣкъ и изъ-за нихъ продолжали провожать выстрѣлами. Какъ ни сильно была тѣснима пѣхота съ двухъ сторонъ, но она сохраняла порядокъ все время по открытому пространству до оврага, пересѣкающаго лѣсъ недалеко уже отъ выхода на поляну. Въ эту минуту непріятель, удостовѣрясь въ превосходствѣ своихъ силъ, намѣренъ былъ броситься въ рукопашный бой и уже обнажилъ шашки, но картечь двухъ орудій и бѣглый огонь бывшихъ въ цѣпи казаковъ пріостановили его намѣреніе. Когда пѣхота поровнялась съ артиллеріей, началось общее отступленіе, неторопливое, нерѣшительное, точно войска горѣли желаніемъ совсѣмъ прекратить его и перейти въ наступленіе. Чеченцы преслѣдовали ихъ на такомъ близкомъ разстояніи, что можно было разглядѣть ихъ лица. Перестрѣлка, начавшаяся стихать передъ тѣмъ какъ они холоднымъ оружіемъ собирались рѣшить участь боя, опять возобновилась.

Приближался критическій моментъ—переправа черезъ

глубокій, обрывистый оврагъ, по другую сторону котораго, наподобіе каймы, протянулась опушка лѣса, обращенная къ полянѣ. Чеченцы приготовились встрѣтить отрядъ и опять начали обнажать шашки. Съ нашей стороны были приняты всѣ мѣры, чтобы кризисъ миновалъ благополучно. Артиллерія, подъ прикрытіемъ одной тенгинской и двухъ линейныхъ ротъ, выдвинувшись на поляну, стала на позицію фронтомъ къ опушкѣ, на ближній картечный выстрѣлъ отъ нея: она готовилась вознаградить себя за долгое молчаніе при движеніи черезъ лѣсъ. Чеченцы гикнули и бросились въ шашки; арріергардъ дрогнулъ, былъ смятъ и обращенъ въ бѣгство. Когда арріергардъ бѣжалъ, Слѣпцовъ, будучи пѣшкомъ, въ пылу крайняго волненія и негодованія, которыя вырвали у него изъ горла струю желчи, сначала не замѣтилъ, что остался одинъ, съ своею дежурною командою изъ десяти казаковъ и съ тремя ординарцами, но когда увидѣлъ, что возлѣ него пало нѣсколько человѣкъ изъ его конвоя, онъ мгновенно овладѣлъ собою и крикнулъ: «сунженцы, ко мнѣ»! Не затихъ еще его зычный голосъ, какъ 4-я сотня его полка, съ есауломъ Малицкимъ, уже обступила своего дорогаго начальника—и онъ былъ спасенъ. Пораженіе арріергарда не могло поколебать стойкости остальныхъ войскъ отряда; напротивъ, оно ожесточило ихъ. Непріятель, полагавшій, что привелъ въ разстройство всю колонну, продолжалъ дерзко наступать, но ошибся: разстроенъ былъ только первоначальный планъ отступленія. Сунженскіе казаки, занимавшіе опушку, изъ которой они залпами въ упоръ приготовились встрѣтить наступавшаго непріятеля, бросили свою позицію, перебѣжали черезъ оврагъ не ожидая приказанія, и ураганомъ понеслись въ лѣсъ. Чеченцы остановились и тутъ же были опрокинуты прежде, чѣмъ успѣли придти въ себя. Казаки преслѣдовали ихъ холоднымъ оружіемъ; они отбѣгали на пистолетный выстрѣлъ, дѣлали по нимъ залпъ изъ своихъ длинныхъ винтовокъ и опять принимались поспѣшно отсту-

пать. Казаки выдержали нѣсколько такихъ залповъ, но не отставали отъ чеченцевъ, пока не обратили ихъ въ безпорядочное бѣгство. Они рубили чеченцевъ шашками безпощадно. Число убитыхъ и раненыхъ горцевъ давно опередило уронъ понесенный нашими войсками, а кровопролитіе все еще не прекращалось. Тогда только отрезвились казаки, когда лѣсъ былъ совершенно очищенъ. Преслѣдованіемъ увлеклась и дежурная команда Слѣпцова, который не нуждался теперь въ прикрытіи, такъ какъ поле битвы осталось за нами.

Было около одиннадцати часовъ утра, когда опушка лѣса къ сторонѣ ауловъ была снова въ нашихъ рукахъ. Ее велѣно было занять 4-ю и 5-ю сотнями Сунженскаго полка и сотней Владикавказскаго; остальнымъ войскамъ отдано было приказаніе убирать раненыхъ и убитыхъ. Семи тѣлъ не могли отыскать въ лѣсныхъ чащахъ, и ихъ пришлось бросить, чтобы не задерживаться въ лѣсу, противъ котораго снова начали собираться чеченцы. Когда все было кончено, данъ былъ сигналъ къ отступленію, которое на этотъ разъ уже не сопровождалось ошибками, такъ какъ обѣ стороны воспользовались даннымъ другъ другу тяжелымъ урокомъ: казаки отступали медленно и, при переходѣ черезъ оврагъ перекатною цѣпью, выказали необыкновенную стойкость и осмотрительность; чеченцы также были осторожны. Они видѣли въ арріергардѣ костюмы и безстрашныя лица тѣхъ самыхъ людей, которые такъ настойчиво преслѣдовали ихъ по лѣсу, и—уже не смѣли обнажать шашекъ. Непріятель не хотѣлъ отставать отъ колонны даже и тогда, когда она вышла на открытую поляну; но ближняя картечь двухъ орудій, ракеты, на которыя горцы смотрѣли въ то время съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, и непрерывный ружейный огонь казаковъ и пѣхоты сдерживали его рвеніе. Послѣ каждой попытки возобновить нападеніе, онъ принужденъ былъ отступать къ лѣсу и скрываться въ его опушкѣ. Дефиле рѣки Шалажи, по мѣрѣ удаленія отъ горъ, становилось шире, и

войска по немъ могли двигаться свободнѣе. Это не мѣшало чеченцамъ провожать колонну до старыхъ шалажинскихъ хуторовъ, которые стояли у выхода на плоскость. Тутъ только бой прекратился; онъ продолжался пять часовъ на протяженіи пяти верстъ. Въ четыре часа пополудни отрядъ возвратился въ Ачхой.

Въ дѣлѣ 31-го января мы потеряли убитыми: одного штабъ-офицера (командира кавказскаго линейнаго № 7 баталіона полковника Германса), трехъ оберъ-офицеровъ (1-го Сунженскаго казачьяго полка сотника Хомутова, Владикавказскаго казачьяго полка сотника Масляницкаго и Тенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручика Хамрата (двое послѣднихъ умерли отъ ранъ) и сорокъ семь нижнихъ чиновъ; ранеными: одного штабъ-офицера (Навагинскаго пѣхотнаго полка маіора Рыкова), семь оберъ-офицеровъ (Навагинскаго пѣхотнаго полка капитана Шишкевича и прапорщика Казачковскаго, кавказскаго линейнаго № 7 баталіона подпоручика Сарбскаго и прапорщика Мартынова, № 3 роты 12-й гарнизонной артиллерійской бригады подпоручика Погоржельскаго, Владикавказскаго казачьяго полка коряета Тулатова, 1-го Сунженскаго казачьяго полка хорунжаго Проколова) и нижнихъ чиновъ сто двадцать; контуженными трехъ и взятыми въ плѣнъ также трехъ. Въ добычу непріятеля, кромѣ трехъ плѣнныхъ, досталось сорокъ одно ружье. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, чеченцы потеряли одними убитыми, преимущественно картечью и холоднымъ оружіемъ, болѣе ста человѣкъ, чему не трудно было повѣрить, такъ какъ многія тѣла убитыхъ не были прибраны, пока поле битвы оставалось за нами, и войска наши, по числу ихъ, могли судить объ общей цифрѣ потери. Зимняя экспедиція въ большой Чечнѣ была въ разгарѣ, когда въ отрядѣ получено было извѣстіе о набѣгѣ Слѣпцова 31-го января въ нагорную Чечню. Она на многихъ произвела удручающее впечатлѣніе: Слѣпцова любили даже и тѣ, которые не знали его и никогда въ глаза не видѣли;

любили не за одну отвагу, но и за молодость, придававшую его подвигамъ особенное обаяніе, за его благотворительность, которая едва не разстроила его родоваго имѣнія, и о которой сунженскіе казаки безъ слезъ не могли говорить.

VI.

Внезапное появленіе 31-го января незначительнаго отряда въ неприступныхъ дебряхъ Валерика и Шалажи, независимо отъ чувствительныхъ для чеченцевъ потерь, нанесло также ударъ и ихъ самоувѣренности. Ни естественныя, ни искуственныя преграды не останавливали Слѣпцова: онъ покорилъ край по ту сторону Форганги, за которой они считали себя въ безопасности со стороны Владикавказа; потомъ перешелъ на плоскость, гдѣ снесъ одинъ за другимъ всѣ аулы, прикрывавшіе ихъ со стороны Сунжи; наконецъ, почти съ трехъ сторонъ открылъ недоступныя дебри у предгорій и, нѣтъ сомнѣнія, скоро порѣшитъ участь и послѣднихъ ихъ убѣжищъ. Нагорная малая Чечня упала духомъ. Средства начальника верхне-сунженской линіи не позволяли ему дѣйствовать систематически и на большихъ разстояніяхъ одновременно; за то, онъ наносилъ мѣткіе удары, не уступавшіе по результатамъ своимъ, дѣйствіямъ большихъ отрядовъ. Движеніе летучаго отряда къ верховьямъ притоковъ Сунжи, кромѣ демонализаціи жителей непокорныхъ ауловъ, имѣло еще и другое не менѣе важное послѣдствіе: оно приподняло завѣсу съ одного края нагорной Чечни. Теперь Слѣпцовъ зналъ, какъ она тяжела, и какія усилія придется употребить, чтобы разорвать ее. Его неутомимой дѣятельности открывались новыя задачи; обширный и смѣлый планъ былъ задуманъ имъ, если принять въ соображеніе его ограниченныя средства: отъ большой Русской дороги къ плотно населеннымъ терасамъ Черныхъ горъ протянуть вѣтви, по которымъ бы

свободно могли двигаться войска съ артиллеріей и обозомъ, и тѣмъ завершить покореніе малой Чечни.

16-го марта отрядъ, изъ одиннадцати съ половиной ротъ пѣхоты, четырехъ орудій, семи сотенъ казаковъ, ста сорока всадниковъ милиціи и ракетной команды, стянутъ былъ къ станицѣ Ассинской. Давно не собиралось столько войскъ подъ начальствомъ Слѣпцова. Кавалерія его могла теперь отдохнуть, потому что было кому и лѣсъ рубить, и рабочихъ прикрывать. Въ ночь съ 16-го на 17-е число отрядъ выступилъ изъ станицы Ассинской и двинулся черезъ Ачхоевское укрѣпленіе ко входу въ знакомое шалинское ущелье. Въ шесть часовъ утра онъ уже былъ у раззоренныхъ старо-шалажинскихъ хуторовъ. Отсюда начинались густо разросшіеся сады, перелѣски и отдѣльныя группы деревьевъ, разбросанныя на пространствѣ не менѣе полуторы версты въ ширину и около двухъ верстъ въ длину; за ними, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, дорога пролегала черезъ открытую поляну, а за поляной стоялъ лѣсъ, угрюмый и негостепріимный. Объ оврагѣ, пересѣкающемъ этотъ лѣсъ вдоль сѣверной его опушки, упоминается во всѣхъ инстанціяхъ официальной переписки, начиная отъ смиреннаго рапорта до всеподданнѣйшаго доклада включительно. Вправо отъ глубокаго и обрывистаго ложа рѣки Шалажи и влѣво отъ Валерика начинался высокій густой лѣсъ, составлявшій непроницаемую преграду для движеній войскъ въ глубь страны. Лѣсъ этотъ разрывался ущельями рѣкъ на отдѣльныя площади, наклоненныя къ сторонѣ чеченской равнины, за ними снова смыкался въ одну сплошную, безконечную, чащу, съ уступа на уступъ взбирался на самый хребетъ и черно-синей щетиной тянулся по всему гребню горъ, которыя отъ него и получили названіе Черныхъ (Каратау).

Предварительно необходимо было расчистить мѣстность вокругъ разоренныхъ ауловъ, чтобы войска свободно могли двигаться по ней во всѣ стороны. Для этого влѣво отъ до-

роги, за оврагъ Валерика, направлены были двѣ роты, которымъ было приказано занять покинутыя сакли и перелѣски и прикрывать позицію слѣва. Вслѣдъ за ними двинулись еще двѣ роты Тенгинскаго полка съ топорами; для расчистки лѣса вправо отъ дороги и въ прикрытіе работъ со стороны Шалажи назначены были пять съ половиною ротъ. Двѣ роты Навагинскаго полка, съ артиллеріей, и вся кавалерія составляли резервъ, который расположился полукружіемъ, фронтомъ къ лѣсамъ, обступавшимъ позицію, такъ что могъ очень быстро, частями или всею массою, поспѣвать на помощь къ угрожаемому флангу.

Не успѣли войска размѣститься на указанныхъ имъ пунктахъ, какъ гдѣ-то вдалекѣ, у верховьевъ рѣкъ, сдѣлано было три ружейныхъ выстрѣла—вѣроятно, пикетомъ слѣдившимъ за движеніями отряда. По лѣсу отчетливо отдавался стукъ тоноровъ, да иногда съ оглушительнымъ трескомъ и грохотомъ падали срубленныя деревья. Минутъ черезъ двадцать, съ лѣвой стороны, противъ Валерика, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, но съ дальняго разстоянія. Такъ какъ никого еще не было видно, то на нихъ и не обратили вниманія; однако выстрѣлы быстро приближались, и пули начали ударяться о древесные стволы. Чеченцы повидимому были недалеко, но лѣсъ все еще скрывалъ ихъ, и пѣнь продолжала молчать. Когда же изъ-за деревьевъ стали вылетать бѣлые клубы дыма, то на каждый такой клубъ въ цѣпи отвѣчали залпомъ изъ трехъ-четырехъ ружей, и скоро влѣво отъ позиціи завязалась общая перестрѣлка. Тогда же раздались первые выстрѣлы и вправо отъ дороги, изъ-за Шалажи. Привлеченные тревогой, поднятой въ ущельи, стали показываться на дорогѣ, уже знакомой нашимъ войскамъ, новыя партіи чеченцевъ, спустившіяся съ верхнихъ терасъ; онѣ открыли огонь по кавалеріи, стоявшей въ резервѣ, т. е. противъ фронта позиціи. За то, съ тыла, къ сѣверу отъ нея, было тихо; тамъ растилалась когда-то шумная и на-

селенная, теперь безлюдная чеченская равнина. Во всю длину ея тянулась широкой полосой большая Русская дорога, а за нею, на далекомъ разстояніи одно отъ другаго, виднѣлись два русскихъ укрѣпленія —Урусъ-Мартанъ и Ачхой. Но не туда обращены были взоры осторожнаго начальника отряда, и два пикета, выставленные имъ отъ кавалеріи, зорко наблюдали за большой Русской дорогой. Къ двумъ часамъ пополудни мѣстность вокругъ разоренныхъ старо-шалажинскихъ ауловъ была совершенно обнажена, сакли разобраны, деревья, гордо поднимавшія къ небу свои вершины и заслонявшія видъ на ущелье, безпомощно валялись на землѣ между уцѣлѣвшими отъ нихъ пнями. Чего не могъ сдѣлать топоръ, то довершилъ огонь. Перестрѣлка же ни на минуту не ослабѣвала; напротивъ, она нѣсколько разъ усиливалась противъ нашего лѣваго фланга и грозила перейти въ рукопашный бой.

Къ пяти часамъ пополудни вся мѣстность впереди ущелья покрылась пылающими кострами. Колонна начала стягиваться и отступать. Вниманіе чеченцевъ устремилось теперь на нашъ лѣвый флангъ, и они со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ Валерику. Нѣсколько разъ намѣревались они прорваться черезъ цѣпь, но кавалерія безпрестанно останавливалась и поворачивалась къ нимъ флангомъ, давая этимъ понять, что на покушеніе ихъ броситься въ шашки она отвѣтитъ тѣмъ же. Чеченцы знали эту кавалерію не по однимъ значкамъ, и опасаясь, вѣроятно, повторенія катастрофы 31-го января, ограничивались огнестрѣльнымъ боемъ, который съ каждымъ шагомъ отступавшей колонны становился ожесточеннѣе. Войска сохраняли порядокъ, который Слѣпцовъ, въ своемъ донесеніи называетъ образцовымъ; они точно хотѣли «изгладить изъ памяти» главнокомандующаго непріятное впечатлѣніе послѣдняго набѣга и заставить его переложить гнѣвъ на милость—что имъ и удалось вполнѣ. Командиръ 2-й гренадерской роты Навагинскаго полка капитанъ Дельфинъ,

пропустивъ впередъ 3-ю гренадерскую Тенгинскаго полка тамъ, гдѣ мѣстность не позволяла двумъ ротамъ слѣдовать на одной линіи, вызвалъ пѣсенниковъ впередъ и, подъ самымъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, съ пѣснями отступалъ отъ лѣса. По мѣрѣ того, какъ наши войска удалялись отъ Валерика, перестрѣлка мало по малу стихала и скоро совсѣмъ должна была смолкнуть. Въ это время въ цѣпи палъ, смертельно раненый въ грудь однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, командовавшій частями лѣваго фланга, Тенгинскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Кушелевъ; его вынесли изъ строя свои же гренадеры съ подоспѣвшими къ нимъ казаками 3-й сунженской сотни. Затѣмъ перестрѣлка прекратилась.

На плоскости непріятель больше не тревожилъ отряда, и онъ, спокойно продолжая двигаться внизъ по теченію рѣки Шалажи, въ семь часовъ вечера остановился у переправы черезъ эту рѣку. Отсюда убитые и раненые отправлены были въ Ачхоевское укрѣпленіе подъ прикрытіемъ 3-й гренадерской роты Тенгинскаго полка и 2-й кавказскаго линейнаго № 8 баталіона. Остальныя войска расположились на отдыхъ; но имъ не вполнѣ удалось воспользоваться имъ, потому что со стороны Черныхъ горъ, неподалеку отъ лагеря, показалась конная партія въ триста человѣкъ, прибывшая изъ большой Чечни поддержать жителей нагорной малой, какъ объясняли лазутчики, и кстати разузнать о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ отряда. Пѣхота была вызвана въ ружье, а кавалерія понеслась навстрѣчу непріятеля, но онъ такъ стремительно повернулъ къ лѣсу и скрылся въ немъ, что только пуля могла бы настичь его. Больше объ этой партіи ничего не было слышно. Появленіе ея на плоскости имѣло какія нибудь другія цѣли, о которыхъ лазутчикамъ ничего не было извѣстно. Новыя свѣдѣнія, сообщенныя Слѣпцову при отступленіи извѣстными своею преданностью старшинами, заслуживали того, чтобы надъ ними призадуматься. Эти

старшины передали, что послѣ движенія летучаго отряда 31-го января, всѣ доступы къ нагорнымъ ауламъ до того перекопаны глубокими канавами и укрѣплены сплошными завалами, что не только войскамъ, даже мелкимъ партіямъ въ три-четыре человѣка не иначе можно проникнуть туда, какъ съ величайшими затрудненіями и огромной потерей времени—чѣмъ и объясняется позднее прибытіе въ этотъ день на тревогу партій, спустившихся съ шалажинскихъ терасъ. Если бы показанія эти были справедливы, а сомнѣваться въ нихъ Слѣпцову не было повода—то дальнѣйшее осуществленіе задуманнаго имъ плана усмиренія малой Чечни на первыхъ же порахъ встрѣтило бы неодолимыя препятствія, которыя, впрочемъ, онъ долженъ былъ предвидѣть. Продолженіе вырубки лѣсовъ въ томъ же направленіи, т. е. вверхъ по Шалажи, потребовало бы столько баталіоновъ, сколько ротъ было въ его распоряженіи, а баталіоновъ этихъ взять было не откуда: въ большой Чечнѣ дѣятельно занимались всю зиму разрушеніемъ шалинскаго окопа и расширеніемъ просѣки; къ отряду привлечены были для этой цѣли войска со всѣхъ окраинъ лѣваго фланга и даже изъ владикавказскаго военнаго округа, такъ что охрана линій доведена была до значительнаго ослабленія. Летучему отряду, чтобы не оставаться въ бездѣйствіи, приходилось ограничиваться расчисткою выходовъ изъ ущелій на плоскость, а вырубку просѣкъ и разрушеніе искусственныхъ преградъ отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Представленный Слѣпцовымъ на благоусмотрѣніе главнокомандующаго планъ покоренія нагорной малой Чечни былъ встрѣченъ имъ очень сочувственно. Но такъ какъ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствіямъ летучаго отряда въ ущельяхъ Черныхъ горъ препятствовали сначала ненастья, бури и часто повторявшіеся разливы рѣкъ, а потомъ быстро начавшаяся развиваться растительность, неблагопріятная для военныхъ операцій въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, то онѣ были

пріостановлены и не прежде возобновились, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда за осенними туманами наступаетъ прозрачная и здоровая зимняя атмосфера.

Къ 30-му ноября изъ разныхъ пунктовъ владикавказскаго военнаго округа къ Ачхоевскому укрѣпленію начали стягиваться войска. На этотъ разъ составъ ихъ опредѣленъ былъ самимъ главнокомандующимъ и заключался въ пяти баталіонахъ пѣхоты, шестидесяти саперахъ, въ гальванической и пѣшей ракетной командахъ, одиннадцати сотняхъ иррегулярной кавалеріи, въ томъ числѣ четыре сотни милиціи, въ десяти конныхъ ракетныхъ станкахъ и десяти орудіяхъ *).

2-го декабря въ Ачхоѣ отслуженъ былъ молебенъ, послѣ котораго отрядъ двинулся по большой Русской дорогѣ и остановился у рѣки Гехи на ночлегъ. На другой день генералъ Слѣпцовъ, съ двумя баталіонами и большею частью кавалеріи, при двухъ конныхъ орудіяхъ, произвелъ рекогносцировку ущелья рѣки и выбралъ для лагеря удобную въ санитарномъ и стратегическомъ отношеніяхъ позицію около развалинъ бывшаго аула Чермакой, надъ переправой черезъ Гехи. Къ рѣкѣ были разработаны такіе спуски, что не только для водопоя не представлялось затрудненій, но и войска съ артиллеріей, кавалеріей и обозомъ быстро и легко могли переходить съ одного берега на другой даже въ ночное время; только окрестность требовала небольшой расчистки. Прямо противъ намѣченной позиціи стоялъ частый и не глубокій лѣсъ; за нимъ растилалась такъ называемая нурикъ-юртовская поляна, которая, вмѣстѣ съ другими верхними полянами, вправо къ рѣкамъ Валерику и Шалажи, а влѣво къ Рошнѣ, по своему плодородію играла по отношенію къ на-

*) Въ томъ числѣ конно-ракетная команда Сунженскаго линейнаго казачьяго полка, сотня донскаго казачьяго № 16 полка, сотня Горскаго линейнаго казачьяго полка, сотня Владикавказскаго линейнаго казачьяго полка и четыре сотни Сунженскаго линейнаго казачьяго полка.

горной малой Чечнѣ такую же роль, какую шалинская поляна въ большой Чечнѣ; съ остальныхъ трехъ сторонъ позиція замыкалась дремучимъ лѣсомъ, который предстояло вырубить на пушечный выстрѣлъ вокругъ лагеря. Слѣпцовъ не ограничился выборомъ мѣста для лагеря; онъ продолжалъ подвигаться вверхъ по ущелью, миновалъ нурикъ-юртовскую поляну и сталъ уже приближаться къ верховьямъ рѣки, когда услышалъ суетливые крики, лай собакъ, мычаніе рогатаго скота, блеяніе овецъ. Жители едва завидѣли головныя части колонны, какъ начали поспѣшно спроваживать въ трущобы имущество и семейства. Войскамъ приказано было занять хутора, которыхъ не было видно за поворотомъ ущелья, но отнюдь не разорять ихъ и ничего въ нихъ не трогать, такъ какъ, съ прорубкой просѣки выше по ущелью и съ заложеніемъ русской крѣпости на томъ мѣстѣ, гдѣ отряду предстояло стоять лагеремъ, чеченцамъ въ этой сторонѣ некуда было выселяться, и они поневолѣ должны бы были отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія и вернуться въ свои покинутые аулы, которые нашли бы нетронутыми. Непріятель провожалъ колонну при отступленіи слабой перестрѣлкой. Заваловъ, о которыхъ такъ много говорили старшины еще въ мартѣ мѣсяцѣ, нигдѣ не было видно: это удивило и успокоило Слѣпцова. Онъ всегда желалъ заканчивать свои реляціи словами: «отрядъ вернулся на линію безъ потери», или: «уронъ, понесенный нашими войсками, былъ самый незначительный», и въ этомъ родѣ.

Послѣ рекогносцировки, войска перешли на новую позицію. Пустынная мѣстность, окруженная лѣсомъ, мгновенно оживилась. Говоръ и смѣхъ, крики, стукъ топоровъ, ржаніе лошадей, весь тотъ хаосъ звуковъ, которымъ обыкновенно сопровождается водвореніе отрядовъ на новыхъ мѣстахъ, не переставалъ оглашать воздухъ до самаго вечера. За то, передъ сумерками, на печальныхъ развалинахъ стараго аула выросъ маленькій парусинный городокъ, съ правильно рас-

планированными улицами и площадями и съ неизбѣжными маркитантскими навѣсами. Чеченцы до того были изумлены тѣмъ, что происходило у нихъ передъ глазами, что никому изъ нихъ въ голову не пришло протестовать хоть однимъ выстрѣломъ. Они всего могли ожидать отъ русскаго джигита на сѣрой лошади, въ бѣлой черкескѣ—только не этого: это была ужъ слишкомъ отважная затѣя. Занятіе верхне-гехинской переправы, для того кому знакома эта мѣстность, было однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ подвиговъ того времени. Слѣпцовъ не терялъ даромъ ни одного дня и 4-го декабря началъ рубку лѣса. Въ первоначальномъ планѣ покоренія нагорной Чечни онъ сдѣлалъ капитальныя измѣненія, которыя также были одобрены главнокомандующимъ: систематическому разоренію жителей уничтоженіемъ ихъ запасовъ и посѣвовъ онъ предпочиталъ рѣшительное наступленіе на ихъ послѣднія убѣжища; это было больше въ его характерѣ. Построить крѣпость на томъ мѣстѣ, гдѣ отрядъ его сталъ лагеремъ, открыть сообщеніе просѣкой черезъ гехинскій лѣсъ съ Урусъ-Мартаномъ—словомъ, положить основаніе новой передовой линіи между большой Русской дорогой и Черными горами—вотъ что задумалъ онъ и началъ приводить въ исполненіе. Наблюденіе надъ работами по вырубкѣ лѣсовъ онъ поручилъ командиру Навагинскаго пѣхотнаго полка полковнику Кареву.

4-го декабря колонна выступила изъ лагеря подъ начальствомъ подполковника Сулимовскаго. Непріятель пытался обходнымъ движеніемъ, мимо нурикъ-юртовской поляны, зайти въ лѣсъ, гдѣ производилась рубка, и завязать съ войсками перестрѣлку, но, во время замѣченный, встрѣтилъ энергическое противодѣйствіе со стороны нашей кавалеріи и ракетной команды и принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ то же время партія, болѣе восьмисотъ человѣкъ, преимущественно жителей нагорныхъ обществъ, занявъ сильную позицію въ лѣсу на правомъ берегу Гехи, у

подножія Черныхъ горъ, также принялась за рубку лѣса. Чеченцы рубили безъ отдыха; не только днемъ, даже всю ночь раздавался стукъ ихъ маленькихъ, звонкихъ топоровъ. Изъ срубленныхъ деревьевъ они строили завалы и баррикады, чтобы предупредить нечаянное нападеніе на ихъ аулы. 5-го декабря рубка лѣса сопровождалась незначительной и безвредной перестрѣлкой. 6-го, по случаю высокоторжественнаго дня тезоименитства Императора, въ отрядѣ отслужено было молебствіе при двадцати одномъ пушечномъ выстрѣлѣ. Можно съ достовѣрностью сказать, что это было. первое молебствіе въ верховьяхъ Гехи съ тѣхъ поръ, какъ эта рѣка въ первый разъ побѣжала изъ своихъ родниковъ къ правому берегу Сунжи. 7-го числа Слѣпцовъ, съ двумя сотнями кавалеріи, предпринялъ рекогносцировку въ прямомъ направленіи черезъ Черный лѣсъ къ укрѣпленію Урусъ-Мартану, откуда въ отрядъ доставлялись боевые припасы, провіантъ и фуражъ, и куда должны были сопровождаться больные, раненые и убитые. Въ его отсутствіе, въ полдень, по отряду непріятелемъ сдѣланы были изъ опушки лѣса три орудійныхъ выстрѣла. Одна граната упала въ самую середину лагеря, передъ входомъ въ палатку полковника Карева. Мѣткій огонь двухъ нашихъ орудій—одного батарейнаго и одного легкаго казачьяго, заставилъ замолчать непріятельскій единорогъ послѣ третьяго же выстрѣла.

Къ 8-му декабря на правомъ берегу Гехи, противъ того мѣста, гдѣ должна была происходить рубка лѣса, непріятелемъ возведены были сильные ретраншаменты. На Рошнѣ стояла партія въ двѣ тысячи пѣшихъ и конныхъ чеченцевъ, при одномъ горномъ орудіи, подъ начальствомъ двухъ мѣстныхъ наибовъ—Алхана и Хапцоу. Прибытіе партіи къ верхне-гехинскимъ хуторамъ ожидалось 9-го или 10-го числа. Наибамъ предписано было заставить русскихъ отступить на плоскость. Свѣдѣнія эти доставлены были начальнику отряда 7-го числа вечеромъ. Онъ рѣшился атаковать ретраншамен-

ты и завладѣть орудіемъ. Для этого онъ заранѣе преподалъ диспозицію такого рода: весь летучій отрядъ былъ раздѣленъ на пять частей—три колонны, резервъ и прикрытіе для лагеря. Первая колонна, обходная, составленная изъ охотниковъ Сунженскаго и Горскаго казачьихъ полковъ, въ числѣ 265 человѣкъ пѣшихъ, 2-го баталіона Тенгинскаго полка въ 524 штыка и 18-ти милиціонеровъ, ввѣрена была начальству двухъ штабъ-офицеровъ—войсковаго старшины Предимирова и командира 2-го Тенгинскаго баталіона маіора Меркулова. Она должна была скрытно пробраться лѣсомъ къ мѣсту дѣйствія и, зайдя въ тылъ завала, броситься на непріятеля—кавалерія въ шашки, пѣхота въ штыки. Вторая колонна, центральная, штурмовая—баталіонъ Эриванскаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича полка, два орудія линейной конно-казачьей № 15 батареи, двѣ сотни Сунженскаго казачьяго полка, двѣ сотни милиціи, ракетная команда егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, конно-ракетная команда Сунженскаго казачьяго полка, подъ личнымъ предводительствомъ начальника отряда, должна была, притаившись заблаговременно подъ обрывомъ р. Гехи, у лагеря 2-го Тенгинскаго баталіона, по первому выстрѣлу непріятельскаго орудія быстро пробѣжать правымъ берегомъ рѣки, атаковать завалы съ фронта и соединиться съ первой колонной. Въ третью колонну, также обходную, назначены были: 1-й баталіонъ и одна рота 2-го баталіона Навагинскаго полка, два орудія линейной конно-казачьей № 15 батареи, сборная сотня донскихъ казачьихъ №№ 16 и 19 полковъ, сотня Владикавказскаго и сотня Горскаго казачьихъ полковъ, сотня назрановской и сотня осетинской милиціи, подъ начальствомъ полковника Карева. Этой колоннѣ отдано было приказаніе—выступить по обыкновенію изъ лагеря на рубку лѣса въ 6 часовъ утра, стараться отвлекать вниманіе непріятеля и, по первому его выстрѣлу изъ орудія, вдругъ прекратить работы, переправиться на правый

берегъ рѣки и, быстрымъ обходнымъ движеніемъ справа приблизившись къ завалам, атаковать ихъ одновременно съ центральной колонной. Резервъ изъ одной роты 2-го Навагинскаго баталіона, одной кавказской линейной № 7 баталіона и команды саперъ, при одномъ орудіи батарейной № 1 батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады, подъ командой подполковника Сулимовскаго, долженъ былъ двинуться правымъ берегомъ рѣки вслѣдъ за колонной генералъ-маіора Слѣпцова и, дойдя до переправы черезъ Гехи, занять позицію на правомъ ея берегу, откуда выслать цѣпь въ опушку лѣса. На обязанности резерва лежало охранять переправу и сдерживать непріятеля при отступленіи нашихъ войскъ отъ заваловъ. Такъ какъ, кромѣ сборищъ, которыя должны были засѣсть въ ретраншаментахъ, никакихъ постороннихъ партій въ окрестностяхъ не было, и лагерю не угрожала серьезная опасность, то для прикрытія его Слѣпцовъ находилъ достаточнымъ четырехъ ротъ — двухъ отъ 3-го баталіона Тенгинскаго и двухъ отъ 2-го баталіона Навагинскаго полковъ, четырехъ орудій легкой № 4 батареи 19-й артиллерійской бригады и одного батарейнаго кавказской гренадерской бригады.

10-го утромъ получено было извѣстіе, что орудіе прибыло съ Рошни, и что непріятель подвезетъ его въ два часа пополудни къ опушкѣ лѣса и откроетъ канонаду по нашей колоннѣ. Тотчасъ послѣ полудня охотники Предимирова и Тенгинскій баталіонъ Меркулова незамѣтно выступили изъ лагеря, лѣсными чащами, лощинами и окольными тропинками пробрались въ глубину лѣса и тамъ, въ одномъ скрытномъ мѣстѣ, залегли въ ожиданіи сигнала къ нападенію. Тогда же и колонна генералъ-маіора Слѣпцова, т. е. центральная, спустилась въ оврагъ рѣки и спряталась подъ ея обрывомъ. Войска же, назначенныя на работу, подъ командой полковника Карева, выступили еще въ девять часовъ утра, какъ они всегда выступали, и занялись рубкой лѣса,

чтобы непріятель не подозрѣвалъ, что у насъ дѣлаются какія нибудь приготовленія. Двумъ орудіямъ Каревъ приказалъ стать на позицію впереди лѣса на видномъ мѣстѣ; казаки, по обыкновенію, наблюдали за нурикъ-юртовской поляной.

Непріятельская позиція, обращенная фронтомъ къ правому берегу рѣки, укрѣплена была непрерывными рядами заваловъ съ траверсами для защиты отъ выстрѣловъ и имѣла фланговую оборону. Эти первобытныя фортификаціонныя сооруженія изъ лѣсныхъ великановъ простирались на двѣ и три четверти версты въ длину и почти на версту въ глубину. Середину непріятельской позиціи занималъ огромный кольцеобразный завалъ, такъ сказать круглый редутъ, въ которомъ оставлено было нѣсколько проходовъ; онъ охватывалъ шестнадцать хуторовъ, въ которыхъ хранились боевые и продовольственные запасы—изъ чего можно заключить о его размѣрахъ. Къ востоку отъ этого центральнаго завала построенъ былъ другой, также круглый завалъ, но только меньшихъ размѣровъ, съ брустверомъ, не отличавшимся тщательной отдѣлкой и, какъ видно, наскоро возведеннымъ Вся опушка вырубленнаго подъ завалы лѣса обнесена была новыми завалами, расположенными зигзагами, а все пространство, занятое подъ эти верки, покрыто было рѣдкимъ, но высокимъ, лѣсомъ; между деревьями торчали пни, которыми можно было прикрываться во время перестрѣлки. Только хутора въ серединѣ завала были обнажены. Вся позиція была окружена сплошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, куда еще только предстояло впервые проникнуть русскому топору.

Ровно въ два часа пополудни, въ темной опушкѣ, на правомъ берегу рѣки, показалось бѣлое облако дыма, и между правой цѣпью и ближайшей къ ней партіей рабочихъ въ землю ударилось ядро. Это было сигналомъ къ атакѣ. Охотники поднялись изъ своего залога и быстро, но скрытно, стали подвигаться въ тылъ непріятельскимъ заваламъ. Цен-

тральная колонна, скрывавшаяся подъ обрывомъ, выскочила на правый берегъ и бросилась къ ретраншаментамъ. Впереди неслись казаки и во главѣ ихъ неустрашимый начальникъ летучаго отряда. Кавалерія, не обращая вниманія на смертоносный огонь, которымъ была встрѣчена, вступила въ лѣсъ, выбила непріятеля сначала изъ передовыхъ, затѣмъ изъ меньшаго кольцеобразнаго завала, и вмѣстѣ съ Слѣпцовымъ, остановилась подъ брустверомъ большаго центральнаго. Колонна Карева по выстрѣлу мгновенно прекратила работы; кавалерія ея, заранѣе приготовившаяся къ тревогѣ и уже сидѣвшая на коняхъ, не дожидаясь пѣхоты, переправилась черезъ Гехи, подъ предводительствомъ подполковника Шостака, вслѣдъ за кавалеріей Слѣпцова, бросилась къ лѣсу, не отставала отъ нея при занятіи передовыхъ верковъ ни въ быстротѣ, ни въ мужествѣ, и вмѣстѣ съ нею стала у подножія центральнаго завала. Атаку кавалеріи поддерживали: съ праваго фланга подполковникъ Лукомскій съ тремя ротами Навагинскаго полка, съ лѣваго—маіоръ Шатиловъ съ двумя ротами Эриванскаго карабинернаго полка. Чеченцы, густыми толпами занимавшіе передовые и малый круглый завалы, смятые бурнымъ натискомъ кавалеріи, были отброшены и спѣшили укрыться въ центральномъ завалѣ; не успѣвшіе добѣжать до него были безпощадно изрублены. Гарнизонъ центральнаго завала, постепенно усилившійся партіями, выбитыми изъ передовыхъ заваловъ, открылъ по кавалеріи непрерывный огонь въ родѣ нашей «пальбы рядами». Между тѣмъ, роты, поддерживавшія казаковъ съ фланговъ во время атаки и нѣсколько отставшія отъ нихъ, успѣли добѣжать до центральнаго завала къ началу этого новаго періода боя, заняли всю восточную дугу круга и бѣглымъ огнемъ принялись опустошать непріятельскіе ряды. Тогда нѣсколько сотенъ кавалеріи обѣихъ колоннъ, спѣшившись, раздѣлились на двѣ части: одна заняла интервалы между ротами и присоединила мѣткіе выстрѣлы своихъ винтовокъ къ огню пѣхоты, а дру-

гая отправилась навстрѣчу обходной колонны Предимирова и Меркулова. Не успѣла она далеко отойти отъ центральнаго завала, какъ въ тылу у непріятеля по лѣсу раздалось громкое «ура» приближавшихся охотниковъ. Чеченцы цѣлыми партіями стали перебѣгать къ противоположному фасу завала, чтобы встрѣтить убійственнымъ огнемъ этого новаго противника, появленіе котораго въ тылу поразило ихъ своею неожиданностью. Не отвѣчая на ихъ выстрѣлы, шедшіе впереди казаки Предимирова выхватили шашки, ворвались въ середину завала и, овладѣвъ хуторами, начали истреблять все, что попадалось имъ подъ руку. Чеченцы, озадаченные такой смѣлостью, сначало только разступились, но потомъ бѣжали вмѣстѣ съ орудіемъ, которое завезли куда-то въ лѣсъ, и поспѣшили вторично занять наружные завалы, откуда открыли мѣткій огонь по казакамъ, ворвавшимся въ центральный. Тенгинскій баталіонъ Меркулова, собиравшійся вслѣдъ за охотниками вскочить въ большой завалъ, повернулъ влѣво отъ него, бросился къ наружнымъ завалам и штыками выбилъ изъ нихъ непріятеля. Чеченцы бѣжали изъ передовыхъ заваловъ; тенгинцы преслѣдовали ихъ до тѣхъ поръ, пока они скрылись въ глубинѣ лѣса; отсталыхъ кололи штыками Этой послѣдней атакой, увѣнчавшейся блистательнымъ успѣхомъ и отдавшей въ наши руки послѣдніе непріятельскіе ретраншаменты, участь боя была рѣшена: побѣда осталась за нами.

Минута была торжественная; она осталась бы самою свѣтлою въ жизни всѣхъ участвовавшихъ въ бою, еслибы не была омрачена неожиданною потерею, которую долго оплакивали войска летучаго отряда и вся верхне-сунженская линія. И еслибы эта чрезвычайная, невознаградимая потеря послѣдовала при соотвѣтственномъ ея важности бранномъ сотрясеніи, имѣющемъ всегда свою грозную торжественность—она бы примирительнѣе дѣйствовала на чувство и воображеніе получая значеніе какъ бы искупительной жертвы за успѣхъ пред-

пріятія, но дѣло въ томъ, что, къ несчастью, она произошла тогда, когда все было кончено, цѣль достигнута, и не было болѣе надобности ни въ какихъ пожертвованіяхъ. Еще грустнѣе, что она была произведена тою одинокою и, можетъ быть, даже наудачу пущенною пулею, масса которыхъ до сихъ поръ безслѣдно бороздила воздухъ. Пулю эту сопровождалъ глухой, едва слышный, отрывистый выстрѣлъ—и молодой, полный жизни и надеждъ, всѣми обожаемый генералъ, стоявшій у подножія центральнаго завала подлѣ подполковника Лукомскаго, на своемъ любимомъ сѣромъ конѣ, вдругъ поблѣднѣлъ, зашатался и упалъ на руки своего конвоя. Холодное зимнее солнце безучастно смотрѣло на эту страшную сцену, надолго облекавшую въ трауръ всю мѣстность между Сунжею и Черными горами. Зачѣмъ Слѣпцовъ стоялъ въ своемъ видномъ костюмѣ на самомъ видномъ мѣстѣ? Это его тайна, и о ней можно только догадываться вспоминая слова поэта: «есть упоеніе въ бою». И дѣйствительно, Слѣпцовъ имѣлъ полное право упиваться, увлечься, самообольщаться, даже забыться, взирая вокругъ на послѣдствія своихъ дѣяній, на результаты своихъ распоряженій и на существенное выраженіе въ нихъ тѣхъ высокихъ доблестей, которыми щедро одарила его природа. Бережно, обливаясь слезами, казаки уложили его на бурки и благоговѣйно вынесли изъ лѣса. Послѣднія слова его, сказанныя сопровождавшему его отрядному квартирмейстеру генеральнаго штаба капитану барону Сталю, были: «команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ; колонны не должны трогаться съ мѣста до присоединенія къ нимъ охотниковъ». Участь отряда и слава нашего оружія озабочивали его даже въ предсмертныя минуты.

Черезъ четверть часа кавказская армія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ представителей.

Послѣ нѣкотораго затишья, обращенные въ бѣгство чеченцы снова пробрались къ полю битвы и начали дѣйствовать изъ опушки лѣса, но заваловъ уже не занимали.

Когда Кареву была передана предсмертная воля Слѣпцова, и онъ принялъ начальство надъ отрядомъ, бой гремѣлъ по всей линіи на протяженіи двухъ верстъ. Согласно приказанію отошедшаго въ другой міръ виновника побѣды, войска продолжали стоять на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ такъ недавно покинулъ, до тѣхъ поръ, пока къ нимъ не присоединились, послѣ нѣсколькихъ жаркихъ схватокъ съ непріятелемъ, баталіонъ Меркулова и казаки Предимирова. Тогда началось отступленіе. Оно совершалось медленно и въ примѣрномъ порядкѣ. Непріятель, оправившійся отъ удара, при видѣ отступающихъ колоннъ всею массою сталъ налегать на аріергардъ и боковыя цѣпи, но, сдерживаемый бѣглымъ огнемъ четырехъ орудій легкой конно-казачьей № 15 батареи, все время осыпавшихъ его картечью, съ послѣдней опушки лѣса прекратилъ преслѣдованіе. Только черезъ два часа послѣ несчастья, постигшаго отрядъ, замерли въ воздухѣ послѣдніе выстрѣлы.

Къ вечеру осиротѣлыя войска возвратились въ лагерь. Уронъ, понесенный ими, если не считать роковой и тяжкой потери въ лицѣ начальника, былъ далеко ниже той цифры, которой можно было ожидать: убито нижнихъ чиновъ шесть, ранено оберъ-офицеровъ три (Тенгинскаго полка капитанъ Ксархаки, Сунженскаго казачьяго штабсъ-ротмистръ Маршани и поручикъ Госташевъ, оба командовавшіе сотнями) и сорокъ восемь нижнихъ чиновъ; контужены: одинъ штабъ-офицеръ (Тенгинскаго полка маіоръ Меркуловъ) и девять нижнихъ чиновъ. Лошадей убито тридцать пять, ранено двадцать семь. Патроновъ выпущено 80602. О потерѣ непріятеля можно судить по трофеямъ, доставшимся побѣдителямъ: однихъ винтовокъ снято было съ убитыхъ болѣе ста пятидесяти. Тѣла многихъ чеченцевъ не были отысканы; жители приходили за ними въ нашъ отрядъ, но у насъ ихъ не оказалось. Восемь мюридовъ найдены были изрубленными шашками. Родственники наиба Алхана легли всѣ на завалѣ, му-

жественно отстаивая ввѣренный имъ постъ. Больше всѣхъ пострадали партіи, прибывшія съ рр. Гойты и Шалажи; сами гехинцы потеряли болѣе пятидесяти человѣкъ. Они отправили къ Шамилю депутацію съ жалобою на свое стѣсненное положеніе вслѣдствіе занятія русскими нурикъ-юртовской поляны, просѣка къ которой отъ гехинской переправы къ 10-му декабря была окончена. Вечеромъ въ лагерь явились, по обыкновенію, лазутчики, но ихъ провели въ другую, незнакомую палатку; отъ милиціонеровъ они узнали о смерти молодаго русскаго наиба, и она ихъ сильно опечалила. Извѣстіе о ней на слѣдующій же день разнеслось по всей Чечнѣ и достигло Шамиля.

Главнокомандующій почтилъ память Слѣпцова приказомъ по войскамъ, приглашавшимъ ихъ раздѣлить съ нимъ его горесть. Въ этомъ приказѣ говорится:

10-го декабря отрядъ, собранный въ малой Чечнѣ произвелъ вполнѣ удачную атаку непріятельскихъ завалovъ при входѣ въ долину р Гехи, гдѣ чеченцы потерпѣли сильное пораженіе и понесли весьма большой уронъ. Съ нашей стороны, по числу убитыхъ и раненыхъ, потеря маловажная, но она невознаградима, потому что въ этомъ дѣлѣ мы лишились храбраго генералъ-маіора Слѣпцова, сраженнаго пулею въ грудь. Съ прискорбіемъ извѣщая о томъ войска ввѣреннаго мнѣ корпуса, остаюсь вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ знали его подвиги, и всѣ раздѣлятъ чувство горести, возбуждаемой утратой этого доблестнаго генерала, но въ особенности Сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845-го года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ—съ которымъ сдѣлался грозою непріятеля, постепенно изгнаннаго изъ малой Чечни, и въ рядахъ котораго онъ палъ на полѣ чести».

Въ то же время князь Воронцовъ, письмомъ къ военному министру просилъ ходатайства о переименованіи Сунженскаго линейнаго казачьяго полка въ Слѣпцовско-Сунжен-

скій Императоръ Николай, чтобы сдѣлать память о доблестномъ начальникѣ верхне-сунженской линіи неизгладимой, повелѣлъ станицу Сунженскую именовать впредь Слѣпцовскою и воздвигнуть въ той станицѣ памятникъ генералъ-маіору Слѣпцову. Такимъ образомъ, имя его никогда не угаснетъ и дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства. Въ этомъ случаѣ векодушный Монархъ пошелъ дальше главнокомандующаго въ признательности къ заслугамъ покойнаго, зная что полки мѣняютъ свои наименованія иногда нѣсколько разъ въ столѣтіе, тогда какъ названіе городовъ, посадовъ, станицъ и вообще населенныхъ мѣстъ переживаютъ нерѣдко десятки столѣтій. Мѣстное населеніе, съ своей стороны, также постаралось увѣковѣчить память своего незабвеннаго начальника и наименовало сѣрные источники, находящіеся къ сѣверу отъ Михайловской станицы, Слѣпцовскими минеральными водами. Курганъ къ юго-востоку отъ бывшей Сунженской станицы также названъ Слѣпцовскимъ.

Много слезъ было пролито на Сунжѣ всѣми отъ мала до велика, отъ юноши и бойкой хороводной казачки до глубокаго старца и дряхлой на костыляхъ старухи. О сподвижникахъ, дѣлившихъ съ Слѣпцовымъ всѣ невзгоды походной и боевой жизни, нечего и говорить—и самый закаленный, закаменѣлый въ опасностяхъ слѣпцовскихъ набѣговъ наѣздникъ не стыдился отирать свои слезы всенародно. Память объ этомъ незабвенномъ и замѣчательномъ представителѣ созданной имъ на Кавказѣ особаго рода партизанской войны—разумной, осмысленной и всегда имѣвшей цѣлью какую нибудь серьезную задачу, увѣковѣчена въ войскахъ кавказской арміи, и въ особенности на Сунжѣ, прочувствованною пѣснью, которую казаки поютъ при каждомъ удобномъ случаѣ: и на свадьбѣ, и на имянинахъ, и на крестинахъ, и даже возвращаясь съ похоронъ—вмѣсто загробнаго марша.

Когда Высочайшая воля объявлена была казакамъ осиротѣвшаго Сунженскаго полка, они тотчасъ же открыли у

себя подписку на сооруженіе памятника, и хотя намѣренію ихъ не суждено было осуществиться, такъ какъ памятникъ поставленъ на счетъ казны, тѣмъ не менѣе оно еще разъ доказываетъ трогательную и совершенно безкорыстную привязанность къ Слѣпцову его достойныхъ сподвижниковъ. Родной братъ безвременно погибшаго начальника верхне-сунженской линіи просилъ черезъ управляющаго провіантскою коммисіею отдѣльнаго кавказскаго корпуса, съ которымъ былъ знакомъ, о перенесеніи драгоцѣннаго праха на родную землю, но главнокомандующій отозвался, что «тѣло покойнаго не должно быть увезено съ Сунжи, тѣмъ болѣе, что генералъ Слѣпцовъ самъ желалъ быть тамъ похороненнымъ; сверхъ того, это произвело бы уныніе между населеніемъ Сунженскаго полка».

16-го декабря начальникомъ гехинскаго лагеря получено было извѣстіе, что Шамиль, узнавъ о смерти Слѣпцова, началъ собирать партіи, чтобы привести въ исполненіе свою завѣтную мечту —отторгнуть отъ насъ карабулахское и галашевское общества; слѣдовательно, и онъ оцѣнилъ по достоинству важность понесенной нами потери. Смерть молодаго русскаго наиба развязала ему руки, но сборъ нашихъ войскъ и усиленіе арштынскаго отряда показали ему, что о замыслахъ его у насъ извѣстно, и онъ долженъ былъ отложить ихъ до болѣе благопріятнаго времени.

Со смертью Слѣпцова прекратились громкія дѣла на Сунжѣ, точно преемники его не смѣли тревожить праха почившаго героя. Реляціи и приказы главнокомандующаго не наполнялись болѣе описаніемъ подвиговъ отважнаго начальника верхне-сунженской линіи, и самое отсутствіе въ нихъ его имени служило имъ вмѣсто траурной каймы. Съ минуты нашей отечественной утраты, главнокомяндующій, читая донесенія изъ владикавказскаго военнаго округа, не могъ не чувствовать то, что чувствуетъ отецъ, похоронившій своего любимаго сына, послѣ котораго видитъ передъ собою за столомъ пустое мѣсто.

УЧАСТІЕ ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА ВЪ ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ.

Во время послѣдней русско-турецкой войны, Терскіе казаки выставили изъ своей среды, въ ряды дѣйствовавшихъ армій и отрядовъ, 10580 человѣкъ, что составляетъ 15% мужскаго населенія Терскаго казачьяго войска. О томъ какъ несли службу Терцы въ этотъ тяжелый, но за то и славный, періодъ своей боевой жизни, наглядно свидѣтельствуютъ многочисленныя награды Всемилостивѣйше пожалованныя частямъ Терскаго казачьяго войска, принимавшимъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, масса чиновъ и орденовъ, полученныхъ за боевыя отличія офицерами, да 1113 знаковъ отличія военнаго ордена всѣхъ степеней, украсившихъ казачьи груди.

Явившись по первому призыву, вполнѣ готовыми для встрѣчи съ непріятелемъ, Терскіе казаки показали себя достойными преемниками прежнихъ линейныхъ казаковъ, хотя большинствомъ изъ нихъ и не была пройдена суровая, боевая, школа, ареной для которой служилъ Кавказъ, съ его постоянными стычками, походами, экспедиціями и боями.

Война 1877—78 годовъ представила для казачьей дѣятельности обширное поле.....

Тяжела казачья служба въ военное время: идутъ-ли казаки походомъ, составляя авангардъ и аррьергардъ колонны, —они глаза и уши ея; ничто не должно ускользнуть отъ ихъ вниманія; по сторонамъ колонны, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, шныряютъ одиночные казаки—дозорные, плетутся безъ дороги, по пахоти, болоту, каменьямъ, оврагамъ, выбирая спуски съ обрывовъ, отъискивая броды черезъ рѣчки,

осматривая каждый овражекъ, всякую неровность земной поверхности. Представилось препятствіе, оказано сопротивленіе, началась перестрѣлка,—первымъ подвергается опасности все тотъ же казакъ.

Во время самаго боя съ турками нашимъ Терцамъ тоже доставалось не мало; не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда спѣшивали казаковъ и они исполняли роль предназначенную, главнымъ образомъ, пѣхотѣ, осыпая непріятеля мѣткими ружейными выстрѣлами, но и стоя въ резервѣ, или прикрывая фланги и выжидая удобный моментъ для дѣйствій чисто кавалерійскихъ, губительный огонь турецкаго дальнобойнаго оружія выводилъ многихъ изъ рядовъ.... Но все это пустяки въ сравненіи съ тяжелой аванпостной службой, или, какъ говорятъ казаки, съ «Иванъ-постами». Утомилъ-ли бой, явилась-ли естественная и вполнѣ простительная усталость, вслѣдствіе только что совершеннаго тяжелаго перехода, но, по приходѣ на мѣсто бивака, очередная часть посылается исполнять сторожевую службу. При этомъ ни время, ни погода, не принимаются въ разсчетъ,—охрана должна быть и казаки безропотно идутъ оберегать спокойствіе отряда.

Казакамъ впервые пришлось ознакомиться съ новымъ для нихъ оружіемъ—ружьемъ, заряжающимся съ казенной части, передъ самымъ выступленіемъ на послѣднюю войну, а многимъ даже во время похода къ театру военныхъ дѣйствій. Способные и смѣтливые казаки быстро освоились съ «берданкой», полюбили ее, нанеся значительный ущербъ непріятелю быстрой и въ то же время мѣткой стрѣльбой. И гдѣ только не поработала берданка въ рукахъ Терскаго казака, въ теченіи войны 1877 - 78 годовъ. Не мало потрещала она на поляхъ Болгаріи, подъ стѣнами Никополя, Ловчи и Плевно, на Балканахъ, Софійской дорогѣ и Родопскихъ горахъ, подъ грозными валами Ардаганскихъ и Карсскихъ твердынь, на Аладжѣ, Соганлугѣ и подъ Эрзерумомъ, на Даярѣ и Драмъ-Дагѣ, въ горахъ Чечни и Дагестана, зачастую подъ акомпа-

ниментъ звуковъ шашечныхъ ударовъ, наносимыхъ умѣлыми, отъ природы искусными, казачьими руками.

Части, выставленныя Терскимъ войскомъ, принимали участіе въ дѣлахъ на различныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, а именно: Лейбъ-Гвардіи Терскій Собственнаго Его Величества конвоя эскадронъ и 1-й Владикавказскій полкъ вошли въ составъ войскъ дѣйствовавшихъ въ Европейской Турціи; 2-й Кизляро-Гребенской, 1-й и 2-й Волгскіе, 1-й и 2-й Горско-Моздокскіе, 2-й Владикавказскій и 1-я конно-артиллерійская батарея—въ дѣйствовавшемъ на Кавказско-Турецкой границѣ корпусѣ, 2-й Сунженскій—въ Эриванскомъ отрядѣ, 1-й Кизляро-Гребенской, 1-й Сунженскій, всѣ третьи полки и 2-я конно-артиллерійская батарея оставались на Сѣверномъ Кавказѣ, преимущественно въ Терской области, участвуя въ усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ и охраняя станицы, оставшіяся беззащитными, за уходомъ на войну почти всѣхъ способныхъ владѣть оружіемъ.

На всѣхъ этихъ театрахъ военныхъ дѣйствій Терскіе Казаки исполнили свой долгъ и святыя обязанности, по отношенію къ своей родинѣ и отечеству, какъ подобаетъ вѣрноподданнымъ, доказавъ на дѣлѣ, что слава о ихъ храбрости, смѣтливости и исполнительности не есть пустой звукъ, а дѣйствительность и, что новое поколѣніе казаковъ ничѣмъ не уступаетъ старому, когда является необходимость показать себя.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II, въ собственноручномъ письмѣ къ Главнокомандующему Кавказской арміей, соблаговолилъ помѣстить слѣдующія незабвенныя слова: «*Кубанцами и Терцами не могу я доста-*
«*точно нахвалиться. Вотъ ужъ болѣе четырехъ мѣся-*
«*цевъ, что они Меня оберегаютъ и днемъ и ночью и не*
«*оставляютъ Меня ни на шагъ, оказывая всевозможныя*
«*услуги Мнѣ лично и всей Моей главной квартирѣ*».

Вниманіе къ Терскимъ казакамъ и оцѣнку ихъ дѣя-

тельности Главнокомандующими Дунайской и Кавказской армій, лично направлявшими и наблюдавшими за ихъ подготовкой передъ открытіемъ войны и имѣвшими возможность оцѣнить ихъ и на ратномъ полѣ—можно видѣть изъ телеграммы Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича къ Наказному Атаману Терскаго войска:

«Осмотрѣвъ всѣ пять полковъ 1-го льготнаго состава, Терскаго казачьяго войска, я нашелъ все въ отличномъ видѣ и пораженъ быстротой и успѣшностью ихъ сформированія и выступленія; за все это искренно благодарю Васъ»;

и изъ телеграммы Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича къ своему Августѣйшему брату:

«Съ разрѣшенія Государя пишу тебѣ просьбу выслать на пополненіе Владикавказцевъ 100 человѣкъ съ лошадьми. Служили казаки великолѣпно, поддержали славу Кавказцевъ.»

Кромѣ того, наглядной характеристикой боевой дѣятельности частей Терскаго казачьяго войска, призванныхъ въ періодъ русско-турецкой войны 1877—78 годовъ, можетъ служить нижеслѣдующій перечень главныхъ дѣлъ съ непріятелемъ и выдающихся походныхъ движеній, совершенныхъ этими частями.

Лейбъ-Гвардіи Терскій казачій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, вслѣдствіе полученнаго 20-го октября 1876-го года, телеграммой, приказа о сформированіи его со льготы, собрался 1-го ноября въ станицу Прохладную. 11-го декабря эскадронъ прибылъ въ городъ Кишиневъ и былъ назначенъ состоять при особѣ Главнокомандующаго Дунайской Арміей Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. 12-го апрѣля 1877 года, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, дѣлая смотръ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ городѣ Кишиневѣ, послѣ смотра и объявленія войскамъ войны съ Тур-

ціей, сонзволилъ подъѣхать къ эскадрону и обратился съ слѣдующимими незабвенными словами:

«*Благодарю васъ за молодецкую службу при мнѣ, поручаю вамъ брата, берегите его и, когда онъ пуститъ васъ въ дѣло, то надѣюсь будете молодцами и не посрамите славы вашихъ отцовъ*».

Съ пріѣздомъ въ Плоешти Государя Императора, Терскій эскадронъ поступилъ въ распоряженіе Императорской Главной Квартиры.

16-го іюня Государь прибылъ въ Зимницу и, при переправѣ Его Величества въ первый разъ черезъ Дунай въ городъ Систовъ, на носу понтона, на которомъ совершался переѣздъ, развѣвался штандартъ Терскаго эскадрона.

20-го, 21-го и 22-го августа эскадронъ отличался въ отрядѣ генерала Скобелева при взятіи Ловчи, причемъ ему пришлось атаковать турецкую пѣхоту, разсѣять атакованныхъ и усѣять ихъ путь отступленія турецкими трупами. 23-го августа эскадронъ, находясь на лѣвомъ флангѣ наступающихъ, спѣшившись, усиленнымъ ружейнымъ огнемъ отразилъ попытку непріятельской кавалеріи совершить обходное движеніе. 24-го августа эскадронъ прибылъ въ деревню Боготъ, а 26-го въ деревню Роденицу. За дѣло при взятіи города Ловчи командиръ эскадрона ротмистръ Кулебякинъ Всемилостивѣйше награжденъ, по удостоенію кавалерской думы, орденомъ Св. Георгія 4-й степени, который и былъ возложенъ на храбраго награжденнаго—лично Его Величествомъ. Послѣ взятія Плевны и отъѣзда Государя Императора въ Россію, эскадронъ находился при особѣ Главнокомандующаго, совершивъ съ Его Высочествомъ переходъ черезъ Балканы и, пройдя Адріанополь, остановился въ Санъ-Стефано.

14-го апрѣля 1878 года эскадронъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, выступилъ изъ Санъ-Стефано и, совершивъ переѣздъ на пароходѣ въ Одессу, оттуда по желѣзной дорогѣ прибылъ въ Петербургъ 27-го числа того-же мѣсяца.

Въ теченіи всей войны эскадрономъ командовалъ ротмистръ Кулебякинъ.

Во время дѣлъ подъ Ловчей эскадронъ лишился 8-ми раненыхъ, изъ которыхъ умеръ лишь одинъ, а остальные черезъ полтора мѣсяца выздоровѣли и явились снова въ эскадронъ продолжать свою службу.

За военныя отличія оказанныя эскадрономъ въ войну 1877—78 годовъ Всемилостивѣйше пожалованы оному: знаки отличія на головные уборы, съ надписью «за Ловчу 22-го Августа 1877 года» *).

1-й Владикавказскій полкъ, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, выступилъ изъ своей штабъ-квартиры, станицы Ардонъ, 2-го декабря 1876 года и прибылъ въ городъ Кишиневъ 13-го декабря, причемъ зачисленъ въ составъ Кавказской казачьей дивизіи. 8-го Іюня 1877 года къ полку прикомандированъ осетинскій дивизіонъ, терско-горскаго конно-иррегулярнаго полка, въ числѣ 9-ти офицеровъ и 252 нижнихъ чиновъ. По случаю переформированія казачьей Кавказской дивизіи полкъ вступилъ въ составъ Кавказской казачьей бригады. 21-го іюня въ 11 часовъ утра бригада выступила изъ Зимницы и переправилась черезъ Дунай. 27-го

*) Численный составъ Лейбъ-Гвардіи Терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя.

	Число людей.									
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Слущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Осталось на лицо при роспускѣ.	Пожаловано знаковъ Св. Георгія.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.				
Офицеровъ . . .	5	1	»	»	»	»	«	»	6	1
Урядниковъ . . .	16	»	»	2	1	»	»	»	18	13
Казаковъ	166	8	»	6	»	1	4	2	164	26
Итого . .	187	9	»	8	1	1	4	2	188	40

іюня первый дивизіонъ былъ посланъ въ городъ Плевно на рекогносцировку, совершенную подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, причемъ выяснилось, что городъ Плевно занятъ 6000 пѣхоты, около тысячи конницы, при 6-ти орудіяхъ. 2-го іюля полкъ прикрывалъ лѣвый флангъ 9-го армейскаго корпуса, наступавшаго на крѣпость Никополь. Не доходя до селенія Градешты, авангардъ былъ встрѣченъ двумя баталіонами турецкой пѣхоты, которые, послѣ непродолжительной перестрѣлки, отступили, занявъ рвы и сады въ селеніи Градешты. Шесть спѣшенныхъ сотенъ (изъ коихъ три Кубанскаго полка) выбили изъ рвовъ непріятеля и завладѣли деревнею, послѣ упорнаго, пятичасоваго боя. Въ ночь съ 3-го на 4-е іюля полкъ (въ составѣ бригады) былъ атакованъ съ трехъ сторонъ непріятельской пѣхотой, въ то время какъ стоялъ бивакомъ у селенія Самовидъ, но отразилъ всѣ атаки, заставивъ турокъ отступить съ большимъ урономъ.

Получивъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, Государь Императоръ прислалъ къ полку есаула Козлова для передачи слѣдующихъ милостивыхъ словъ «*Благодарю славную Кавказскую казачью бригаду за ее мужество и храбрость, въ особенности за ночное дѣло съ 3-го на 4-е іюля*». 8-го и 18-го іюля полкъ принималъ дѣятельное участіе въ бояхъ подъ Плевной, причемъ прикрывалъ отступленіе пѣхоты. Съ 23-го іюля полкъ переноситъ свою дѣятельность къ Ловчѣ. 22-го августа полкъ дѣйствовалъ подъ Ловчей, причемъ 1-я сотня и 1-я осетинская бросились въ шашки во флангъ непріятеля, въ то время какъ остальные атаковали съ фронта. Баталіоны разсѣялись, а казаки продолжали преслѣдованіе, усѣявъ путь свой непріятельскими трупами, которыхъ легло (по офиціальнымъ источникамъ) отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ. Съ 26-го августа по 7-е Сентября полкъ, почти ежедневно, участвовалъ въ перестрѣлкахъ и дѣлахъ подъ Плевной, причемъ 30-го августа, по приказанію генерала Скобелева, атаковалъ ложементы на Зеленой Горѣ и занялъ ихъ. Неодно-

кратно казакамъ приходилось спѣшиваться и ходить въ атаку вмѣстѣ съ пѣхотой. До 12-го октября полкомъ совершено нѣсколько развѣдокъ, по разнымъ направленіямъ, сплошь и рядомъ сопровождавшихся сильной перестрѣлкой. 12-го октября полкъ участвовалъ въ бою подъ Горнымъ Дубнякомъ, а 16-го, во время боя подъ Телишемъ, удерживалъ непріятеля, шедшаго, въ числѣ 4-хъ тысячъ пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, изъ Радомирцы на подкрѣпленіе въ Телишъ. 10-го ноября, при движеніи колонны графа Шувалова на Правецъ, 4-я сотня, будучи въ авангардѣ, подходя къ высотамъ, была встрѣчена изъ за завала залпомъ непріятельской пѣхоты; сотня спѣшилась и зашла по хребту на возвышенность, а 3-я сотня бросилась съ лѣваго фланга и казаки мѣткимъ огнемъ выбили турокъ изъ за заваловъ и, тѣмъ очистили дефиле для свободнаго движенія отряда. 14-го декабря отрядъ двинулся къ перевалу черезъ Балканскія горы; къ ночи поднялись на вершину; остановились на ночлегъ въ глубокомъ снѣгу; вьюга не давала возможности разложить костры; лошади стояли голодныя, питаясь лишь дубовыми да буковыми листьями, за неимѣніемъ сѣна и овса. При выходѣ на Софійскую дорогу полкъ отбилъ значительный турецкій обозъ и до 400 штукъ рогатаго скота. 16-го декабря—снова отбитъ непріятельскій казенный транспортъ; прикрывавшая его рота частью истреблена, частью разсѣяна. Горный Бугорово, мостъ черезъ рѣку Искеръ, Софія, Самаковъ, Татаръ-Базарджикъ, Филиппополь, вотъ названія пунктовъ и городовъ, около которыхъ геройски дѣйствовали Владикавказцы, если и не въ составѣ всего полка, то отдѣльными сотнями При дальнѣйшемъ движеніи полка, ему предстоялъ тяжелый путь черезъ Родопскія горы. Движеніе это, вплоть до селенія Кадыкіой, вблизи города Демотико, было уже шествіемъ побѣдителей, такъ какъ всѣ встрѣчавшіяся по пути разрозненныя турецкія части, атаковываемыя увѣренными въ побѣдѣ и въ своей силѣ казаками, послѣ первыхъ-же попытокъ къ сопротивле-

нію, складывали оружіе передъ Владикавказцами. Въ Кадыкіой полкомъ получено извѣстіе о заключеніи перемирья и 1-й Владикавказскій полкъ простоялъ въ этомъ пунктѣ отъ 26-го декабря по 11-е февраля, затѣмъ съ 18-го марта по 16-е мая въ городѣ Узунъ-Кепри и, наконецъ, 16-го мая выступилъ къ Мраморному морю для наблюденія за демаркаціонной линіей, причемъ 1-й дивизіонъ былъ расположенъ по правую сторону рѣки Марицы, а 2-й и осетинскій—по лѣвую, гдѣ и простояли до 25-го сентября. 25-го сентября полкъ отступилъ съ береговой линіи, 2-й дивизіонъ расположился въ селеніи Кеплы для содержанія передовыхъ постовъ, 1-я сотня—въ селеніи Еникіой и 2-я въ городѣ Узунъ-Кепри. Дѣятельность свою полкъ закончилъ окупаціей Болгаріи.

Въ теченіи всей войны полкомъ командовалъ полковникъ Левисъ-Офъ-Менаръ. За военныя отличія, оказанныя полкомъ въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) знаки отличія на головные уборы, 1-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ», съ сохраненіемъ прежней надписи: «за отличіе въ 1855 году»; 2) знаки отличія на головные уборы 2-й полусотнѣ 1-й сотни, 2, 3 и 4-й сотнямъ, съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ»*).

*) Численный составъ 1-го Владикавказскаго казачьяго полка.

	Число людей.								
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Отпущено по неспособности.	Пожаловано знаковъ Св. Георгія.	Пожаловано золотое оружіе.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни			
Офицеровъ	29	»	»	6	1	»	»	2	2
Урядниковъ	59	5	2	18	2	»	3	49	»
Казаковъ	520	94	24	79	13	12	20	164	»
Итого . .	608	99	26	103	16	12	23	215	2

2-й Кизляро-Гребенской полкъ, получивъ 18-го сентября 1876-го года Высочайшее повелѣніе мобилизоваться, ровно черезъ десять дней выступилъ изъ Владикавказа, вполнѣ организованный и 2-го ноября прибылъ въ городъ Александрополь, откуда направленъ для занятія кордонной линіи съ штабъ-квартирой въ селеніи Шишъ-Тапа. По объявленіи войны, 12-го апрѣля 1877-го года—вступилъ въ составъ 2-й сводной кавалерійской дивизіи дѣйствующаго корпуса и, въ полномъ составѣ, перейдя черезъ пограничную рѣку Арпачай, открылъ военныя дѣйствія снятіемъ пограничныхъ турецкихъ постовъ. Вслѣдъ за переходомъ черезъ границу, полкъ, въ составѣ почти всей кавалеріи дѣйствующаго корпуса, бывшей подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, направился къ крѣпости Карсу и участвовалъ въ преслѣдованіи турецкой колонны, отступавшей къ Соганлугскому перевалу. По соединеніи нашей кавалерійской колонны съ главными силами у селенія Заимъ, полкъ участвовалъ въ дѣлѣ подъ Магараджикомъ 13-го и при разбитіи на голову турецкой кавалеріи, бывшей подъ начальствомъ генерала Муссы-Кундухова, при селеніи Бегли-Ахметъ 17-го мая. 3-го іюня полкъ принималъ участіе при отраженіи вылазки Карсскаго гарнизона у селенія Аравартанъ, а 13-го числа того-же мѣсяца въ—неудачномъ для нашихъ войскъ—дѣлѣ подъ селеніемъ Зивинъ. Послѣ снятія обложенія крѣпости Карса, полкъ былъ отправленъ на Арпачай, для занятія пограничныхъ постовъ и наблюденія за нашей границей отъ Александрополя до района Эриванскаго отряда. Занявъ посты, полкъ отражалъ попытки мелкихъ турецкихъ партій совершать нападенія на пограничныя селенія и велъ почти ежедневную съ ними перестрѣлку. Послѣ чего, при общемъ наступленіи нашего дѣйствующаго корпуса, въ сентябрѣ, къ Аладжинскимъ высотамъ—вошелъ въ составъ обходной колонны генералъ маіора Шелковникова и, переправившись черезъ рѣку Арпачай у Камбинской переправы, 19-го числа

участвовалъ въ дѣлѣ подъ Кизилъ-Гула, а 20-го очутился въ тылу турецкой арміи на вершинѣ Аладжи. Къ сожалѣнію, малочисленность отряда вынудила генерала Шелковникова отступить съ большими потерями. Громкія дѣла 2-го и 3-го октября, закончившіяся плѣненіемъ значительной части арміи Мухтара-паши, не обошлись безъ Кизляро-Гребенцовъ, причемъ три сотни были въ обходной колоннѣ генералъ-лейтенанта Лазарева, 2-я же сотня, вмѣстѣ съ 3-мъ эскадрономъ Нижегородскаго драгунскаго полка была направлена для производства рекогносцировки къ селенію Хаджи-Халиль. Возвращаясь на соединеніе къ своимъ частямъ, 2-я сотня, наткнувшись на шедшіе въ походномъ порядкѣ 6 баталіоновъ турецкой пѣхоты, прорубилась сквозь это неожиданное препятствіе, но, встрѣтивъ на своемъ дальнѣйшемъ пути непроходимый оврагъ, принуждена была повернуть назадъ и вторично шашками прорубать себѣ путь, причемъ понесла значительныя потери людьми и лошадьми; въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ хорунжій Ушинкинъ. Во время вторичнаго обложенія крѣпости Карса, полкъ былъ въ составѣ 3-й сводной кавалерійской дивизіи у селенія Бозгала, противъ Шорохскихъ высотъ. Утомительная аванпостная служба, съ почти ежедневной перестрѣлкой, выпала на долю полка вплоть до взятія штурмомъ крѣпости Карса. Во время ночнаго штурма Карса, значительная часть крѣпостнаго гарнизона имѣла намѣреніе прорваться къ Эрзеруму, но наткнувшись у селенія Бозгала на 2-й Кизляро-Гребенской полкъ и нѣкоторыя другія части, сложила оружіе и сдалась военноплѣнными. Послѣ взятія Карса полкъ находился въ составѣ Соганлугскаго отряда и былъ при блокадѣ Эрзерума и сдачѣ турками этой крѣпости нашимъ войскамъ. По заключеніи предварительнаго мира съ Турціей, полкъ возвратился въ Александрополь, а затѣмъ въ іюнѣ 1878-го года прибылъ въ урочище Джелалъ-Оглы, откуда 28-го августа выступилъ въ свой полковой округъ, гдѣ и расформированъ.

2-мъ Кизляро-Гребенскимъ полкомъ командовали: съ 28-го сентября 1876 года по 4-е марта 1878 года—полковникъ Климентовъ (умеръ отъ тифа); съ 4-го марта по 25-е іюня, временно-командующій войсковой старшина Ракуса-Сущевскій и съ 25-го іюня по день роспуска полка, подполковникъ Валуевъ. За военныя отличія, оказанныя полкомъ въ кампанію 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы: 1) георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за взятіе Карса 6-го Ноября 1877 года»; 2) знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ» *).

1-й Горско-Моздокскій полкъ выступилъ 3-го ноября 1876 года изъ селенія Еленендорфъ (Елизаветпольской губерніи) въ городъ Александрополь, куда и прибылъ 25-го ноября, откуда былъ назначенъ въ селеніе Хаджи-Бекъ, гдѣ и находился вплоть до объявленія войны. Снятіе турецкихъ кордонныхъ постовъ было первымъ дѣломъ полка, въ первый-же день по объявленіи войны, причемъ убитъ казакъ, первая жертва съ русской стороны во время послѣдней войны; затѣмъ преслѣдованіе до Соганлуга, бѣжавшаго изъ подъ Карса значительнаго отряда непріятельской пѣхоты, 26-го ап-

*) Численный составъ 2-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка.

	Число людей.									
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаками Военнаго ордена.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.				
Офицеровъ . . .	11	1	1	»	»	3	3	1	13	»
Урядниковъ . . .	44	5	2	1	»	17	5	1	62	32
Казаковъ	550	68	18	24	1	138	41	»	389	46
Итого . .	605	74	21	25	1	158	49	2	465	78

рѣля была предпринята небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ рекогносцировка Карсскихъ укрѣпленій и на обратномъ пути, перейдя Чолгаурскія высоты, отрядъ, недоходя деревни Меликъ-Кіой, былъ атакованъ съ праваго фланга и тыла отрядомъ турецкихъ войскъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, но полкъ, спѣшившись, продолжалъ движеніе, ружейнымъ огнемъ отбивая всѣ атаки непріятельской кавалеріи на протяженіи пяти верстъ. 4-го мая полкъ принималъ участіе съ юго-восточной стороны, при взятіи Геллявердинскихъ высотъ подъ Ардаганомъ, а на слѣдующій день, во время штурма этой крѣпости, преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля на разстояніи восьми верстъ, причемъ было взято казаками въ плѣнъ нѣсколько турецкихъ офицеровъ и болѣе ста солдатъ. До 20-го сентября полкъ принималъ участіе въ цѣломъ ряду рекогносцировокъ и перестрѣлокъ, въ то же время исполняя тяжелую аванпостную службу. 5-го іюля 1-я и 3-я сотни были поставлены на военное сообщеніе между Карсомъ и Александрополемъ, а 2-я и 4-я вошли въ составъ отряда генерала Геймана, подъ начальствомъ котораго и участвовали въ дѣлахъ 6-го августа при Б. Ягны и 20-го сентября. 27-го сентября 2-я и 4-я сотни вошли въ составъ особаго кавалерійскаго отряда, назначеніе котораго состояло въ поддержаніи связи между главными силами дѣйствующаго корпуса и отрядомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, направленнымъ въ обходъ Аладжинскихъ высотъ. 10-го октября двѣ вышеназванныя сотни выступили за Соганлугъ и прибыли 13-го числа въ селеніе Зивинъ. На этой позиціи полкъ оставался до 16-го ноября, когда эти сотни были подвинуты къ войскамъ, назначеннымъ для блокады Эрзерума, гдѣ къ нимъ присоединились и остальныя двѣ сотни. 15-го декабря 1-я и 2-я сотни изъ Гассанъ-Кала были направлены въ составъ отряда блокировавшаго Эрзерумъ со стороны Деве-Бойну. Въ теченіи полуторамѣсячной стоянки на высотахъ Деве-Бойну, на высотѣ 8000 футъ надъ поверхностью моря, при 22-хъ и болѣе гра-

дусахъ мороза, притомъ безъ палатокъ, въ снѣгу и зачастую безъ хлѣба, эти сотни переносили тяжкіе труды и лишенія. Вьюги и мятели прекращали сообщеніе съ продовольственными складами, а пріобрѣтать хлѣбъ и продукты покупкой на мѣстѣ было невозможно, такъ какъ вся окрестная мѣстность была разорена и вблизи расположенія войскъ не было никакого населенія. 29-го января 1878 года полкъ, соединившись вмѣстѣ, занялъ нѣсколько селеній съ сѣверо-западной стороны обложенной крѣпости. 7-го февраля полкъ былъ передвинутъ въ городъ Ольты, гдѣ и находился до 12-го мая, понеся значительныя потери умершими отъ тифа. 12-го мая полкъ былъ экстренно вызванъ въ Эрзерумъ, гдѣ и оставался до 17-го іюня, когда получилось приказаніе выступить на отдыхъ въ селеніе Хаджи-Халиль, а 1-го августа 1-й Горско-Моздокскій полкъ былъ придвинутъ къ Карсу. 11-го сентября полкъ выступилъ въ городъ Ольты и занялъ, согласно дислокаціи, ольтинскую кордонную линію. 1-мъ Горско-Моздокскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Фіерковскій. За военныя отличія, оказанныя полкомъ въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ» *).

*) Численный составъ 1-го Горско-Моздокскаго казачьяго полка.

	Число людей.									
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сбущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаками отлич. Воен. орд.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.				
Офицеровъ . . .	13	3	»	»	»	1	»	»	9	»
Урядниковъ . . .	26	5	»	»	»	10	2	»	27	27
Казаковъ	486	68	1	17	2	123	12	»	373	44
Итого . .	525	76	1	17	2	134	14	»	409	71

2-й Горско-Моздокскій полкъ выступилъ изъ города Владикавказа 28-го сентября 1876-го года и 26-го октября прибылъ въ городъ Александрополь, откуда и былъ направленъ на зимовыя квартиры въ селенія Родіоновку, Тамбовку, Пого и Канзы. Въ первый-же день по объявленіи войны полкъ, перейдя черезъ рѣку Арпачай, снялъ Шишъ-Тапинскій турецкій постъ, захвативъ въ плѣнъ 1-го оберъ-офицера и 8-мь нижнихъ чиновъ. 16-го, 17-го и 18-го апрѣля 2-я и 3-я сотни полка участвовали въ движеніи кавалерійскаго отряда къ Саракамышу для преслѣдованія ушедшей изъ крѣпости Карса въ Эрзерумъ значительной части войскъ. На возвратномъ пути эти-же сотни имѣли дѣло съ турецкой кавалеріей у селенія Кани-Кіой. 23-го іюля, полкъ, подъ начальствомъ командовавшаго бригадою генералъ-маіора князя Щербатова, былъ отправленъ въ Эриванскій отрядъ, гдѣ и пробылъ до 23-го августа, а 28-го числа того-же мѣсяца вернулся на Караялъ. 20-го, 21-го и 22-го сентября полкъ участвовалъ въ общемъ наступательномъ движеніи на турецкій лагерь, войскъ дѣйствующаго корпуса, причемъ, вслѣдствіе приказанія командующаго дѣйствующимъ корпусомъ, 3-я и 4-я сотни, подъ личнымъ начальствомъ командующаго полкомъ маіора Алтадукова, атаковали (20-го сентября) 4 роты турецкой пѣхоты, обратили ихъ въ бѣгство, изрубивъ до 150 турокъ, въ томъ числѣ трехъ офицеровъ. 3-го октября полкъ участвовалъ при взятіи Аладжинскихъ высотъ, причемъ захватилъ четыре орудія, послѣ чего съ горы спустился къ полку Омаръ-паша и изъявилъ согласіе сдаться въ плѣнъ съ командуемой имъ бригадой. Въ ночь съ 16-го на 17-е октября полкъ участвовалъ при взятіи города Гассанъ-Кала. 23-го октября, во время боя на Деве-Бойну, Горско-Моздокцы захватили съ бою 6 орудій и тѣмъ закончили свою блестящую боевую дѣтельность во время войны 1877—78 годовъ. До іюля 1877-го года полкомъ командовалъ подполковникъ Сержпутовскій, а съ іюля до окончанія войны маіоръ Алтадуковъ.

За военныя отличія, оказанныя полкомъ въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года»; 2) знаки отличія на головные уборы, съ надписью «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ». *)

1-й Волгскій полкъ прибылъ съ постовъ Тифлисской губерніи въ составъ дѣйствующаго на Кавказско-Турецкой границѣ корпуса 2-го ноября 1876 года и, по объявленіи войны, 12-го апрѣля перешелъ Арпачай, послѣ чего участвовалъ въ поискахъ къ Соганлугу. Съ уходомъ колонны главныхъ силъ къ Ардагану, 1-й Волгскій полкъ расположился въ составѣ отряда въ Енгикеѣ, откуда производилъ цѣлый рядъ развѣдокъ къ Карсу. При образованіи двухъ отрядовъ, имѣвшихъ назначеніемъ обложеніе кр. Карса, полкъ вошелъ въ составъ отряда генерала Геймана, для дѣйствій съ юго-западной стороны крѣпости. При движеніи 13-го мая отряда генералъ-маіора Лорисъ-Меликова къ Визинкеву, полкъ шелъ во главѣ колонны; въ этотъ день спѣшенная 3-я сотня отбила нѣсколько турецкихъ атакъ. Во время Бегли-Ахметска-

*) Численный составъ 2-го Горско-Моздокскаго казачьяго полка.

Ч И С Л О Л Ю Д Е Й.										
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сдущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаковъ отл. воен. ордена.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни				
Офицеровъ . . .	14	10	»	3	»	3	1	5	15	1
Урядниковъ . . .	60	4	»	2	»	8	4	6	100	40
Казаковъ	553	68	10	19	1	151	21	215	316	75
Итого . .	627	82	10	24	1	162	26	226	431	116

го дѣла полкъ бросился къ пути отступленія турецкой кавалеріи, съ которой и имѣлъ дѣло. Горцы, потерявъ значекъ, отбитый казаками 1-го Волгскаго полка, обратились въ бѣгство. Подъ Зивиномъ полкъ участвовалъ въ обходной колоннѣ. 6-го августа Волгцы прикрывали отступленіе пѣхоты. 11-го августа полкъ выступилъ изъ Башъ-Кадыкляра въ отрядъ генерала Девеля на подкрѣпленіе Эриванскаго отряда, но занятіе турками Кизилъ-Тапы, заставило вернуться въ составъ главныхъ силъ. 20-го сентября 1-й Волгскій полкъ не принималъ активнаго участія въ бою, такъ какъ находился въ колоннѣ генерала Лазарева, на долю которой выпало дѣйствовать главнымъ образомъ лишь артиллерійскимъ огнемъ. Во время обходнаго движенія отряда генерала Лазарева и славныхъ боевъ 2-го и 3-го октября, закончившихся полнымъ разгромомъ арміи Мухтаръ-Паши и взятіемъ въ плѣнъ 7 пашей, 252-хъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 9 тысячъ нижнихъ чиновъ, полкъ лишился своего, незадолго передъ тѣмъ сдавшаго полкъ, славнаго командира полковника Крузенштерна, командовавшаго бригадой, смертельно раненаго пулей и умершаго черезъ нѣсколько дней. При сформированіи отряда генерала Геймана для движенія за Соганлугъ, 1-й Волгскій полкъ отдѣлилъ лучшихъ доброконныхъ три сотни, изъ которыхъ двѣ участвовали при Деве-Бойну и во время обложенія Эрзерума, перенеся тифъ, безкормицу и всѣ тягости зимней стоянки при двадцатиградусныхъ морозахъ. 1-мъ Волгскимъ полкомъ командовали: до 7-го іюля 1877 года полковникъ Крузенштернъ, съ 7-го іюля полковникъ Воробьевъ и съ 20-го апрѣля 1878 года войсковой старшина князь Джамбакуріанъ-Орбеліани.

За военныя отличія, оказанныя полкомъ въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку:

1) георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года»; 2) 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ знаки отличія на головные уборы, съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 г.»;

3) 1-й сотнѣ знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи: «за отличіе 30-го августа 1855 года» новой «и за турецкую войну 1877—78 годовъ»*).

2-й Волгскій полкъ сформированъ въ станицѣ Прохладной 27-го сентября 1876 года и выступилъ изъ города Владикавказа 3-го октября, а 26-го числа того-же мѣсяца, прибылъ въ городъ Александрополь, откуда и былъ направленъ для занятія кордонной пограничной линіи въ селенія Баяндуръ, Сафалъ-Верды, Казарабадъ и Агинъ. Поступивъ въ составъ 2-й сводно-кавалерійской дивизіи, полкъ перешелъ границу въ первый же день по объявленіи войны и затѣмъ участвовалъ въ поискѣ кавалеріи къ Соганлугу. Первое серьезное дѣло, въ которомъ пришлось принять участіе 2-му Волгскому полку было дѣло 13-го мая подъ Магараджикомъ, въ которомъ, прикрывая лѣвый флангъ, полкъ атаковалъ и заставилъ отступить вышедшія изъ Карса войска. Въ Беглі-Ахметскомъ дѣлѣ полкъ, находясь въ лѣвой колоннѣ, сильно содѣйствовалъ успѣху. Затѣмъ, войдя въ составъ отряда генерала Геймана — принималъ участіе въ дѣлѣ подъ Зивиномъ въ составѣ обходной колонны и, когда оказалось, что дорога, избранная для обходнаго движенія настолько плоха, что приходилось орудія и зарядные ящики спускать на канатахъ,

*) Численный составъ 1-го Волгскаго казачьяго полка.

	Число людей.								
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Слущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Пожалов. знаковъ отл. Воен. орд.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.			
Офицеровъ . . .	16	1	»	3	1	2	«	»	»
Урядниковъ . . .	27	4	1	1	1	12	2	3	32
Казаковъ	455	68	2	5	2	82	7	»	58
Итого . .	498	73	3	9	4	96	9	3	90

причемъ кавалерійскія части подошли къ такому глубокому со скалистыми берегами оврагу, что нечего было и думать перейти черезъ него конными, то начальникъ колонны, желая во что-бы то ни стало исполнить возложенную на него задачу, приказалъ волгцамъ вмѣстѣ съ тушинской сотней и тифлисскимъ дворянскимъ дивизіономъ, спѣшиться и достигнуть противуположный берегъ, что и было сдѣлано ими послѣ неимовѣрныхъ усилій. Появленіе значительно превышающихъ численностью турецкихъ силъ заставило ихъ отступить. 6-го августа полкъ прикрывалъ отступленіе отряда генерала Комарова. Въ дѣлѣ 20-го сентября 1-я и 3-я сотни входили въ составъ лѣвой колонны, бывшей подъ начальствомъ генерала Лазарева, а 2-я и 4-я вошли въ составъ обходной колонны Шелковникова, причемъ сотня снабженная ракетами не дозволяла непріятельской кавалеріи принять дѣятельное участіе въ преслѣдованіи отступавшихъ. Въ этомъ же дѣлѣ на долю волгцевъ пришлось спѣшенными прикрывать отступленіе отряда. 2-го октября спѣшенные казаки 2-го Волгскаго полка, занявъ отрогъ ближайшій къ Базарджику, открыли огонь противъ турецкихъ баталіоновъ, спустившихся съ высоты и намѣревавшихся двинуться въ обходъ отряда генерала Цытовича. Мокрые луга, покрывавшіе котловину, не дозволяли туркамъ приблизиться настолько къ казакамъ, чтобы, оттѣснивъ ихъ, совершить задуманный ими обходъ, вслѣдствіе чего они принуждены были вести безплодную перестрѣлку съ подошвы Базарджикскихъ высотъ; казаки же, вооруженные берданками, наносили въ теченіи получаса, вплоть до замѣны ихъ стрѣлковымъ баталіономъ, значительный вредъ непріятелю. За дѣла 2-го октября командиръ полка князь Орбеліани пожалованъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. 6-го октября полкъ вступилъ въ составъ Соганлугскаго отряда, причемъ, въ виду крайне изнуреннаго состоянія лошадей, образованъ былъ сводный полкъ пятисотенный, вмѣстѣ съ доброконными казаками 1-го Волгскаго полка. Остальныя сводныя три

сотни вернулись изъ Ардоста и присоединились къ Карсскому отряду. 1-й и 4-й сотнямъ пришлось дѣйствовать въ составѣ Соганлугскаго отряда при занятіи города Гассанъ-Кала и въ сраженіи при Деве-Бойну, а 3-я сотня, войдя въ составъ отряда генерала Алхазова участвовала 24-го октября при занятіи карсскаго укрѣпленія Хафисъ и при штурмѣ Карса, чѣмъ и закончилась боевая дѣятельность полка. 2-мъ Волгскимъ полкомъ командовали: до 26-го октября 1876 года войсковой старшина Дьяченко, отъ 26-го октября 1876 года до 4-го мая 1878 года, войсковой старшина князь Джамбакуріанъ-Орбеліани, отъ 4-го мая 1878 года флигель-адъютантъ ротмистръ князь Голицынъ. За военныя отличія оказанныя полкомъ въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) 1-й и 4-й сотнямъ георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года»; 2) 2-й и 3-й сотнямъ георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года»; 3) 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за отличіе въ турецкую войну 1877—78 годовъ»; 4) 1-й сотнѣ знаки отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи: «за отличіе въ 1855 году» новой «и за турецкую войну 1877—78 год.» *).

*) Численный составъ 2-го Волгскаго казачьяго полка.

	Число людей.									
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожаловано знаковъ Св. Георгія.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.				
Офицеровъ . . .	17	2	»	»	»	»	»	4	15	1
Урядниковъ . . .	45	4	1	3	1	6	5	1	127	40
Казаковъ	555	62	5	21	2	70	25	»	340	76
Итого . .	617	74	6	24	3	76	30	5	482	117

2-й Владикавказскій полкъ былъ сформированъ окончательно 27-го сентября, слѣдовательно черезъ девять дней по объявленіи Высочайшаго повелѣнія о мобилизаціи и 1-го октября выступилъ изъ города Владикавказа. 26-го числа, того же мѣсяца, полкъ былъ размѣщенъ на зимовыя квартиры по селеніямъ Ахалцихскаго уѣзда: Вачіанъ, Сульды, Карзахъ и Окамъ. Предъ объявленіемъ войны полкъ вошелъ въ составъ Ахалцихскаго отряда. Въ первый же день по переходѣ черезъ нашу границу 1-я и 2-я сотни полка, двинувшись къ селенію Канарбель, гдѣ былъ расположенъ непріятельскій постъ и эскадронный дворъ—захватили въ плѣнъ всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ. 2-го и 3-го мая полкъ, находясь подъ Ардаганомъ, совершалъ рекогносцировки, главнымъ образомъ, передъ укрѣпленіемъ Рамазанъ-Табія. Послѣ взятія Ардагана, полкъ, вмѣстѣ съ Тверскими драгунами, подъ общей командой свиты Его Величества генералъ-маіора Шереметьева, въ ночь на 9-е мая, двинулся къ Ольтамъ и въ двое сутокъ, сдѣлавъ болѣе 150-ти верстъ, повернулъ по направленію къ Карсу и 12-го мая прибылъ къ мѣсту расположенія главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса у селенія Заимъ, откуда перешелъ въ Самоватское ущелье, получивъ назначеніе поддерживать и обезпечивать сообщеніе отрядовъ генераловъ Девеля и Геймана. Все время, вплоть до снятія первой осады Карса, полку, въ полномъ своемъ составѣ или частями, приходилось чуть не ежедневно имѣть столкновеніе съ непріятелемъ и нести тяжелую аванпостную и развѣдывательную службу. 6-го іюля, при движеніи кавалеріи главныхъ силъ отъ селенія Паргетъ къ Башъ-Кадыкляру, полкъ получилъ приказаніе остаться у подножья горы Б. Ягны и, выставивъ по направленію къ селенію Суботанъ наблюдательные посты, ожидать смѣны или особаго распоряженія. Освѣтивъ означенную мѣстность и окончивъ разстановку постовъ, было замѣчено что между Авліаромъ и горой Б. Ягны показалась непріятельская пѣхота съ артиллеріей, а правѣе дви-

нулась большая масса кавалеріи, о чемъ тотчасъ же было послано донесеніе. Спустя часъ времени, а именно около 3-хъ часовъ пополудни, непріятельская кавалерія начала сильно тѣснить передовые посты праваго фланга и, не давъ имъ отступить къ своимъ частямъ, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, атаковала полкъ, но, дружно и съ значительной для нее потерей, была отброшена. Преслѣдованіе опрокинутаго непріятеля не могло долго продолжаться, въ виду того, что съ наблюдательнаго поста, поставленнаго на лѣвомъ флангѣ, дали знать, что другая часть непріятельской кавалеріи обходитъ полкъ по направленію отъ Хаджи-Вали, почему полкъ, съ цѣлію не дать возможности непріятелю отрѣзать путь отступленія, немедленно отступилъ на первоначально избранную позицію, гдѣ, спѣшившись, отбилъ нѣсколько атакъ и держался болѣе двухъ часовъ противъ непріятельской кавалеріи, успѣвшей соединиться и окружить полкъ со всѣхъ сторонъ. Почти полное истощеніе бывшихъ съ казаками патроновъ заставило командира полка, полковника Панина, рѣшиться на рискованный шагъ, пробиться сквозь непріятеля, для чего, избравъ слабѣйшій пунктъ по направленію къ Курюкъ-Дара, полкъ быстрымъ и сильнымъ натискомъ заставилъ непріятеля очистить дорогу и началъ отступать, унеся своихъ раненыхъ и дорогою цѣною уступая непріятелю каждый шагъ..... За это дѣло, въ которомъ не участвовалъ ни одинъ человѣкъ другой части, полку Высочайше пожалованъ георгіевскій штандартъ съ надписью: «за дѣло 6-го іюля 1877 г.». 13-го августа полкъ до поздней ночи участвовалъ въ дѣлѣ подъ Кизилъ-Тапой, а 5-го сентября 2-я сотня полка, находясь на аванпостахъ, выдержала сильный натискъ непріятельской кавалеріи и затѣмъ сама, перейдя въ наступленіе, на глазахъ Его Императорскаго Высочества сдѣлала нѣсколько блистательныхъ атакъ. 14-го сентября полкъ, посланный на встрѣчу и поддержку отряда генерала Комарова, слѣдовавшаго изъ подъ Ардагана, имѣлъ славное кавалерійское дѣло съ турецкой

регулярной кавалеріей, причемъ непріятель потерялъ болѣе 50-ти человѣкъ убитыми. 20-го и 21-го сентября полкъ участвовалъ въ дѣлѣ при занятіи и удержаніи за собой сильной позиціи Б. Ягны, а 3-го октября—въ дѣлѣ подъ Аладжинскими высотами и въ преслѣдованіи отступавшаго непріятеля съ взятой кавалеріей укрѣпленной позиціи Малыя Ягны. Съ 8-го октября полкъ поступилъ въ составъ корпуса, осаждавшаго крѣпость Карсъ и занималъ аванпосты черезъ день, имѣя безпрерывныя стычки съ непріятельской кавалеріей, съ 24-го же октября по 5-е ноября полкъ уже безсмѣнно стоялъ на аванпостахъ, гдѣ на долю казаковъ, не говоря уже о безсонныхъ ночахъ, пришлось вынести недостатокъ воды и скверную, сырую и холодную, осеннюю погоду, при невозможности развести огонь, чтобы обогрѣться. Послѣдней боевой страницей полка былъ штурмъ Карса. За военныя отличія, оказанныя полкомъ въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) георгіевскій штандартъ съ надписью: «за дѣло 6-го іюля 1877 года»; 2) георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877-го года». До 1-го іюня 1878 года полкомъ командовалъ полковникъ Панинъ, съ 1-го же іюня—подполковникъ Дружининъ. *)

*) Численный составъ 2-го Владикавказскаго казачьяго полка.

Ч И С Л О Л Ю Д Е Й.										
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Слущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаковъ отл. Воен. ор.
					Отъ ранъ	Отъ болѣзни				
Офицеровъ	10	1	»	1	»	»	»	1	17	»
Урядниковъ	40	4	1	3	1	4	7	»	61	»
Казаковъ	558	68	4	39	2	27	26	2	465	139
Итого . .	608	73	5	43	3	31	33	3	543	139

1-я конно-артиллерійская батарея, въ составѣ дивизіона, (по мирному положенію) выступила изъ Владикавказа 18-го сентября 1876 года и прибыла въ городъ Александрополь 9-го октября, откуда направлена на зимовыя квартиры въ селеніе Казанчи. 2-й дивизіонъ, вновь сформированный, засталъ 1-й дивизіонъ въ этомъ селеніи, куда прибылъ 1-го января 1877 года. Незадолго до объявленія войны 1-я Терская батарея придвинулась къ Бояндуру, куда къ тому же времени стянулась вся 2-я сводная кавалерійская дивизія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова. Рано утромъ 12-го апрѣля батарея двинулась со всей кавалеріей къ турецкой границѣ и, по наведенному саперами мосту, перешла черезъ пограничную рѣку Арпачай, послѣ чего до 18-го числа участвовала въ преслѣдованіи отступавшихъ отъ Карса турокъ до Соганлугскаго хребта. 18-го апрѣля утромъ наша кавалерія двинулась обратно къ селенію Караджуранъ. Изъ Карса вышло четыре турецкихъ табора съ батареей. Голова колонны была встрѣчена орудійными выстрѣлами, тогда какъ по дорогѣ къ селенію Магараджикъ показался еще одинъ турецкій баталіонъ. Когда наши войска втянулись въ ущелье, то черкесы, занявъ высоты лѣвой стороны, открыли сильный огонь по проходящимъ внизу нашимъ войскамъ. Такое непріятное и невыгодное положеніе, впрочемъ, продолжалось не долго, такъ какъ батарея, выѣхавъ на высоты, открыла огонь и, поддержанная спѣшенными нижегородцами, быстро отогнанала смѣльчаковъ; затѣмъ, обративъ орудійный огонь на непріятельскую батарею, заставила ее замолчать, подбивъ одно орудіе. 14-го мая первый дивизіонъ сопровождалъ изъ селенія Заимъ до Визинкева начальника кавалеріи и съ нимъ Кавказскій казачій полкъ и въ тотъ же день вернулся обратно, сдѣлавъ около сорока пяти верстъ. 3-го іюня, при отступленіи турокъ послѣ Аравартанскаго дѣла, мѣткими выстрѣлами перваго дивизіона, направленными во флангъ, произведено окончательное разстройство въ отступавшихъ таборахъ. 9-го

іюня, батарея двинулась черезъ Соганлугъ и передъ разсвѣтомъ подошла къ Зивину. Въ этотъ день батареѣ пришлось совершить трудное обходное движеніе, вмѣстѣ съ кавалеріей отряда и, хотя къ вечеру батарея была уже не болѣе какъ въ пяти верстахъ отъ праваго фланга Зивинской позиціи, но крутизна послѣдняго подъема, отсутствіе дороги и полное истощеніе силъ у лошадей заставили начальника кавалеріи отряда генерала князя Чавчавадзе отказаться отъ дальнѣйшаго движенія. Съ 1-го іюня батарея находилась въ авангардномъ лагерѣ у селенія Башъ-Кадыкляръ, откуда нѣсколько разъ сопровождала войска, ходившія на рекогносцировки. 6-го августа первый дивизіонъ прикрывалъ отступленіе нашей пѣхоты. Во время боя подъ Кизилъ-Тапой батарея подверглась сильному ружейному огню со стороны, залегшей за большими камнями, турецкой пѣхоты, но съ помощью штраппели удалось выбить стрѣлковъ изъ за закрытія и заставить ихъ прекратить огонь. Послѣ боя подъ Кизилъ-Тапой батарея, съ 18-го августа, стояла безъ дѣла на Караялѣ, вплоть до 20-го сентября, когда въ полдень, занявъ позицію у Б. Ягны, противъ Авліара, отбила турецкую пѣхоту, бросившуюся на наши отходящія цѣпи стрѣлковъ и заставила замолчать и сняться съ позиціи непріятельскую батарею. 27-го сентября, пройдя двѣнадцать верстъ на рысяхъ, 1-й дивизіонъ, подойдя къ горѣ Инахъ-Тепе, вступилъ въ бой съ турецкой батареей, занимавшей сильную позицію и послѣ получасовой перестрѣлки вернулся въ свой лагерь, откуда черезъ часъ, уже въ составѣ батареи, выступилъ съ обходной колонной генерала Лазарева. 2-го октября батарея принимала дѣятельное участіе при занятіи Орлокскихъ высотъ, а на слѣдующій день, двинувшись къ Визинкевскимъ укрѣпленіямъ, открыла огонь по отступающимъ туркамъ, чѣмъ много способствовала окончательному ихъ разгрому. Послѣ Аладжинскихъ боевъ батарея раздѣлилась на два дивизіона, причемъ 2-й дивизіонъ былъ двинутъ въ авангардѣ отряда генерала Геймана къ Соганлу-

гу. 18-го октября отрядъ подошелъ къ городу Гассанъ-Кала; дивизіонъ снялся съ передковъ и началъ бомбардировать городъ. 23-го съ утра начался артиллерійскій бой на Деве-Бойну, причемъ, кавалерія, въ составѣ которой находился и дивизіонъ, направилась мимо трехъ турецкихъ укрѣпленныхъ позицій прямо къ ставкѣ Мухтара-Паши. Въ этотъ день дивизіонъ три раза снимался съ позиціи и огнемъ своимъ заставлялъ турокъ спѣшить отступленіемъ, не успѣвая захватить съ собою орудія. Въ ночь на 28-е батарея прикрывала отступленіе пѣхоты, послѣ штурма Эрзерумскаго форта Азизіе. Съ 15-го ноября дивизіонъ былъ передвинутъ къ селенію Эсанджѣ, гдѣ и расположился на зимнія квартиры, 1-й же дивизіонъ оставался на зимнихъ квартирахъ въ Карсской области. 9-го марта 1878 года 2-й дивизіонъ, сильно пострадавшій отъ тифа, соединился съ 1-мъ и вмѣстѣ направились къ городу Александрополю. 12-го октября батарея прибыла въ новую штабъ квартиру Ханъ-Кенды. Батареей командовалъ все время войны полковникъ Прозоркевичъ. За военныя отличія, оказанныя батареей въ войну 1877—78 годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы батареѣ: 1) къ надписи на георгіевскихъ серебряныхъ трубахъ «за Кавказскую войну» добавлена новая надпись: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года»; 2) петлицы за военное отличіе на бешметахъ штабъ и оберъ-офицеровъ *).

*) Численный составъ 1-й Конно-Артиллерійской батареи Терскаго казачьяго войска.

ЧИСЛО ЛЮДЕЙ.									
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Слущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Пожалов. знаковъ отл. Воен. орд.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.			
Офицеровъ	5	4	»	1	»	»	»	2	1 зол. оруж.
Урядниковъ, Казаковъ	331	40	2	13	»	17	3	»	53
Итого	336	44	2	14	»	17	3	2	54

2-й Сунженскій полкъ выступилъ изъ Владикавказа, гдѣ онъ находился въ лагерномъ сборѣ, 2-го октября 1876-го года и былъ направленъ въ Эриванскій отрядъ, прибывъ къ которому, размѣщенъ 22-го ноября по зимнимъ квартирамъ въ селеніяхъ Игдырь, Хошхабаръ и Халфалю. 15-го апрѣля 1877-го года полкъ выступилъ къ Чингильскимъ высотамъ и, перейдя черезъ перевалъ (8000—9000 футъ) 17-го апрѣля, находясь все время въ авангардѣ лѣвой колонны, ночевалъ вблизи селенія Арзабъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е, 3-я и 4-я сотни выступили на рекогносцировку къ Баязету и заняли селеніе Зангезуръ. 18-го апрѣля состоялось первое занятіе крѣпости Баязетъ. Вплоть до 11-го мая полкъ производилъ цѣлый рядъ ближнихъ и дальнихъ рекогносцировокъ. 11-го мая полкъ находился въ составѣ отряда расположеннаго у Сурбъ-Оганеза, затѣмъ 22-го мая совершилъ движеніе въ составѣ эриванскаго отряда къ селенію Каракилиса. 2-го іюня полкъ подошелъ къ южному склону Драмъ-Дага, гдѣ оказался непріятельскій отрядъ, занявшій сильную позицію. Послѣ Драмъ-Дагскаго боя 5-го іюня войска заняли Даяръ. 9-го іюня полкъ участвовалъ въ дѣлѣ при отбитіи наступленія турецкихъ войскъ, подъ личнымъ начальствомъ Мухтара-паши, на Даярскую позицію—прикрывалъ отступленіе эриванскаго отряда къ Сурбъ-Оганезу, затѣмъ участвовалъ въ отбитіи попытокъ непріятеля пробиться по Балыхъ-Гельской дорогѣ. При освобожденіи гарнизона крѣпости Баязета отъ осады, полкъ дѣйствовалъ на дорогѣ, ведшей изъ Діадина къ Баязету. 17-го іюля полкъ находился въ числѣ войскъ занимавшихъ Чингильскій перевалъ, а 25-го прибылъ въ Игдыръ. Во время преслѣдованія войскъ Измаилапаши, полкъ 9-го октября участвовалъ въ рекогносцировкѣ къ Сурбъ-Оганезу; 18-го октября прибылъ въ Гассанъ-Кала. 23-го полкъ участвовалъ въ сраженіи при Деве-Бойну. Участіемъ въ этомъ сраженіи полкъ и закончилъ свои дѣйствія въ войну 1877—78-го годовъ. Вернувшись въ Терскую

область, полкъ былъ роспущенъ по станицамъ, 9-го октября 1878 года. Полкомъ все время войны командовалъ войсковой старшина Савенковъ. За военныя отличія, оказанныя 2-мъ Сунженскимъ полкомъ во время русско-турецкой войны 1877—78-го годовъ, Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) серебряныя трубы съ надписью: «за дѣло 9-го іюня 1877-го года; 2) знаки отличія на головные уборы, съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года». *)

1-й Кизляро-Гребенской полкъ, во время русско-турецкой войны 1877—78 годовъ, былъ оставленъ въ области и участвовалъ посотенно въ разныхъ отрядахъ при усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Полкомъ командовалъ полковникъ Гончаровъ. За военныя отличія при усмиреніи мятежниковъ Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) знаки отличія на головные уборы, съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году» 2-й и 3-й сотнямъ; 2) знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣвшимся надписямъ новыхъ объ отличіяхъ оказанныхъ въ 1877 году: 1-й полусотнѣ 1-й сотни къ надписи «за дѣло 24-го іюля 1854-го года» — «и за умиротворе-

*) Численный составъ 2-го Сунженскаго казачьяго полка.

	Число людей.								
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Отчислено по неспособности.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаковъ отлич. Воен. орд.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни			
Офицеровъ	13	»	»	»	»	»	»	13	«
Урядниковъ	48	2	»	1	»	3	»	47	35
Казаковъ	556	71	11	30	4	53	47	484	52
Итого . .	617	73	11	31	4	56	47	544	87

ніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году;» 3) 2-й полусотнѣ 1-й сотни, къ надписи: «за дѣло 30-го августа 1855 года» — «и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году». *)

1-й Сунженскій полкъ во время войны 1877—78 годовъ былъ оставленъ въ области и участвовалъ въ полномъ своемъ составѣ и посотенно въ разныхъ отрядахъ при усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Полкомъ командовалъ до 10-го іюня 1878 года полковникъ Лохвицкій. За военныя отличія при усмиреніи мятежниковъ Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) знаки отличія на головные уборы, 2-й полусотнѣ 1-й сотни, 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ, съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году»; 2) знаки отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ, къ имѣвшимся надписямъ, новыхъ, объ отличіяхъ, оказанныхъ въ 1877 году, пожалованные 1-й полусотнѣ 1-й сотни: къ надписи «за дѣло 30-го августа

---

*) Численный составъ 1-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка.

	Число людей.								
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Слущено по неспособности.	Переведено въ другую часть	Пожалов. знаковъ отл. Воен. ор.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.			
Офицеровъ . . .	17	»	»	2	»	»	»	2	»
Урядниковъ . . .	47	»	»	»	»	»	»	»	8
Казаковъ	470	»	»	13	1	9	3	»	15
Итого . .	534	»	»	15	1	9	3	2	23

1855 года»—«и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». *)

3-й Кизляро-Гребенской полкъ во время русско-турецкой войны 1877—78 годовъ былъ сформированъ и оставленъ въ области, причемъ участвовалъ посотенно въ разныхъ отрядахъ при усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и занималъ кордонную линію. Полкомъ командовалъ войсковой старшина Золотаревъ. За военныя отличія при усмиреніи мятежниковъ Всемилостивѣйше пожалованы полку: 1) знаки отличія на головные уборы, съ надписью «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», 1-й, 2-й и 3-й сотнямъ. **)

*) Численный составъ 1-го Сунженскаго казачьяго полка.

	Число людей.									
	Во время мобилизаціи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Спущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло по окончаніи войны.	Пожалов. знаковъ отл. Воен. орд.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.				
Офицеровъ . . .	14	12	»	»	»	»	»	6	20	»
Урядниковъ . . .	39	36	1	2	»	»	»	11	63	27
Казаковъ	524	30	3	14	2	16	4	34	471	22
Итого . .	577	78	4	16	2	16	4	51	554	49

**) Численный составъ 3-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго полка.

	Число людей.									
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Спущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаковъ отл Воен. орд.
					Отъ ранъ.	Отъ болѣзни.				
Офицеровъ . . .	10	3	»	1	1	1	»	»	11	»
Урядниковъ . . .	41	12	»	»	»	»	»	3	50	6
Казаковъ	542	67	»	5	1	3	10	70	525	3
Итого . .	593	82	»	6	2	4	10	73	586	9

3-й Горско-Моздокскій полкъ во время войны 1877—78 годовъ былъ сформированъ и оставленъ въ области, гдѣ участвовалъ посотенно въ разныхъ отрядахъ при усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и занималъ кордонную линію. Полкомъ командовалъ войсковой старшина Баскаковъ. За военныя отличія Всемилостивѣйше пожалованы 4-й сотнѣ: знаки отличія на головные уборы, съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году» **).

3-й Волгскій полкъ во время войны 1877—78 годовъ былъ сформированъ и оставленъ въ области для кордонной и полицейской службы. Полкомъ командовалъ войсковой старшина Кулаковъ. **)

*) Численный составъ 3-го Горско-Моздокскаго казачьяго полка.

Ч И С Л О Л Ю Д Е Й.	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сущено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаковъ отл. Воен. орд.
					От ранъ.	От болѣзни.				
Офицеровъ	11	11	»	»	»	»	»	5	13	»
Урядниковъ	38	17	»	»	»	»	5	11	52	4
Казаковъ	567	158	1	2	»	4	20	160	540	6
Итого . .	616	186	1	2	»	4	25	176	605	10

**) Численный составъ 3-го Волгскаго казачьяго полка.

	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сущено по неспособности	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожалов. знаковъ отл. Воен. орд.
					От ранъ.	От болѣзни				
Офицеровъ	10	3	„	„	„	„	„	3	10	„
Урядниковъ. . . .	51	27	„	„	„	„	1	27	50	„
Казаковъ	553	330	„	„	„	10	11	308	553	„
Итого . .	614	360	„	„	„	10	12	338	613	„

3-й Владикавказскій полкъ во время войны 1877—78 годовъ былъ сформированъ и оставленъ въ области для кордонной службы. Полкомъ командовалъ полковникъ Баскаковъ *).

3-й Сунженскій полкъ во время войны 1877—78 годовъ былъ сформированъ и оставленъ въ области, причемъ 1-я сотня участвовала при усмиреніи возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ, остальныя же занимали кордонную линію. Полкомъ командовалъ полковникъ Бѣлликъ.

За военныя отличія, оказанныя 1-й сотней при усмиреніи мятежниковъ, Всемилостивѣйше пожалованы оной: знаки отличія на головные уборы, съ надписью: «за усмиреніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году» **).

*) Численный составъ 3-го Владикавказскаго казачьяго полка.

Ч И С Л О Л Ю Д Е Й.	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сочтено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожаловано знаки отл. Воен. ор.
					От ранъ	От болѣзни.				
Офицеровъ . . .	10	„	„	„	„	1	„	1	8	„
Урядниковъ . . .	38	13	„	„	„	1	2	10	38	„
Казаковъ	545	233	1	„	„	7	40	185	545	„
Итого . .	593	246	1	„	„	9	42	196	591	„

**) Численный составъ 3-го Сунженскаго казачьяго полка.

Ч И С Л О Л Ю Д Е Й.	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убито.	Ранено и контужено.	Умерло.		Сочтено по неспособности.	Переведено въ другую часть.	Состояло на лицо при роспускѣ.	Пожаловано знак. отл. Воен. ор.
					От ранъ.	От болѣзни.				
Офицеровъ . . .	8	4	„	„	„	„	„	„	12	„
Урядниковъ . . .	36	6	„	„	„	„	2	„	40	„
Казаковъ	485	110	1	1	„	12	34	3	531	9
Итого . .	529	118	1	1	„	12	36	3	583	9

2-я Конно-артиллерійская батарея во время русско-турецкой войны 1877—78 годовъ не покидала Терской области и принимала участіе при усмиреніи возстанія въ Чечнѣ. Батареей командовалъ по 11 сентября 1877 года войсковой старшина Кривцовъ, а затѣмъ полковникъ Эльяшевичъ. За военныя отличія, оказанныя батареей при усмиреніи мятежниковъ, Всемилостивѣйше пожалованы батареѣ: знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи: «за Кавказскую войну» новой «и умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». *)

*) Численный составъ 2-й Конно-Артиллерійской батареи Терскаго казачьяго войска.

Ч И С Л О Л Ю Д Е Й.										
	При выступленіи находилось.	Прибыло на пополненіе.	Убыло.	Ранено и контужено.	Умерло.		Отчислено по неспособности.	Переведено в другую часть.	Сост. на лицо при пер. на мирн. пол.	Пожаловано знак отл. Воен. орд.
					От ранъ	От болѣзни.				
Офицеровъ . . .	6	„	„	„	„	1	„	„	6	„
Урядниковъ . . .	25	„	„	„	„	1	5	1	32	7
Казаковъ	281	39	„	2	„	2	8	2	312	5
Итого . .	312	39	„	2	„	4	13	3	340	12

ВѢДОМОСТЬ

Знаменамъ и другимъ знакамъ отличія Терскаго казачьяго войска.

Наименованіе частей Терскаго казачьяго войска, а также знаменъ и прочихъ знаковъ отличія, пожалованныхъ этимъ частямъ.	Когда пожалованы.	Гдѣ находятся на храненіи.
ВОЙСКОВЫЯ.		
Пожалованное Кавказскому Линейному казачьему войску и перешедшее въ Терское войско:		
Георгіевское знамя съ надписью: «за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ».	26 августа 1856 года.	Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.
Пожалованныя Терскому казачьему войску:		
Георгіевское знамя съ Александровскою лентою и съ надписью вокругъ знамени: «въ память трехсотлѣтняго существованія Терскаго казачьяго войска» и подъ орломъ «1577—1877 г.г.»	30 августа 1881 года.	
Георгіевское знамя съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ» и подъ орломъ «1577—1880 гг.»	30 августа 1880 года.	

Мундиръ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.	9 сентября 1881 года.	Въ домѣ занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ.
Портретъ Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.	13 сентяб. 1881 года.	Въ приходской церкви станицы Николаевской.
Высочайшая грамота о сокращеніи для всѣхъ чиновъ Терскаго казачьяго войска срока обязательной службы до 15-ти лѣтъ полевой и 7-ми лѣтъ внутренней.	12 іюля 1864 года.	

Пожалованныя бывшему Гребенскому войску и полку:

Въ полку сохранилось 103 знамени и штандартовъ прежнихъ временъ, которые пришли въ такую вѣтхость, что нельзя узнать, къ какому времени они принадлежатъ; знамена и штандарты эти сложены въ ящики.

Два знамени изъ шелковой розовой матеріи, съ изображеніемъ въ серединѣ герба Новгородской губерніи, представляющаго золотое кресло въ серебряномъ полѣ, съ красною подушкою, на которой поставлены крестообразно съ правой стороны скипетръ и съ лѣвой крестъ; на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами и по сторонамъ два стоящіе медвѣдя; при знаменахъ древка съ мѣдными копьями.

Знамя, въ серединѣ котораго изображенъ черный двуглавый орелъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди его, разбросанными литерами, надпись: «за вѣрность», остальныхъ вензелей на груди орла, по вѣтхости, разобрать нельзя. Древко съ мѣднымъ копьемъ.

Знамя изъ розовой шелковой матеріи; на четырехъ наугольникахъ его по пушечному ядру; въ серединѣ черный двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и однимъ опущеннымъ крыломъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди орла, на бѣломъ конѣ, Св. Побѣдоносецъ Георгій, поражающій копьемъ дракона, а подъ нимъ изображены пять знаменъ, двѣ горящія гранаты, киверъ Павловскаго полка и литеры: «П. І.»; древко съ мѣднымъ копьемъ

Знамя изъ зеленой шелковой матеріи, изображеніе въ серединѣ его, за вѣтхостію, вывалилось; древко съ мѣднымъ копьемъ.

Серебряный вызолоченый ковшъ съ надписью по сторонамъ: «Божіею милостію Мы Елисавета первая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая, пожаловала симъ ковшомъ войска Гребенскаго атамана Лукьяна Борисова за его вѣрныя службы 1748 года января 1 дня».

Булава, на верхнемъ концѣ коей серебряная, съ чернью, рукоятка, а на нижнемъ небольшой серебряный наконечникъ. Она пожалована одному изъ войсковыхъ атамановъ Гребенскаго казачьяго войска за оказанныя военныя заслуги, какъ знакъ начальнической его власти. Съ этою булавою выходили на войсковые круги войсковые атаманы для разбирательства и рѣшенія общихъ дѣлъ.

Въ домѣ занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ. Въ приходской церкви станицы Николаевской.

Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ золотою надписью: «за Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ»; въ серединѣ его гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензеля Императора Николая I. Древко съ мѣднымъ вызолоченымъ копьемъ.	Высочайшая грамота этого знамени состоялась 21 сентября 1831 г.	Въ приходской церкви станицы Николаевской
Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта; въ серединѣ его кругъ оранжеваго цвѣта, обведенный лавровымъ вѣнкомъ съ короною, въ которомъ изображенъ съ одной стороны крестъ, а съ другой двуглавый орелъ, въ серединѣ коего изображеніе Св. Георгія. На углахъ вензеля Императора Александра II, обведенные лавровымъ вѣнкомъ съ короною. По краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ надпись: «за военные подвиги противъ горцевъ». Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.	О пожалованіи этого знамени объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 марта 1860 года.	
Пожалованныя бывшему Терскому Семейному казачьему войску, впослѣдствіи поступившему въ составъ Кизлярскаго полка и этому полку, по состоянію его въ Кавказскомъ Линейномъ казачьемъ войскѣ:		
Знамя краснаго цвѣта съ разными украшеніями, кои за вѣтхостью разобрать трудно, и съ надписью: «Божіею милостію Царей и Великихъ Князей Іоан-		Въ приходской церкви ст. Дубовской.

на Алексіевича и Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ. Построено сіе знамя при державѣ Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Великихъ Государей во имя святыя Троицы и Благовѣрнаго Великаго князя Всеволода по Святомъ крещеніи Гавріила. (Псковскій Чудотворецъ)».

«И при бытности въ Псковскомъ Государствѣ ближняго окольнаго и воеводы и Намѣстника Нижегородскаго Петра Матвѣевича Апраксина съ товарищи».

«Отъ сотворенія міра 7201 года марта въ 1-й день».

«Строилъ сіе знамя стольникъ и полковникъ Иванъ Михайловичъ Кокошкинъ, Псковскихъ стрѣльцовъ перваго полку».

Знамя съ изображеніемъ Св. Архистратига Михаила, цвѣта краснаго.

Знамя съ изображеніемъ Св. Великомученика и побѣдоносца Георгія, цвѣта голубаго.

Знамя цвѣта желтаго.

Знамя цвѣта краснаго.

О пожалованіи всѣхъ этихъ знаменъ Терскому семейному казачьему войску послѣдовала Высочайшая грамота, 18 іюня 1740 г. № 7695, данная на имя Наказнаго Атамана сего войска старшинамъ и казакамъ.

Насѣка деревянная, съ обоихъ концовъ окованная серебромъ.		
Насѣка деревянная меньшихъ размѣровъ, съ обоихъ концовъ окованная серебромъ.		
Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ золотою надписью: «за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ», въ серединѣ его изображенъ гербъ Россійской Имперіи, а на углахъ вензелевое изображеніе Имени Государя Императора Николая I. Древко съ мѣднымъ вызолоченымъ копьемъ, пожалованное Терскому семейному казачьему войску, впослѣдствіи поступившему въ составъ Кизлярскаго полка.	Высочайшая грамота состоялась 21 сентября 1831 года.	
На этомъ знамени Высочайше повелѣно прибавить надпись: «за взятіе Андіи и Дарго».	О чемъ объявлено въ приказѣ по бывш. отдѣл. Кавказскому корпусу 30 окт. 1845 г. № 140.	
Георгіевское знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта; въ серединѣ оранжевый кругъ, обведенный лавровымъ вѣнкомъ съ короною; въ кругѣ съ одной стороны крестъ, а съ другой двуглавый орелъ, въ серединѣ коего изображеніе Св. Георгія. На углахъ вензеля Императора Александра II, обведенные лавровымъ вѣнкомъ съ короною. По краямъ знамени, съ обѣихъ сторонъ, надпись: «за военные подвиги противъ горцевъ». Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ; въ основаніи копья георгіевскій темлякъ.	Объявлено въ Высочайшемъ приказѣ 4 марта 1860 года.	Въ приходской церкви станицы Дубовской.

Пожалованныя бывшему Волгскому казачьему войску и Волгскимъ полкамъ:

Знамя изъ шелковой матеріи зеленаго цвѣта; въ серединѣ его Государственный гербъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ «П. III», при знамени двѣ золотыя кисти, а на верху древка желѣзное копье.

Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною, съ изображеніемъ на красномъ полѣ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія на бѣломъ конѣ; при знамени георгіевскія ленты; на древкѣ желѣзное копье.

Знамя изъ шелковой матеріи палеваго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: «П III»; при знамени двѣ золотыя кисти съ георгіевскими лентами; на древкѣ желѣзное копье.

Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственнымъ гербомъ; съ обѣихъ сторонъ его на бѣломъ полѣ изображеніе Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія; на всѣхъ четырехъ углахъ литеры: «П. III»; древко съ двумя золотыми кистями и желѣзнымъ копьемъ.

Знамя изъ шелковой матеріи бѣлаго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: «П. III»; древко съ копьемъ, безъ кистей.

Всѣ эти знамена, какъ видно изъ нѣкоторыхъ краткихъ извлеченій, имѣющихся въ дѣлахъ управленія бывшей Волгской бригады, пожалованы Волгскому войску, по служенію его еще на Волгѣ, Императоромъ Петромъ III, Императрицами: Анною Іоанновною и Екатериною II, въ 1734, 1750, 1769 и 1776 годахъ.

Знамя изъ шелковой матеріи оранжеваго цвѣта, съ Государственнымъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: «П. III»; древко съ желѣзнымъ копьемъ.

Знамя изъ шелковой матеріи оранжеваго цвѣта, съ Государственнымъ гербомъ, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: «П. III»; древко съ георгіевскою лентою.

Знамя изъ шелковой матеріи оранжеваго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ надписью въ серединѣ: «Никого не устрашусь» и съ литерами на углахъ: «П. III»; древко съ копьемъ безъ кистей.

Два знамени изъ шелковой матеріи палеваго цвѣта, съ Государственнымъ съ обѣихъ сторонъ гербомъ, съ литерами на углахъ: «П. III»; древка съ копьями безъ кистей. По вѣтхости знаменъ надписей въ серединѣ не замѣтно, но можно думать, что онѣ были такія же, какъ и на предидущемъ знамени.

Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ изображеніемъ Св. Георгія, съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ: «П. III.»; съ древкомъ и копьемъ безъ кистей.

Два знамени изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною; древка съ копьями.

Знамя изъ шелковой матеріи зеленаго цвѣта, съ надписью съ обѣихъ сторонъ:

Всѣ эти знамена, какъ видно изъ нѣкоторыхъ краткихъ извлеченій, имѣющихся въ дѣлѣ управленія бывшей Волгской бригады, пожалованы Волгскому войску, по служенію его еще на Волгѣ, Императоромъ Петромъ III, Императрицами: Анною Іоанновною и Екатериною II, въ 1734, 1750 1769 и 1776 годахъ.

«Никого не устрашусь», съ литерами на всѣхъ четырехъ углахъ «П. III.»; древко съ желѣзнымъ копьемъ, безъ кистей.	Всѣ эти знамена, какъ видно изъ нѣкоторыхъ краткихъ извлеченій, имѣющихся въ дѣлѣ управленія бывшей Волгской бригады, пожалованы Волгскому войску, по случаю его еще на Волгѣ, Императоромъ Петромъ III, Императрицами: Анною Іоанновною и Екатериною II, въ 1734, 1750, 1769 и 1776 годахъ.	Въ приходской церкви станицы Есентукской.
Два знамени изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною, на древкахъ съ желѣзными копьями, безъ кистей.		
Знамя изъ шелковой матеріи голубаго цвѣта, съ Государственною короною и съ изображеніемъ въ серединѣ ключей и креста, безъ литеръ; древко съ копьемъ безъ кистей		
Двѣ мѣдныя двухъ фунтовыя пушки, съ выбитою надписью: «казакамъ Волгскаго войска за вѣрныя ихъ службы».	Пожалованы Въ 10 день іюня 1738 года Императрицею Анною Іоанновною.	Въ домѣ, занимаемомъ Наказнымъ Атаманомъ
Грамота Императрицы Анны Іоанновны на разныя привиллегіи Волгскому войску, съ Государственною печатью, въ серебряной золоченой рамкѣ, прикрѣпленной золотымъ шнуромъ съ кистями.	Пожалована въ 1734 году.	Въ приходской церкви станицы Есентукской.
Деревянная насѣка съ серебряною оправою пожалована Атаману Дикому, съ надписью: «Сія насѣка Волгскаго войска войсковая—году 1776», а вверху буквы: «Е. II.».	Пожалована Императрицею Екатериною II.	
Знамя голубаго цвѣта, съ надписью: «за отлично усердную службу», Высочайше пожалованное Волгскому казачьему полку.	О пожалованіи этого знамени состоялась Высочайшая грамота 25 іюня 1851 года.	

Пожалованныя бывшему Моздокскому полку:

Знамя изъ голубой шелковой матеріи съ изображеніемъ подъ короною, въ красномъ кругу, Св Георгія Побѣдоносца, въ вѣнцѣ, на бѣломъ конѣ, побѣждающаго копіемъ дракона.

Пять знаменъ изъ зеленой шелковой матеріи съ изображеніемъ, подъ короною, двуглаваго чернаго орла съ распущенными крыльями и съ бѣлою лентою, которую онъ держитъ съ лѣвой стороны въ клювѣ, съ надписью на оной: «Никого не устрашусь». Подъ правымъ крыломъ орла изображенъ корабль съ роспущенными парусами, а подъ лѣвымъ горящій приморскій городъ. Въ углы знаменъ вшиты треугольники изъ бѣлой шелковой матеріи, на коихъ, подъ золотою короною, вензель съ изображеніемъ имени Императора Петра III.

Знамя, какъ замѣтно, розовой матеріи, на обвѣтшавшихъ остаткахъ коей видны слѣдующія изображенія: подъ короною двуглавый черный орелъ съ распущенными крыльями; подъ орломъ, въ красномъ полѣ всадникъ въ золотой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, съ поднятымъ надъ головою мечемъ, по лѣвую сторону его два синихъ льва, бѣгущихъ съ разинутою пастью. Подъ всадникомъ, въ голубомъ полѣ, золотой крестъ. Надъ всадникомъ фигура вазо-образной формы, подъ кня-

По преданію знамена эти привезены предками настоящихъ казаковъ изъ войска Волгскаго, при переселеніи въ 1770 г.

На эти знамена не сохранено грамотъ и нѣтъ свѣдѣній, въ какіе годы они пожалованы.

Въ приходской церкви станицы Нагурской.

жеской короной; по лѣвую сторону вазы изображенъ золотой левъ, подъ лапами котораго находится топоръ поднятый къ верху. На оборотной сторонѣ изображено тоже самое, съ тою разницею, что, вмѣсто всадника, въ красномъ полѣ изображенъ одноглавый орелъ, съ золотой короной, надѣтой на шеѣ. У всѣхъ этихъ семи знаменъ древка съ стальными, четырехгранными, острыми копьями.	По преданію знамена эти привезены предками наст. казак. изъ войска Волгск. при пересел. въ 1770 г.	Въ приходской церкви станицы Наурской.
Пожалованныя бывшимъ Владикавказскимъ полкамъ:		
Простое знамя безъ надписи, пожалованное бывшему 2-му Владикавказскому полку.	19 февраля 1868 года.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
Простое знамя съ надписью: «за отлично усердную службу», пожалованное бывшему 1-му Владикавказскому полку Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.	25 іюня 1851 года.	
Пожалованныя бывшимъ Сунженскимъ полкамъ:		
Георгіевское знамя съ надписью: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ», пожалованное бывшему 2-му Сунженскому полку Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.	4 марта 1860 года	
Простое знамя съ надписью: «за отличные подвиги при покореніи Малой Чечни въ 1849 году», пожалованное бывшему 1-му Сунженскому полку Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.		

ПОЛКОВЫЯ.

1-го Кизляро-Гребенскаго казачьяго Великаго Герцога Фридриха Мекленбургъ Шверинскаго полка:

Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою, съ надписями во кругъ штандарта: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ» и подъ орломъ «1577—1877».	30 августа 1881 года.
Знаки на папахи: первой полусотнѣ 1-й сотни, съ надписью: «за дѣло 24-го іюля 1854 года», а второй полусотнѣ той же сотни съ надписью: «за дѣло 30-го августа 1855 года», пожалованные двумъ полусотнямъ гребенскаго полка.	Въ 1856 году.
Георгіевскія серебряныя трубы, пожалованныя 4-й сотнѣ съ надписью: «за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года».	Въ 1875 году.
Знаки отличія на головные уборы съ надписями: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», 2-й и 3-й сотнямъ.	Въ 1879 году.
Знаки же отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи новыхъ объ отличіяхъ оказанныхъ въ 1877 году, 1-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за дѣло 24-го іюля 1854 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году».	Въ 1879 году.
2-й полусотнѣ той же сотни съ надписью: «за дѣло 30 августа 1855 года	

и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году».		
2-го Кизляро-Гребенскаго:		
Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою и съ надписями вокругъ штандарта: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ» и подъ орломъ «1577—1877».	30 августа 1881 года.	Въ церкви ст. Грозной.
Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года».	Въ 1878 году.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
Знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ».		
3-го Кизляро-Гребенскаго:		
Георгіевскій штандартъ съ Александровскою лентою и съ надписями вокругъ штандарта: «за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и за взятіе Андіи и Дарго въ 1845 году» и подъ орломъ «1577—1877».	30 августа 1881 года.	Въ церкви ст. Грозной.
Знаки отличія на головные уборы 1-й, 2-й и 3-й сотнямъ съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году».	Въ 1879 году.	
1-го Волгскаго:		
Георгіевское знамя съ надписью: «за отличіе при покореніи восточнаго и за-	Въ 1865 году.	

паднаго Кавказа», пожалованное 1-му Волгскому полку.		
Первой сотнѣ этого полка знаки на папахи съ надписью: «30-го августа 1855 года», пожалованные первой сотнѣ 1-го Волгскаго полка.	Въ 1856 году.	
Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года».	Въ 1878 году.	
Знаки отличія на головные уборы 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877 – 1878 годовъ».	Въ 1878 году.	
1-й сотнѣ знаки отличія на головные уборы, съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи:		
«За отличіе 30 августа 1855 года» новой «и за Турецкую войну 1877 - 1878 гг.».	Въ 1878 году.	
2-го Волгскаго.		
Георгіевское знамя, пожалованное 2-му Волгскому полку съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и при покореніи восточнаго и западнаго Кавказа».	Въ 1865 году.	Въ приходской церкви ст. Горячеводской.
Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года», пожалованныя 1-й и 4-й сотнямъ.	Въ 1877 году.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
Георгіевскія серебряныя трубы, пожалованныя 2-й и 3-й сотнямъ съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года».	Въ 1878 году.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.

Знаки отличія на головные уборы, пожалованные 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ».	Въ 1878 году.	
1-й сотнѣ знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи «за отличіе въ 1855 году» новой «и за Турецкую войну 1877 и 1878 годовъ».	Въ 1878 году.	
3-го Волгскаго:		
Простое знамя, пожалованное Волгскому полку съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну и за дѣла бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ».	Въ 1830 году.	Въ приходской церкви ст. Горячеводской.
1-го Горско-Моздокскаго:		
Георгіевское знамя, пожалованное Моздокскому полку съ надписью: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ».	Въ 1860 году.	
Знаки на папахи первой сотнѣ съ надписью: «за дѣло 24-го іюля 1854 года», пожалованные 1-й сотнѣ Горскаго полка.	Въ 1856 году.	
Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ».	Въ 1878 году.	
2-го Горско-Моздокскаго:		
Георгіевское знамя съ надписью: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ», пожалованное Горскому полку.	Въ 1860 году.	Въ приходской церкви станицы Прохладной.

Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года».	Въ 1878 году.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
Знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ».	Въ 1878 году	
3-го Горско-Моздокскаго:		
Простое знамя съ надписью: «за Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ», пожалованное Моздокскому полку.	Въ 1830 году.	Въ приходской церкви ст. Прохладной.
Знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», пожалованные 4-й сотнѣ.	Въ 1879 году.	
1-го Сунженско-Владикавказскаго:		
Георгіевское знамя съ надписью: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ», пожалованное бывшему Владикавказскому полку Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.	4 марта. 1860 года.	
Знаки отличія на головные уборы въ 1-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за отличіе въ 1855 году и въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ», пожалованные 1-й полусотнѣ 1-й сотни бывшаго 1-го Владикавказскаго полка.	17 апрѣля 1878 года.	
Знаки отличія на головные уборы во 2-й, 3-й и 4-й сотняхъ съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—78 годовъ», пожалованные 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ бывшаго 1-го Владикавказскаго полка.	17 апрѣля 1878 года.	

Георгіевскія серебряныя трубы въ 1-й сотнѣ съ надписью: «за отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года», пожалованныя 1-й сотнѣ бывшаго 1-го Сунженскаго полка.	17 апрѣля 1875 года.	
Знаки отличія на головные уборы во 2-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за дѣло 30-го августа 1855 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», пожалованные 1-й полусотнѣ 1-й сотни бывшаго 1-го Сунженскаго полка.	6 января 1879 года.	
4-ре георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года», пожалованныя бывшему 2-му Владикавказскому полку.	13 октября 1878 года.	
2-го Сунженско-Владикавказскаго:		
Георгіевскій штандартъ съ надписью: «за дѣло 6-го іюня 1877 года», пожалованный бывшему 2-му Владикавказскому полку.	13 октября 1878 года.	Въ приходской церкви ст. Сунженской.
4-ре георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за взятіе Карса 6-го ноября 1877 года», пожалованныя бывшему 2-му Владикавказскому полку.	13 октября 1878 года.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
Знаки отличія на головные уборы въ 1-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ», пожалованные 2-й полусотнѣ 1-й сотни бывшаго 1-го Владикавказскаго полка.	17 апрѣля 1878 года.	

Знаки отличія на головные уборы во 2-й полусотнѣ 1-й сотни съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», пожалованные 2-й полусотнѣ 1-й сотни бывшаго 1-го Сунженскаго полка.	6 Января 1879 года.	
Знаки отличія на головные уборы во 2, 3 и 4 сотняхъ съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», пожалованные 2, 3 и 4 сотнямъ бывшаго 1-го Сунженскаго полка.	6 Января 1879 года.	
4 георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за дѣло 9-го іюня 1877 года», пожалованныя 1-й, 2-й 3-й и 4-й сотнямъ бывшаго 2-го Сунженскаго полка.	13 октября 1878 года.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
3-го Сунженско-Владикавказскаго:		
Георгіевское знамя съ надписью: «за военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ», пожалованное бывшему 1-му Сунженскому полку Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска.	4 марта 1860 года.	Въ приходской церкви ст. Сунженской.
4-ре георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за дѣло 9-го іюня 1877 года», пожалованныя 1-й, 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ бывшаго 2-го Сунженскаго полка.	13 октября 1878 года.	Въ домѣ Наказнаго Атамана.
Знаки отличія на головные уборы во 2-й, 3-й и 4-й сотняхъ съ надписью: «за отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23-го октября 1877 года», пожалован-	13 октября 1878 года.	

ные 1-й, 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ бывшаго 2-го Сунженскаго полка.		
Знаки отличія на головные уборы въ 1-й сотнѣ съ надписью: «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году», пожалованные 1-й сотнѣ бывшаго 3-го Сунженскаго полка.	6 января 1879 года.	
Л. Гв. Терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя.		
Георгіевскій штандартъ съ надписью: «за отличную боевую службу Терскаго казачьяго войска».	26 ноября 1867 года.	При эскадронѣ въ С.-Петербургѣ.
Знаки отличія на головные уборы съ надписью: «за Ловчу 22-го августа 1877 года».	Въ 1878 году.	
Конно-артиллерійскихъ казачьихъ батарей.		
1-й батареи.		
Знаки отличія на папахахъ съ надписью: «за Персидско-Турецкую войну 1827—1829 годовъ».	Въ 1845 году.	
Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за Кавказскую войну».	Въ 1868 году.	
Къ этой надписи прибавлена на трубы новая надпись: «за взятіе Карса 6 ноября 1877 года».	Въ 1878 году.	
Петлицы за военное отличіе на штабъ и оберъ-офицерскіе бешметы.	Въ 1878 году.	

2-я батарея.

Знаки отличія на папахи съ надписью: «за Кавказскую войну».	Въ 1868 году.
Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: «за Кавказскую войну».	Въ 1868 году.
Знаки отличія на головные уборы съ прибавленіемъ къ имѣвшейся надписи, «за Кавказскую войну» и новой «за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году»	Въ 1879 году.

Хронологія важнѣйшихъ событій исторической жизни Терскихъ казаковъ.

Годы.

1533—1584. Іоаннъ IV Грозный.

1567. Была поставлена на лѣвомъ берегу Терека противъ устья Сунжи крѣпость, названная Терскимъ городомъ или Теркомъ.

1577. Упоминается о Терскихъ казакахъ; съ этого года считается старшинство Терскаго войска и Кизляро-Гребенскаго полка.

1584—1598. Ѳеодоръ.

1588. Въ устьѣ Терека, близъ морскаго берега вмѣсто брошеннаго Терка, возведенъ городокъ названный тѣмъ же именемъ.

1591. Упоминается о казакахъ на Терекѣ; тысяча Волжскихъ казаковъ на службѣ въ Астрахани.

1606—1610. Василій Шуйскій.

1610. Въ договорѣ Сигизмунда съ тушинцами упоминаются Волжскіе и Терскіе казаки.

1613—1645. Михаилъ.

1614. Терскіе казаки подъ Астраханью, съ другими войсками.

1633. Упоминается о Терскихъ и Гребенскихъ казакахъ; они должны были идти на Казыевскихъ татаръ.

1645—1676. Алексій.

1651. Поставленъ городъ на Сунжѣ и упоминается о Терскихъ и Гребенскихъ казакахъ.

1689—1725. Петръ I.

1691. Упоминаются казаки Астраханскіе.

1711. Гребенское войско поселено на р. Терекѣ.

1717. Походъ князя Бековича въ Хиву; участвуютъ 500 Гребенскихъ казаковъ.

1722. Терское войско переселено на Астрахань (лѣвый рукавъ р. Сулака) и названо Астраханскимъ.

1724. Переселено съ Дону, на усиленіе Астраханскаго войска 1000 семей «сказочныхъ» (т. е. настоящихъ,—не набродныхъ казаковъ).

1730—1740. Анна.

1732. Начинается устраиваться Царицынская линія и образуется Волжское войско, которое, впослѣдствіи, переселяется на Кавказъ.

1735. Сулакская линія и Кр. Св. Креста, по договору съ Персіей, упразднены, казаки переселены на Терекъ и составили Терское Семейное войско. Образованіе Терскаго-Кизлярскаго войска.

1736. Основанъ Кизляръ.

1741—1761. Елизавета.

1748. Изъ Маяцкихъ и Терскихъ казаковъ, бывшихъ около Бахмутской крѣпости, составленъ Бахмутскій казачій полкъ.

1762—1796. Екатерина.

1763. Построенъ Моздокъ и заложена военная линія отъ Кизляра до Моздока.

1768. Начало жалованнаго дворянства въ казачьихъ войскахъ.

1770. Переселено около 800 семействъ съ Дона и Волги и поселено въ станицѣ Наурской. Волжскіе казаки поступили въ составъ Моздокскаго полка.

1776. Остальная часть Волжскаго войска переводится на Кавказскую линію и образуетъ съ другими

поселенцами: Волгскій, Кубанскій и Кавказскій полки.

1792. Учрежденіе линіи отъ Моздока до Екатинодара, на которую переселяютъ около тысячи семей съ Дона.

1801—1825. Александръ I.

1817. Начало заселенія сунженской линіи.

1825. Изъ разныхъ поселенія образованъ Горскій полкъ.

1825—1855. Николай I.

1827. Октября 2-го, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ назначенъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

1828. Участіе Терскихъ казаковъ въ войнѣ противъ турокъ.

1832. Изъ 4-хъ малороссійскихъ полковъ повелѣно сформировать два казачьихъ; они отправлены на Кавказъ, гдѣ поселены по военно-грузинской дорогѣ и образовали, вмѣстѣ съ другими поселенцами, Владикавказскій полкъ. Казачьи войска: Терское-семейное, Кизлярское, Терское и Гребенское соединены въ Терское, Кизлярское и Гребенское. Казачьи поселенія и полки отъ Каспійскаго моря до Усть-Лабы образовали Кавказское Линейное войско; въ составъ этого войска обращено 31 селеніе Государственныхъ крестьянъ.

1836. Терское Семейное и Кизлярское Семейное войска соединены и образовали Семейный Кизлярскій полкъ.

1845—1851. Поселенія на р. Сунжѣ. (Сунженскій полкъ).

1845. Утверждено положеніе о Кавказскомъ Линейномъ войскѣ, которое составлено изъ эскадрона конвоя Его Величества, 17 полковъ и 3-хъ батарей.

1855—1881. Александръ II.

1855. Участіе Терскихъ казаковъ въ войнѣ противъ турокъ.

1856. Срокъ службы въ Кавказскомъ Линейномъ войскѣ сокращенъ на 5 лѣтъ.

1860. Изъ казачьихъ войскъ Черноморскаго и Кавказскаго Линейнаго образованы: Кубанское и Терское.

1864. Сокращенъ срокъ службы до 20 лѣтъ.

1865. Званіе наказнаго атамана соединено съ званіемъ начальника области.

1870. Положеніе о воинской повинности Терскаго казачьяго войска на новыхъ началахъ.

1877. Участіе 8 конныхъ полковъ, гвардейскаго эскадрона и конной батареи Терскаго казачьяго войска въ войнѣ противъ Турокъ и 7 полковъ и конной батареи противъ возмутившихся горцевъ.

1879. Участіе 2-й и 4-й сотни 1-го Волгскаго полка въ Ахалъ-Текинской экспедиціи и при штурмѣ Геокъ-Тепе.

1881. Александръ III.

1882. Новое положеніе о военной службѣ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ.

1885. Учрежденіе должности Войсковаго Наказнаго Атамана Кавказскихъ казачьихъ войскъ.

1885. Участіе 1-го Кизляро-Гребенскаго полка въ походѣ къ Афганской границѣ.

---

*Наказные Атаманы Кавказскаго Линейнаго войска *):*

1832—1837. Генералъ-Лейтенантъ **Верзилинъ.**
1837—1849. Генералъ-Лейтенантъ **Степанъ Степановичъ Николаевъ.**
1849—1852. Генералъ-Маіоръ **Феликсъ Антоновичъ Круковскій.**
1852—1854. Генералъ-Маіоръ Князь **Георгій Романовичъ Эристовъ.**
1855—1861 Генералъ-Лейтенантъ **Николай Александровичъ Рудзевичъ.**

Наказные Атаманы Терскаго казачьяго войска:

1861—1865. Генералъ-Маіоръ **Христофоръ Егоровичъ Попондопулло.**
1865—1875. Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-Лейтенантъ **Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.**
1875—1883. Генералъ-Адъютантъ, Генералъ-Лейтенантъ **Александръ Павловичъ Свистуновъ.**
1883—1887. Генералъ-Маіоръ **Евгеній Корнильевичъ Юрковскій** (исправлялъ должность).
1887. Генералъ-Лейтенантъ **Алексѣй Михаиловичъ Смѣкаловъ.**

Войсковой Наказный Атаманъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ:

1885. Генералъ-Адъютантъ, Генералъ отъ Кавалеріи Князь **Александръ Михаиловичъ Дондуковъ-Корсаковъ.**

---

*) До 1832 года каждое отдѣльное войско и полкъ выбирали себѣ атамановъ, собрать послѣдовательныя свѣдѣнія о которыхъ не представляется ни малѣйшей возможности, а потому въ прилагаемый списокъ вошли лишь Наказные Атаманы съ того времени, когда правительство приняло въ свои руки ихъ выборъ и назначеніе.

БЫТОВОЙ ОТДѢЛЪ.

ИЗЪ БЫТА КИЗЛЯРО-ГРЕБЕНСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Свадебные обычаи.

Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. *Пословица.*

Кизляро-Гребенское казачье населеніе состоитъ изъ разныхъ племенъ въ немъ: есть грузины, армяне, татары, русскіе и малороссы. Понятно, что свадебные обычаи этого населенія должны быть также различны и имѣть связь съ исторической жизнью этихъ людей, съ преданіями ихъ отцовъ и т. п. Само собою разумѣется также, что различію обычаевъ не мало способствуетъ различіе вѣры.

На первый разъ, разсмотримъ свадебные обычаи простаго класса казачьяго населенія—старообрядцевъ, не касаясь привиллегированнаго сословія—офицеровъ. Сватовство начинается, по большей части, въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда жители успѣютъ окончить многія изъ полевыхъ работъ и, собравъ виноградъ, обратятъ его въ вино, потому что безъ вина не бываетъ почти никакого общественнаго увеселенія въ средѣ казаковъ, а тѣмъ паче—сватовства. Родители жениха идутъ свататься въ домъ дѣвушки-невѣсты, понравившейся имъ трудолюбіемъ и другими достоинствами, или просятъ для этого дѣла кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ, надежныхъ людей, а главное такихъ, которые умѣли бы краснорѣчиво говорить. Женихъ, конечно, знаетъ намѣреніе своихъ родителей; ему заранѣе сказываютъ, кого хотятъ сватать; но дѣйствительно ли онъ неравнодушенъ къ дѣвушкѣ?—въ этотъ вопросъ многіе родители не входятъ; имъ нужна въ домѣ невѣстка-работница, а относительно сердечнаго расположенія своихъ сыновей нѣкоторые отцы говорятъ: «стерпится-слю-

бится», хотя отъ этого «стерпится» впослѣдствіи имъ приходится идти на станичное вѣче съ жалобой на дурное поведеніе снохи или «утробнаго» сына.

Въ праздничный или воскресный день, вечеромъ, сваты являются въ домъ невѣсты и, войдя въ сѣни, творятъ молитву вслухъ: «Господи Іисусе Христѣ, Сыне Божій, помилуй насъ!» Домашніе отвѣчаютъ: «аминь». Гости входятъ въ избу, молятся Богу и говорятъ: «здорово дневали?»—«Слава Богу,» отзываются хозяева, и просятъ гостей садиться. Пришедшими затѣвается разговоръ о погодѣ, о садахъ; хозяева принимаютъ участіе въ разговорѣ, а потомъ, по доброй привычкѣ къ гостепріимству, начинаютъ хлопотать объ угощеніи.

Не дожидаясь угощенія, сваты встаютъ и объясняютъ цѣль своего прихода. Невѣста, если случится здѣсь, немедленно уходитъ изъ избы къ подругѣ-сосѣдкѣ или на улицу; оставаться же ей въ комнатѣ и выслушивать разговоры со сватами считается дѣломъ неприличнымъ.

Выхваляя умъ жениха, трезвую его жизнь, красоту и другія качества, а также добрый характеръ его родителей, сваты убѣдительно просятъ отдать дѣвушку за парня. Имъ отвѣчаютъ, что ни за кого не желаютъ выдать дочь, потому что она слишкомъ молода. Иногда этотъ же самый отказъ говорятъ для того, чтобы отклонить отъ себя человѣка, съ которымъ не хотятъ связываться родствомъ; но если женихъ пришелся по «совѣсти», то родные невѣсты, пожалуй, сошлются только на свою бѣдность и добавятъ еще, что, не зная мыслей дочери, они не желаютъ идти противъ ея воли въ этомъ дѣлѣ. Сваты соглашаются взять дѣвушку чуть не въ одной рубашкѣ, а относительно ея имѣнія они изъявляютъ готовность подождать. «Домъ у жениха, добавляютъ они,— какъ полная чаша, и невѣста не пивши не ѣвши не будетъ». Бываетъ, что во время этого разговора невѣста, стоя подъ угломъ, выслушиваетъ, какъ родители рѣшаютъ ея участь, или подошлетъ подругу выслушать переговоры со сватами, а

послѣ подруга слово въ слово передаетъ ей рѣчи сватовъ и отвѣты родныхъ. Задача сватовъ состоитъ въ томъ, чтобы непремѣнно усватать дѣвушку, поэтому они не скупятся ни на слова, ни на обѣщанія; и чѣмъ они искуснѣе дѣйствуютъ, тѣмъ скорѣе ихъ дѣло вѣнчается успѣхомъ. Наконецъ, говорятъ сватамъ, чтобы они дали время подумать, посовѣтоваться и спросить согласіе дѣвушки. «Ну, подумайте мои милые, подумайте утробные, мы къ вамъ придемъ послѣ, и тогда ужъ вы явите свою милость», отзываются сваты. Затѣмъ молятся Богу и говорятъ: «простите Христа ради!» — «Богъ проститъ!» отвѣчаютъ имъ хозяева.

Послѣ этого всѣ родственники невѣсты держатъ совѣтъ: отдать или нѣтъ дѣвушку. Одни изъ нихъ открываютъ въ женихѣ дурныя стороны, нравственныя или физическія; другіе, напротивъ, хвалятъ его. Совѣтниковъ и судей въ этомъ дѣлѣ обыкновенно бываетъ не мало. Случается, хотя весьма рѣдко, что женихъ старается тайно видѣться съ невѣстой, ублажаетъ ее ласковыми словами, угощаетъ конфектами, орѣхами, медомъ. Ему хочется задобрить сердце дѣвушки и довести ее до того, чтобы она не отвѣтила отрицательно, когда станутъ спрашивать ея согласія, или, по крайней мѣрѣ, ничего бы не сказала на вопросы, а молчаніе почти всегда принимается за знакъ согласія.—Родители призываютъ дочь, объявляютъ ей о женихѣ, и если онъ имъ понравился, то совѣтуютъ ей не пренебрегать человѣкомъ и хорошимъ семействомъ; невѣста молчитъ, потупя голову, или скажетъ, чтобы располагали ею, какъ сами знаютъ. Вообще она говоритъ о своемъ желаніи или нежеланіи какой нибудь родственницѣ, можетъ сказать своей матери, но почти никогда не рѣшается сказать объ этомъ отцу.

Спустя нѣсколько дней опять являются сваты. Побалагуривъ о томъ-о семъ, они просятъ дать рѣшительное слово. Имъ отвѣчаютъ, что еще не всѣ родные обсудили дѣло— и такимъ образомъ ихъ манежатъ недѣлю и болѣе.

Зажиточные родители, имѣющіе красиваго, статнаго и нравственнаго сына, стараются и невѣсту ему найти пригожую и изъ хорошаго дома; сознавая собственное достоинство, они смѣло идутъ свататься къ офицеру или къ заслуженному уряднику, лишь-бы онъ не былъ «мірской»; и офицеръ, и урядникъ, не стѣсняясь, входятъ въ родство съ казакомъ. Такъ же точно богатые родители красивой, стройной невѣсты перебираютъ женихами, желая пристроить дочь свою за хорошаго человѣка; развѣ только съ дѣвушкой случится грѣхъ: явно нарушитъ она VII-ю заповѣдь, тогда ее сбываютъ съ рукъ за кого попало, чтобы избавиться отъ людскаго упрека; а замужество обыкновенно затыкаетъ рты болтливымъ людямъ. Послѣ совѣта между собою и объявленія невѣстѣ, родители даютъ сватамъ «доброе слово», которое равняется честному слову и нарушеніе его почитается дѣломъ неловкимъ. Самой невѣсты въ это время не бываетъ въ избѣ—стыдно; и вообще она не должна видѣться съ будущими свекрами до «запоя»; съ женихомъ можетъ нечаянно встрѣтиться близь рѣки, на свадьбахъ и у подругъ, но и онъ не смѣетъ ходить въ ея домъ до совершенія запоя; она съ нимъ не станетъ говорить въ присутствіи стариковъ—все это стыдно.

Какъ только сваты получатъ «доброе слово», одинъ изъ нихъ немедленно уходитъ въ домъ жениха и возвращается оттуда съ виномъ, съ пирогами. Съ нимъ же приходятъ и родители жениха, если они сами не вели переговоровъ о сватовствѣ. Потомъ всѣ молятся Богу и родныхъ невѣсты сажаютъ за столъ выпить за «доброе слово». Сначала бесѣда идетъ тихо, но, по мѣрѣ уменьшенія чихиря въ бутылѣ, увеличивается говоръ: родные невѣсты вспоминаютъ объ ея помощи въ хозяйствѣ, вспоминаютъ о томъ, кто ихъ будетъ утѣшать пѣсенками и т. п. Тутъ мать не разъ заплачетъ, а отецъ скажетъ: «видно на это была воля Божія!» Сваты же добавятъ: «видно, суженаго конемъ не объѣдешь!» Обыкно-

венно сваты желаютъ поскорѣе совершить «запой», а это зависитъ отъ согласія родныхъ невѣсты, потому, зная, что чихирь имѣетъ свойство развязывать языкъ и располагать человѣка къ откровенности, сваты стараются подпоить родныхъ невѣсты. Далеко за полночь они уходятъ, но при этомъ просятъ назначить день запоя, стараясь выхлопотать кратчайшій срокъ.

Ко дню «запоя» приготовляются родными жениха и невѣсты, каждыми отдѣльно, разныя кушанья, какъ то: пирогъ съ капустой и со свининой, пироги съ рисомъ и сушенымъ виноградомъ, каша, жареная рыба или курица, а главное, побольше припасается вина. Водка здѣсь почти не въ модѣ: ее замѣняетъ чихирь.—Придя въ день запоя къ невѣстѣ, сваты постилаютъ на столъ свою скатерть, ставятъ вино, солонку съ солью, кладутъ круглый пирогъ съ рисомъ и бѣлый хлѣбъ. Къ этому важному дню собираются вмѣстѣ всѣ родственники съ обѣихъ сторонъ; тутъ же должны быть и крестные отцы жениха и невѣсты, для того чтобы общимъ голосомъ рѣшить, нѣтъ ли родства между вступающими въ бракъ. Если родства не окажется, то всѣ присутствующіе кладутъ «начало», т. е. молятся Богу съ земными поклонами. Послѣ молитвы отецъ и мать жениха кланяются въ ноги родителямъ невѣсты, говоря: «спаси васъ Христосъ, мои милые, что вы нами не побрезговали»! Все родство невѣсты сажаютъ за столъ, раскрываютъ кушанья—и пошла чара отъ устъ къ устамъ

Родственники жениха не имѣютъ права сѣсть за столъ съ родными невѣсты, они должны стоять и подчивать. Впрочемъ, будущимъ свекрамъ часто предлагаютъ мѣсто, изъ почтенія къ ихъ лѣтамъ. Если случатся при этомъ люди, не принадлежащіе къ ихъ сектѣ, «мірскіе», или кто нибудь изъ старообрядцевъ, по необходимости, напившійся изъ мірской посуды и, слѣдовательно, на время сдѣлавшійся мірскимъ «обмірченный», —то для такихъ лицъ есть отдѣльная «мір-

ская» посуда; они могутъ сидѣть, кушать пироги, но имъ не предложатъ вина въ «особливомъ» стаканѣ—это грѣхъ. Когда окончится вино въ бутылѣ, сидѣвшіе встаютъ, помолясь Богу, благодарятъ за хлѣбъ-соль и, въ свою очередь, сажаютъ за столъ стоявшихъ, т. е. всю родню жениха. На столъ подаютъ кушанья и вино, приготовленныя въ домѣ невѣсты, и ея родные теперь тоже должны стоять близь стола и угощать. Невѣста въ это время, одѣтая въ лучшій костюмъ, ждетъ въ другой комнатѣ или сѣняхъ, пока ее не попросятъ свекры. Любопытныхъ тутъ очень много: дѣвушки, парни, молодыя женщины и толпы дѣтей; одни тѣснятся въ избѣ, другіе въ сѣняхъ, третьи близь оконъ. Невѣсту окружаютъ подруги, поправляютъ на ней одежду: чтобы «канавка» (сгибъ головнаго платка) лежала противъ носа и т. д., ободряютъ ее, просятъ не робѣть, когда войдетъ въ избу, хорошенько подносить свекру и свекрови, твёрже держать подносъ со стаканами, чтобы руки не тряслись и т. п. Съ минуты на минуту она ждетъ, когда будутъ «выводить» ее на показъ свекрамъ. У иной въ это время сердце начинаетъ бить тревогу; она видимо робѣетъ, лицо дѣлается блѣднымъ отъ сильнаго прилива крови къ сердцу; а другая напротивъ, бойко разговариваетъ и шутитъ съ подругами—впрочемъ, почти каждая старается быть скучною, мало говоритъ и опускаетъ глаза въ землю. Настаетъ рѣшительная минута: сидящіе за столомъ просятъ показать имъ «товаръ», т. е. невѣсту. Входитъ она съ подругой, тихо, медленно; останавливается около стола и кланяется сидящимъ въ поясъ. Подруга наливаетъ вино, а невѣста беретъ подносъ и разноситъ стаканы всѣмъ, кто сидитъ за столомъ, начиная съ свекра и свекрови. Когда стаканы розданы, ей велятъ поклониться въ землю. Припавъ головою къ полу, она ждетъ пока ей не скажутъ: «вставай» . Желаютъ ей тутъ здоровья и долгой жизни, потомъ выпиваютъ вино и кладутъ на подносъ деньги, кто и сколько желаетъ. Нѣкоторые, вмѣсто денегъ, дарятъ шелковый или

батистовый платокъ, ситцу на фартукъ, «завѣсникъ», ситцу на рубаху, новые чулки, лепешки съ запеченными конфектами и т. п. За дары невѣста цѣлуетъ каждаго три раза. Вино подносится каждому трижды и даритъ невѣсту каждый тоже трижды. Послѣ третьяго стакана мать спрашиваетъ сватовъ: довольны ли они «товаромъ»? Тѣ кричатъ: «довольны, довольны, спаси васъ Христосъ»! Невѣста отвѣшиваетъ имъ поясной поклонъ и уходитъ съ подругой въ другую избу, гдѣ слышны и бойкій говоръ, и громкій смѣхъ. Тамъ и она промолвитъ: «пострѣлъ ихъ убей! лежала, лежала по полу, даже колѣна заболѣли. Надарили, болячка имъ въ животы, два трешника съ половиной»! Это, конечно, шуточныя слова, сказанныя ею не отъ злобнаго сердца. Тутъ сводится счетъ деньгамъ и вещамъ; припоминаютъ, кто и сколько подарилъ. Желая узнать, идутъ ли къ лицу подаренные платки, невѣста повязываетъ ихъ на свою голову, подходитъ къ зеркалу и, если подарокъ понравится, говоритъ «это хорошій», «добрый»; а если нѣтъ, то—«постылый»! Съ этого дня она не должна уже стыдиться и прятаться отъ своихъ свекровъ; встрѣтясь съ ними, она говоритъ: «здорово дневали»!

Женихъ въ этотъ день съ нѣсколькими товарищами также ждетъ прихода гостей къ себѣ въ домъ. По окончаніи дѣла въ домѣ невѣсты,—а оно оканчивается обыкновенно вскорѣ послѣ того, какъ невѣста поднесетъ вино гостямъ,—всѣ встаютъ, молятся Богу, выражаютъ благодарность хозяевамъ за хлѣбъ-соль и приглашаютъ всѣхъ родныхъ невѣсты въ домъ жениха. Завидя, что родные, взявшись за руки, съ пѣснями идутъ къ его дому, женихъ уходитъ изъ комнаты, чтобы его не увидѣли будущій тесть и теща до времени вызова. Придя въ домъ жениха, всѣ молятся Богу и приглашенные усаживаются за столъ, на которомъ поставлены и явства, и питіе. Родня жениха, стоя подчуетъ гостей. Черезъ нѣсколько времени родные невѣсты просятъ, чтобы и имъ показали «товаръ»—жениха. Является онъ, одѣтый въ луч-

шую черкеску и лучшій бешметъ, газыри съ цвѣтными затычками, отъ натруски серебряный галунъ лежитъ черезъ плечо, станъ перетянутый въ рюмочку, волосы примаслены. Женихъ кланяется сидящимъ въ поясъ, а товарищъ наливаетъ вино въ стаканы, которые женихъ разноситъ по старшинству; потомъ и ему приказываютъ поклониться въ землю. Тогда просятъ его любить и жалѣть свою будущую жену, желаютъ ему счастія въ жизни. Короче сказать, тутъ повторяется та же церемонія, что и въ домѣ невѣсты. По окончаніи пожеланій, женихъ встаетъ, цѣлуетъ всѣхъ, получаетъ дары и уходитъ. Въ домѣ остаются родные жениха и невѣсты, продолжая веселиться до 2—3 часовъ ночи.

Между тѣмъ, женихъ съ товарищами и нѣкоторыми своими родственниками идутъ къ невѣстѣ, неся съ собой вино, пироги, лепешки. По дорогѣ спутники жениха поютъ пѣсни. Онъ заходитъ въ лавку, покупаетъ орѣховъ, пряниковъ, конфектъ и сѣмячекъ (иногда это дѣлается еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ). Эти покупки, завязанныя въ платокъ, передаютъ невѣстѣ. У нея въ избѣ, до прихода жениха, дѣвушки поютъ пѣсни, непремѣнно ударяя въ мѣдный тазъ пальцами правой руки, а лѣвой держа тазъ за край. Если на пальцахъ надѣты кольца, то музыка выходитъ громче, «ятнѣй».

Услышавъ пѣсни идущихъ съ женихомъ, невѣста уходитъ въ другую комнату, предоставивъ своимъ родственницамъ право принимать гостей. Когда войдетъ женихъ съ товарищами въ избу, всѣхъ ихъ сажаютъ за столъ и начинается угощеніе виномъ и хлѣбомъ-солью, принесенными отъ жениха; подчуютъ всѣхъ, не исключая и дѣвушекъ. Окончивъ угощеніе, со стола снимаютъ все, и подаютъ на него пироги, вино, бѣлый хлѣбъ принадлежащіе уже невѣстѣ. Вдругъ толпа любопытныхъ раздается на лѣво и на право, входитъ невѣста въ сопровожденіи подруги и кланяется однажды всѣмъ, кто сидитъ за столомъ. Подруга наливаетъ

вино въ стаканы, а невѣста подноситъ ихъ жениху и его товарищамъ; они выпиваютъ половину и говорятъ: «кисло!» Невѣста должна подсластить имъ вино поцѣлуями, послѣ чего оно выпивается до дна и въ стаканы кладутъ деньги; стаканы и дары невѣста выкупаетъ поцѣлуями. Въ это время вино подносятъ гостямъ тоже три раза, и всѣ три раза они дарятъ деньги. Въ заключеніи, невѣста отдариваетъ только одного жениха какой-нибудь вещью, обыкновенно, платочкомъ. Послѣ этого дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни, сначала въ честь жениха и невѣсты, потомъ величаютъ по имени и отчеству каждаго его товарища и ту дѣвушку, къ которой парень, по ихъ догадкамъ, неравнодушенъ; это называется: «обыгрываніемъ» *). Онѣ поютъ: «щеголь мой, щеголечикъ, что Ѳедоръ Петреевичъ (Петровичъ); щеголина ты, павлина Анастасья Андреевна; подари Ѳедоръ сударь, подари Петреевичъ, не рублемъ-полтиною, а золотою гривною!» За эту пѣсню тотъ, кого обыграли, платитъ дѣвушкамъ звонкой монетой, опуская ее въ подставляемый тазъ: кто дастъ 10 коп., кто «сямишникъ» (2 коп.), а кто броситъ «трешникъ» (1 коп.). Получивъ плату, дѣвушки поютъ: «исполать Ѳедоръ, сударь, исполать Петреевичъ, онъ гораздо дѣвокъ даритъ, не рублемъ-полтиною, а золотою гривною!» Выигранныя деньги впослѣдствіи дѣлятся между дѣвушками поровну; это ихъ трудовыя копѣйки. Наконецъ, убирается все со стола, предлагаютъ сѣмячекъ арбузныхъ или тыквеныхъ, которыхъ истребляется на свадьбахъ несмѣтное количество. Женихъ сидитъ съ товарищемъ въ переднемъ углу или на другомъ видномъ мѣстѣ, а молодежь подъ звуки таза или гармоники отплясываютъ лезгинку, которую, надо замѣтить, многія дѣвушки танцуютъ очень плавно и съ большой граціей. Этотъ единственный въ полку танецъ, какъ извѣстно, не національный русскій,—онъ перенятъ отъ горцевъ; кромѣ того, жители обоего

*) Вмѣсто „пѣсни пѣть“, народъ здѣсь говоритъ: „пѣсни играть“, слѣдовательно, *обыгрывать*—это будетъ, такъ сказать, *обиграть*. *Авт.*

пола переняли у горцевъ же костюмъ, складываніе постели и одѣялъ, ими усвоены названія многихъ вещей, употребляемыхъ въ хозяйствѣ, и не мало найдется казаковъ, отличающихся знаніемъ кумыкскаго и ногайскаго языковъ. На свадьбѣ можно услышать русскія фразы съ примѣсью кумыкскихъ словъ, въ родѣ: «эй, кардашъ, что же ты не пляшешь?»

Шумъ, танцы, пѣсни далеко слышны отъ дома невѣсты; случается, что пользуясь этимъ, а также мракомъ ночи, молодой парень прижметъ, въ сѣняхъ или на дворѣ, дѣвку и цѣлуетъ ее, или обхвативъ руками станъ красавицы, объясняется ей въ любви. Въ избѣ же послѣ танцевъ поютъ пѣсни, послѣ пѣсенъ—опять танцы; а нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, охотницы до поцѣлуевъ, подаютъ голосъ—играть въ фанты или въ «любъ сосѣдъ». Вотъ одна изъ пѣсенъ, которыя поются въ это время: Налитъ кубокъ зеленаго вина: *)

Тутъ стояла чара серебряная,
Серебряная, позолоченая;
Никто за чару не примется,
Никто за золотую не возьмется,
Примется ль, не примется ль Степанъ **) господинъ,
Возьмется ль, не возьмется ль Терентьевичъ душа;
Наливалъ онъ чару зеленаго вина,
Подносилъ онъ чару любезной своей,
Любезной своей, что сударушкѣ,
Сударушкѣ, красной дѣвушкѣ—
Марфушкѣ Исааковнѣ.
«Ты выпей-ка, выпей-ка, радость моя!
«Ты выпей-ка, выкушай, веселье мое!»
—«Охъ, право, мнѣ, радость, пить не хочется,
Веселье мое—мало можется.
Мнѣ прошлую ночку маленько спалось,
Маленько спалось, во снѣ видѣлось:

*) Нѣкоторыя слова изъ представляемыхъ здѣсь пѣсенъ, нами измѣнены, потому что они не имѣютъ логическаго смысла, если передавать ихъ такъ какъ народъ поетъ. *Авт.*

**) Въ свадебныхъ пѣсняхъ произносится имя и отчество жениха и невѣсты *Авт.*

Какъ будто у нашего широкаго двора
Вдругъ выросла травушка шелковая,
Разцвѣли цвѣты лазоревые!
А по этой травушкѣ ходитъ павлинъ,
Сизый павлинъ съ своей павушкою....»
Сизый павлинъ—Степанъ господинъ,
Сизая павушка—Марфушка,
Сизыя косицы—дѣти у нихъ,
Шелковая травушка—слуги при нихъ.

Поздно ночью многіе зрители уходятъ по домамъ, а женихъ съ невѣстой приглашаютъ ужинать съ собой: первый—закадычныхъ товарищей, а послѣдняя—задушевныхъ подругъ. За столомъ, наполненнымъ принесенными невѣстѣ лепешками и пирогами, переходитъ изъ рукъ въ руки чаша съ «родительскимъ» напиткомъ, т. е. съ чихиремъ. Тутъ можно иногда слышать споръ дѣвушки съ парнемъ о томъ, кто изъ нихъ больше выпьетъ и пьянъ не будетъ; случается, что побѣда остается на сторонѣ прекраснаго пола, за что парень, по заранѣе сдѣланному условію, платитъ штрафъ, въ видѣ конфектъ или меда.

Послѣ ужина почти всегда молодежь уходитъ, кромѣ дѣвушекъ-подружекъ, которыя съ этого дня и до времени, когда невѣсту повезутъ къ вѣнцу, ночуютъ въ ея домѣ. Женихъ не долженъ оставаться въ домѣ невѣсты послѣ того, какъ ушли его товарищи—это большой порокъ, но не всѣми женихами это исполняется. Проводивъ друзей, женихъ обогнетъ три, четыре улицы и возвратится къ невѣстѣ; по условному знаку она отворитъ ему дверь, онъ приляжетъ рядомъ съ ней, и выгонитъ его одна ранняя зоря, когда пѣтухи начнутъ «частить».

Со дня запоя до отправленія къ вѣнцу проходитъ иногда нѣсколько мѣсяцевъ, а въ нѣкоторыхъ станицахъ—даже нѣсколько лѣтъ. Тамъ, гдѣ дѣвушка считается невѣстой нѣсколько лѣтъ, во время запоя кладутъ «залогъ», отъ 40 до 70 и болѣе рублей, смотря по состоянію жениха и невѣсты.

Въ случаѣ отказа съ чьей-либо стороны, залогъ ея поступаетъ въ пользу другой: это плата за убытки при запоѣ и за безчестье. Въ этихъ же станицахъ при запоѣ бываютъ довольно оригинальныя сцены: крестный и родной отцы невѣсты становятся рядомъ, а къ ихъ ногамъ наклоняется къ землѣ отецъ жениха, хотя бы онъ былъ офицеръ—все равно. Родители невѣсты спрашиваютъ лежащаго у ногъ: «если дочь наша сдѣлается распутной, возьмешь ли ты ее за своего сына»? Тотъ отвѣчаетъ «возьму» и, не подымаясь съ полу, спрашиваетъ: «а если сынъ мой будетъ воръ, отдадите ли вы тогда за него дочь свою»?—Тѣ отвѣчаютъ: «отдадимъ». Если же при вопросѣ одна сторона отвѣчаетъ отрицательно, то и другая, въ свою очередь, отвѣчаетъ тоже отрицательно.

Пока не настанетъ время ѣхать къ вѣнцу, женихъ долженъ кормить невѣсту, т. е. онъ долженъ бывать у ней всякій день, если свободенъ отъ дѣлъ, и приносить ей или присылать съ домашними что нибудь съѣстное. Такъ какъ у невѣсты ночуютъ дѣвушки, то кромѣ жениха, у ней бываютъ каждый вечеръ и холостые парни. Во время свадебъ случается часто, что какая нибудь хозяйка недосчитывается утромъ двухъ-трехъ куръ, а иная—поросенка и посылаетъ «болячку въ нутро и сердце» похитителю, вовсе не подозрѣвая, что ея же «утробный» сынъ въ глухую полночь снялъ съ шеста курицъ, а дѣвушки приготовили изъ нихъ жаркое на свадьбѣ. Или сосѣдскій парень, зажавъ ротъ поросенку, вытащилъ его изъ берлоги и на другомъ переулкѣ всунулъ ему кинжалъ въ горло, а дѣвушки «обдали» его кипяткомъ и дѣло въ шляпѣ. Одно выгодно для молодежи: нацѣдить ведро чихиря изъ своей бочки и принести на свадьбу, потому что убыли этой жидкости домашніе не могутъ узнать.

Вскорѣ послѣ запоя мать жениха покупаетъ невѣстѣ на свои деньги хорошую «добрую», шаль, матеріи на кафтанъ, ситцу на рубаху и завѣсникъ, платочекъ, новые чулки и башмаки, «черики». Эта одежда покупается къ вѣнцу, поче-

му и называется «подвѣнечной». Кафтанъ, рубаху и завѣсникъ невѣста непремѣнно должна сама сшить къ вѣнцу, ей пособляютъ работать подруги. Принеся подвѣнечное, его передаютъ сначала роднымъ невѣсты, которые разглядываютъ обновки, хвалятъ ихъ, благодарятъ купившихъ. Приглашается невѣста, которая находится обыкновенно въ другой комнатѣ съ подругами—иногда съ ними же бываетъ и женихъ; почти не разсматривая покупокъ, невѣста кланяется въ ноги свекрамъ и говоритъ: «Спаси васъ Христосъ»! Послѣ этого покупки отдаютъ ей. Возвратясь на свою половину, невѣста и подруги снова все разворачиваютъ, разглядываютъ, примѣриваютъ, хвалятъ; впрочемъ, не рѣдко можно услышать и такое замѣчаніе: «А-о! мамушки! да это что? ситецъ-то глазастый, чисто какъ у «шаповаловъ» (переселенцы изъ Малороссіи); нарядишься въ этотъ кафтанъ и будешь какъ нечистый духъ». Разумѣется, жениху не по сердцу такія сравненія, онъ старается доказать, что подобные ситцы теперь въ модѣ и т. д.

Подвѣнечный подарокъ служитъ поводомъ къ новой выпивкѣ: его надо «обмыть». Обмывка—вино и закуска—должна быть со стороны невѣсты. «Дай Богъ товару тоньшѣть, а невѣстѣ толстѣть», говорятъ почти за каждой чаркой при обмываніи. Обмываютъ товаръ старики, обмываютъ его и молодые въ своей комнатѣ и для всякаго любителя выпить найдется здѣсь чара зелена вина. Грустныя сцены происходятъ въ домѣ невѣсты за нѣсколько дней до вѣнчанія: невѣста каждый вечеръ громко оплакиваетъ свою волю дѣвичью у «родимаго батюшки». Тутъ же оплакиваетъ она и подругъ своихъ. Со слезами на глазахъ, обхвативъ руками подругу, она разсказываетъ (речитативомъ), какъ ходила съ ней въ зелены сады и говорила тайныя рѣчи, какъ теперь со всѣми любимыми мѣстами и подружками ей надо разставаться; спрашивается о томъ, какъ она будетъ привыкать къ чужому дому (женихову), а также къ свекру и свекрови. Это

время, повидимому, самое тяжелое для невѣсты; обыкновенно въ день выѣзда къ вѣнцу она говоритъ хриплымъ голосомъ, потому что потеряла его во время оплакиваній. Многія изъ подругъ здѣсь тоже плачутъ, а нѣкоторыя, напротивъ, шутятъ, острятъ. «Либо я дура, чтобъ стала плакать, когда буду выходить замужъ»? скажетъ какая нибудь изъ нихъ и, конечно, скажетъ неправду, потому что когда ее посватаютъ, то, навѣрное, и она будетъ плакать; иначе нельзя: нарушится исконный обычай. Правда, что очень многія невѣсты рады предстоящему замужеству, если жениха хвалютъ люди, но плачутъ потому, что такъ принято: всѣ невѣсты плакали, стало быть, и имъ нужно плакать; а если не плакать, то люди могутъ сказать: «Вишь, пострѣлова дочь, не плачетъ; видно, сама замужъ захотѣла»!... Не обращая вниманія на плачь невѣсты, дѣвушки поютъ:

Воля, воля, воля, волюшка!
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять.
Воля, воля краснымъ дѣвушкамъ гулять,
А молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Нѣтъ волюшки, имъ мужья не велятъ,
Не велятъ не приказываютъ.
Наша воля миновалася гулять,
Красота съ лица скатилася,
Черной грязью помаралася.
Да и что за милый другъ такой?
Еще что это за душечка моя?
Часто ходишь мимо моего двора,
Мимо моего высока терема,
Что не зайдешь, не провѣдаешь меня?
Что не спросишь, про здоровье про мое?
И не скажешь про несчастье про свое?
Ты здорова ли, сударушка моя?
Здорова ли душа, сердце мое?
Сударушка, я не смѣю доложить,
Къ твоему двору слѣдочка проложить.
Въ вечеру приду—отецъ и мать дома,
Во полночь приду—не смѣю разбудить,

По утру приду—худыхъ людей боюсь.
Худы люди замѣчаютъ и глядятъ,
А насъ съ миленькимъ ругаютъ и бранятъ
Полно, солнышко изъ-за лѣсу свѣтить!
Полно, милый, во луга часто ходить!
Полно, милый, полно, душечка моя!
При долинушкѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей громко поетъ,
Моему сердцу назолушку даетъ.
Мое сердце пуще будетъ горевать,
Стосковалось, сгоревалось въ одинъ часъ,
Покатилась горюча слеза изъ глазъ,
Уронила горючу слезу въ платокъ,
Во свой тонкій, полотняный рукавокъ.
Еще какъ люди въ людяхъ живутъ,
На людей, людей угаживаютъ!

Посмотрѣть на дѣвушекъ и послушать, какъ плачетъ, «голоситъ», невѣста, приходятъ многія; у нѣкоторыхъ женщинъ лица выражаютъ печаль и на глазахъ блестятъ слезы; имъ тоже взгрустнулось: онѣ вспомнили о своей прошлой, хорошей жизни и волѣ дѣвичьей. Прослезится въ это время та изъ нихъ, которой выпала горькая доля въ жизни: нелюбящій мужъ и сварливые его родители. Вскипитъ сердце у вдовы, «сироты«, которой не суждено было въ «корысти и радости» долго пожить съ милымъ мужемъ. Прослезится старушка, припоминая, какъ ея «утробная» дочь рыдала, выходя замужъ, будто сердечушко у ней, бѣдной, предчувствовало, что она попадетъ за безпутнаго человѣка. Да, тутъ много трогательныхъ сценъ!

Гуляй, гуляй, дѣвушка, покуда у батюшки, у родимой матушки,
Ахъ люлюшки, люлюшки, у родимой матушки!
Въ чужи люди отдадутъ, такой воли не дадутъ!
Ахъ люлюшки, люлюшки, такой воли не дадутъ!
Такой воли не дадутъ, такой нѣги не будетъ. *)
«Чадо мое, чадушко, дитя мое милое!

*) Послѣ каждой строки припѣвается: ахъ люлюшки и пр.

Чадушко Марфушенька, дитятко Исааковна!
У насъ будешь вольная, дитя будешь нѣжное:
Куда пойдешь, спросишься, отколь придешь, скажешься».
—«Да чортъ это не воля, діаволъ это не нѣга!
Я у своей матушки то-то была вольная!
Куда пойду, не спрошусь, отколь приду не скажусь!»
Долина, долинушка, раздолье, широкое,
По той по долинушкѣ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Не радостенъ, не веселъ, сударушку не нашелъ,
Сударушку не нашелъ, самъ заплакалъ и пошелъ.
Увидѣла матушка съ высокаго терема:
«Чадо мое, чадушко, дитя мое милое!
Чадушко Степанушко, дитятко Терентьевичъ.
Свяжи свою голову тафтою зеленою!
Ахъ люлюшки, люлюшки, тафтою зеленою!

Въ день выѣзда къ вѣнцу, въ домъ невѣсты сходится все ея «родство»; помолясь Богу, отецъ беретъ икону, «благословленіе» и становятся возлѣ стола, рядомъ съ нимъ становится и мать. Невѣста, рыдая, молится Богу, прикладывается къ иконѣ, кланяется въ ноги отцу и проситъ простить ее и благословить на жизнь въ чужихъ людяхъ. Когда онъ пожелаетъ ей всего лучшаго въ жизни и выскажетъ свои наставленія, она поднимается, бросается на шею отцу, цѣлуетъ его и плачетъ. Тоже самое повторяется, когда отецъ передаетъ икону матери; затѣмъ невѣста кланяется въ ноги роднымъ и дѣвушкамъ, каждой отдѣльно, и проситъ у нихъ прощенія. Тутъ почти всѣ плачутъ. Въ домѣ жениха происходятъ подобныя же сцены, только безъ слезъ; впрочемъ, и его мать тоже плачетъ о томъ, какую Богъ пошлетъ судьбу ея сыну. Во дворѣ жениха стоятъ лошади, запряженныя въ арбу, *) въ которой онъ съ невѣстой долженъ ѣхать за нѣсколько десятковъ верстъ—однимъ словомъ, туда гдѣ есть священникъ, исполняющій требы по старымъ обрядамъ. Получивъ благословеніе родителей, женихъ и товарищи его са-

*) И этотъ экипажъ усвоенъ казаками отъ горцевъ; на телѣгахъ ѣздятъ въ полку немногіе жители изъ малороссійскихъ переселенцевъ. *Авт.*

дятся на верховыхъ лошадей и ѣдутъ къ невѣстѣ; за ними слѣдуетъ арба; товарищи джигитуютъ со стрѣльбой. Если невѣсту успѣли благословить до пріѣзда жениха, то сажаютъ ее за столъ, на которомъ есть и выпивка, и закуска; если же не успѣли, то женихъ, въѣхавъ во дворъ и сойдя съ коня, ждетъ у брыльца или въ сѣняхъ окончанія дѣла.

Посадивъ невѣсту за столъ, возлѣ нея съ одного бока садится «сваха»—новое должностное лицо, исполняющее обязанность шафера со стороны невѣсты, а съ другаго бока садится мальчикъ, родственникъ невѣсты, съ плетью въ рукѣ.— Дѣвушки поютъ:

Подойдите, братцы мои, поближе ко мнѣ!
Качните колыбелюшку повыше меня:
Не увижу ли батюшки я широкій дворъ,
Не увижу ли Марфушкинъ я высокъ теремъ?
Дорогая Марфушка, она выше всѣхъ,
Моя Исааковна, она выше всѣхъ;
Повѣсила голову она ниже всѣхъ,
Задумала думушку она крѣпче всѣхъ.
«Скажи ты мнѣ, матушка,
Какъ въ чужихъ людяхъ жить,
На стараго, малаго чтобы угодить?»
«Ложись, мое чадушко, ты позже всѣхъ,
Вставай, мое дитятко, ты раньше всѣхъ,
Убирай свою горницу ты краше всѣхъ,
Провожай своего милаго въ дальній край».

Въ избу входитъ женихъ, молится Богу и стоитъ молча; въ это время выступаетъ впередъ тоже новая и грозная личность—дружко, исправляющій должность шафера съ жениховой стороны. Подходя къ мальчику, онъ зычнымъ голосомъ приказываетъ ему уступить мѣсто жениху; тотъ, потрясая плетью по воздуху, говоритъ: выкупи его! «Сколько же ты хочешь взять за мѣсто?»—«У насъ дѣвушка добра, подай рубль серебра!» отвѣчаетъ мальчикъ. Ему предлагаютъ копейку, вина,—ребенокъ не беретъ; говоритъ, что у него сестра, «нянюка», не черная, и уступаетъ мѣсто тогда, когда

дадутъ ему серебряную (бѣлую) монету копѣекъ въ 20 или 15.

Послѣ трехъ-четырехъ стакановъ, выходятъ изъ за стола, молятся Богу, женихъ ведетъ невѣсту за руку, подсаживаетъ въ арбу, и провожаетъ за станичныя ворота, а самъ съ товарищами составляетъ конвой; тутъ опять затѣвается стрѣльба; дѣвушки идутъ слѣдомъ и поютъ:

Еще чей конь впередъ бѣжитъ?
Рано, рано!
Еще чей конь выбѣгаетъ?
Душа моя!
Степановъ конь впередъ бѣжитъ,
Рано, рано!
Терентьевича выбѣгаетъ.
Душа моя! *)
Почему онъ впередъ бѣжитъ?
Почему онъ выбѣгаетъ?
Отъ плеточки, отъ винтовочки,
Ради дѣвушки Марфушки,
Ради хорошей Исааковны.
Ты. Марфушка, убирайся,
Исааковна, снаряжайся!
«Уберусь, не спрошусь,
Снаряжусь, не скажусь.»
Черный воронъ городъ строилъ,
О трехъ стѣнахъ каменныхъ,
Четвертая золотая.
Во томъ градѣ стоялъ коникъ,
Стоялъ коникъ бѣлъ-копытый,
Бѣлъ-копытый, сивогривый;
Во лбу коня свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ правомъ бедрѣ красно солнце,
По всему коню часты звѣзды
Свѣтелъ мѣсяцъ—Степанъ сударь,
Красно солнце—Марфушенька

*) Послѣ каждой строки повторяется: то «рано, рано», то «душа моя».

Недалеко отъ станицы дѣлается привалъ съ выпивкой, это—неизмѣнное «провожаніе», бывающее и тогда, когда казакъ ѣдетъ за 5 верстъ на свою пашню. Пожилой народъ угощается виномъ; всѣ желаютъ жениху и невѣстѣ счастливаго пути, а дѣвушки поютъ. Сватъ со свахой (шафера) заботятся, чтобы былъ цѣлъ боченокъ съ чихиремъ, взятый на дорогу; его берутъ съ собой для угощенія всякаго встрѣчнаго, потому что, говорятъ, много есть на свѣтѣ злыхъ людей, способныхъ сдѣлать несчастіе свадебному поѣзду, и что есть и такіе люди на свѣтѣ, которые въ состояніи «молодымъ поддохать», т. е. испортить ихъ разнымъ колдовствомъ; для такихъ-то людей и берется чихирь.

Наконецъ, кому нужно ѣхать въ дорогу, тѣ усаживаются въ двухъ-колесныя арбы и трогаются съ мѣста; товарищи жениха провожаютъ его еще нѣсколько верстъ, а остальной народъ отправляется въ станицу. Родители жениха ведутъ родныхъ невѣсты въ свой домъ, гдѣ идетъ пиръ до глубокой ночи, это называется «овинъ заливать». Заливаютъ овинъ во всѣ дни, пока не возвратятся молодые; каждый изъ родственниковъ жениха и невѣсты, участвовавшій на свадьбѣ, долженъ пригласить къ себѣ въ домъ всѣхъ остальныхъ для угощенія.

Возвратясь въ свою станицу, молодые прямо ѣдутъ во дворъ жениха, гдѣ встрѣчаютъ ихъ его родители, вводятъ въ избу, благословляютъ иконой и сажаютъ за столъ на первое мѣсто; тутъ же садятся, пріѣхавшіе съ ними, сватъ и сваха. Молодая въ новой подвѣнечной одеждѣ сидитъ, потупя глаза; голова ея повязана по женски, на волосахъ лежитъ «валикъ» и сверху «сорочка», потомъ платокъ и шаль. Фигура женской головы въ такомъ уборѣ имѣетъ большое сходство съ перевернутымъ горшкомъ, если глядѣть на него съ боку. Подносятъ вино; молодые не прикасаются къ стаканамъ, а только кланяются; ихъ и не неволятъ, зато остальные присутствующіе изрядно пьютъ за здоровье молодыхъ, желаютъ

имъ счастія въ жизни, просятъ любить другъ друга и почитать родителей,—молодые только кланяются на всякое привѣтствіе. Послѣ этого сваха съ дружкомъ укладываютъ молодыхъ спать. Спустя нѣкоторое время они же ихъ и «поднимаютъ» и если «все обстоитъ благополучно», то мать жениха беретъ съ собой вино, пироги и съ нѣкорыми родственницами идетъ въ домъ невѣсты, гдѣ угощая родителей ея, говоритъ: «Спаси тебя Христосъ, моя милая свашенька! умѣла родить, поить и кормить свою дочку, умѣла и «честь» ея соблюсти, спаси тебя Христосъ»! Случается нерѣдко, что «честь» дѣвушкой не соблюдена, но мужъ, не желая класть позора на свой домъ, говоритъ шаферамъ, что «все благополучно». Да и въ пѣснѣ поется, что отъ этого происходитъ «отцу-матери безчестье, роду-племени покоръ»! А было время, говорятъ, когда этого не скрывали; тогда родителямъ молодой подносили вино въ разбитомъ стаканѣ, или и того хуже— надѣвали на нихъ хомуты; но эго теперь почти вывелось изъ обычая.

Пока жива и здорова свекровь, молодая сноха не будетъ хлопотать около печи и готовить пищу семейству, ее не допустятъ къ этому дѣлу—стыдно; но вслѣдствіе этого стыда случается и то, что, когда старуха умретъ, молодая не умѣетъ взяться за дѣло: то хлѣбы у ней не «удались», то щи не доварились.

II.

Масляница.

Въ началѣ сырной недѣли нынѣшняго года погода была сѣренькая, небо затянуто было облаками, подувала «моряна» *). Солнышко выглядывало изъ-за тучь, какъ стыдливая

*) Восточный, морской вѣтеръ, который дуетъ здѣсь по нѣсколько недѣль сряду и вывѣтриваетъ обывательскія постройки.

красавица-казачка, заговорившая въ первый разъ съ незнакомымъ мужчиной: взглянетъ ему въ лицо и тотчасъ же опуститъ вѣки въ землю... Но уже начиналась теплая пора; нѣкоторые жители стали вбивать новыя «таркалы» (тычины) въ виноградныхъ садахъ и подумывали раскрывать лозы. Старушки между тѣмъ хлопотали о блинахъ, смѣшивая пшеничную муку съ пшенной (просяной), заботились о покупкѣ коровьяго масла; хотя коровы у нихъ свои, тѣмъ не менѣе масло рѣдкая семья не покупаетъ—не будемъ говорить почему—иначе старушки на насъ обидятся и изъ хорошаго человѣка вдругъ сдѣлаешься худымъ. Старики безпокоятся поймать рыбы въ Терекѣ, чтобы быть свободными въ остальные дни недѣли. А дѣвушки и молодицы? о, онѣ очень рады, что дождались масляницы: это такое время, когда всенародно до отвалу можно нацѣловаться съ парнями; да и намнутъ же имъ губы лихіе наѣздники!

Нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ становятся въ рядъ около дома на завалинѣ или на другомъ возвышенномъ, открытомъ, мѣстѣ и каждая держитъ въ рукахъ длинную и значительно толстую хворостину. Это онѣ устроили «городъ», который должны «взять» наѣздники-парни, упражняющіеся въ это время въ джигитовкѣ и другихъ акробатическихъ шуткахъ, бывающихъ причиной изуродованія физіономіи, искалѣченія рукъ и ногъ, поврежденія «нутра» и т. п. Около «города» толпятся жители: мужчины стоятъ отдѣльно отъ дѣвушекъ и молодицъ; впрочемъ, отдѣляется только народъ почтенный, а молодые казаки вьются возлѣ красавицъ, отпуская имъ разныя любезности, вродѣ: «Малашка, ты что, пострѣлова дочь, нейдешъ въ «городъ?» либо нацѣловалась уже съ Мерніашкой?» — «Да ну тебя къ пострѣлу съ твоимъ «городомъ!» — «Что жъ, либо не хочешъ?» — «Знамо дѣло, не хочу,» — отозвалась красавица, нахмурила слегка черныя брови и отвернулась отъ привязчиваго собесѣдника. Пускаться же въ дальнѣйшія разсужденія «не годится: зорко, кругомъ

міръ стоитъ»; вѣдь это не въ зеленомъ саду осенью, когда она варитъ виноградный кисель съ подружками, и если придетъ парень, то, кромѣ подругъ, его почти никто не видитъ и потому не могутъ сказать, что дѣвушка съ нимъ «живетъ»....

Собраніе жителей на станичной площади большое и, конечно, наряднѣе всѣхъ одѣты дѣвушки: одна въ хорошей фуфайкѣ или въ «добромъ» кафтанѣ,—другая еще лучше; у одной широкіе рукава у рубахи, а у другой—еще шире. У каждой въ платкѣ или въ карманѣ забава—сѣмячки арбузныя или «кабачныя» (тыквенныя). Всѣ глядятъ то на «городъ», то на ѣздоковъ, награждая послѣднихъ похвалой или насмѣшкой, смотря по сдѣланному отличію. Красавицы, составившія «городъ» въ ожиданіи удальцовъ, желавшихъ взять его, поютъ:

Шли прошли дѣвушки,
Шли прошли красныя,
И нашли, нашли Ѳедора,
Да нашли Петровича,
На конь его посадили,
Въ стремена ноги заложили
Заносилъ его добрый конь
Къ тещиному ко двору,
Къ невѣстиному терему.
Эй, ты соколъ, душа соколовичъ,
Эй, ты соколъ Ѳедоръ Петровичъ!
Ты вскочи, соколъ, на вишеньку,
Ухвати, соколъ, лебедушку —
Лебедушку бѣленькую,
Соколушку ясненькую,
Что Татьяну Михайловну;
Ты возьми ее за рученьку,
Поведи—къ отцу, матери,
Ко всему ея роду, племени:
—«Государь ты мой, батюшка,
Матушка родимая!
Люба ли вамъ невѣстушка?»
«Коль тебѣ люба, то и намъ хороша.»

Нѣсколько верховыхъ казаковъ, натѣшившись джигитовкой, направляются къ «городу»; горожанки приняли мѣры осторожности, стали въ оборонительное положеніе, приготовили хворостины, а сами продолжали пѣть: «да нашли онѣ Петровича»... Одинъ смѣльчакъ выхлеснулъ плетью свою лошадь и бросился на «городъ»—горожанки дружно приняли его въ дреколья. Били во что попало: по головамъ лошади и сѣдока, по крутымъ бедрамъ коня и по ушамъ наѣздника, по спинѣ лошади и по могучимъ плечамъ охотника цѣловаться. Эта сцена напоминаетъ собою прохожденіе сквозь строй, бывшее очень недавно въ большой модѣ между военнымъ сословіемъ—различіе лишь въ томъ, что прохожденіе сквозь строй производилось за содѣянное преступленіе служащихъ, а здѣсь казакъ единственно ради поцѣлуевъ добровольно подвергаетъ себя подобной операціи. Однако, какъ ни мучилъ онъ добраго коня, какъ ни билъ его нагайкой—не могъ приблизиться къ «городу» и со стыдомъ поѣхалъ вспять.

Вотъ еще два молодца кинулись на «городъ»; ихъ также встрѣтили хворостинками. Кони не выдержали ударовъ, поворотили въ сторону и какъ наѣздники ни понуждали ихъ пинками и плетьми—нѣтъ; они, вѣроятно, считали благоразумнѣе не подходить близко къ драчливымъ красавицамъ. Если парню въ это время носъ до крови разобьютъ—что случается не рѣдко—или сдѣлаютъ ссадину на щекѣ,—на это нѣтъ претензій; а также, если коню повредятъ глазъ—дѣло остается безъ апелляціи со стороны хозяина. Былъ, говорятъ старики, случай, когда дѣвушка ударила хворостиной одну лошадь между ушей и бѣдное животное черезъ нѣсколько минутъ тутъ же близъ «города» испустило духъ. Но это можетъ быть потому, что на лошади сидѣлъ «бусурманинъ» —ногаецъ, желавшій перецѣловать русскихъ казачекъ....

Парни отъѣхали прочь, а дѣвушки опять затянули:

Вы раздайтесь, раступитесь всѣ добрые люди
На всѣ-то на четыре ой вы на сторонки!

Не мѣшайте красной дѣвкѣ да мнѣ погуляти,
По зеленому садочку да мнѣ походити,
Поколь батюшка родимый да замужъ не выдалъ
За того ли разбѣстію еще за невѣжу:
Во кабакъ идетъ невѣжа, то онъ быстро скачетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа, да онъ журитъ, бранитъ,
Свою младую хозяйку да онъ пробуждаетъ,
Его младая хозяйка была послушлива:
Скорешенько съ кроватушки - она повставала,
На босу ножку сапожки надѣвала,
И скорешенько къ невѣжѣ она выходила.
«Ты ночуй, моя невѣжа, ты за воротами,
«Вотъ тебѣ мягки перины—глубокіе снѣга,
«Высокія изголовья тебѣ подворотья,
«Шитый, браный положочекъ да частыя звѣзды,
«Караульщики вѣрные - сѣрые волки!
«И ты спи, моя невѣжа, да не просыпайся,
«Надо мною молодою да ты не ломайся»....:

Вотъ еще мчится одинъ молодецъ, надвинувъ шапку на глаза, чтобы защитить лицо отъ царапинъ; конь смѣло подбѣжалъ къ дѣвушкамъ и всадникъ почти прикоснулся къ нимъ своимъ плечомъ. Конечно: «городъ» взятъ; всѣ дѣвушки опустили прутья и подставляютъ поочереди свои розовыя губки къ губамъ удальца; онъ всѣхъ ихъ перецѣловалъ, нагибаясь съ лошади и, довольный своимъ успѣхомъ, поѣхалъ назадъ. «Молодецъ»! слышится изъ толпы: «Нѣтъ, братъ, у него лошадь хороша, смѣлая», подхватываютъ другіе голоса. И дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ отъ смѣлости и терпѣливости коня. Смѣлый конь идетъ прямо, пренебрегая ударами и бываетъ, что, по принужденію сѣдока, онъ безъ церемоніи становится своими передними ногами на ноги какой нибудь красавицѣ и этимъ принуждаетъ «городъ» скорѣе сдаться; но красавица, конечно, тутъ же сходитъ съ мѣста арены, она прихрамываетъ нѣсколько дней и на первой недѣлѣ великаго поста. Если лошадь оборветъ подолъ у рубахи или полу у кафтана горожанки — на это претензій никакихъ не бываетъ.

Скачка и взятіе «городовъ» начинаются съ половины недѣли и продолжаются до сумерекъ воскресенья.

Эти развлеченія изстари ведутся почти во всѣхъ станицахъ кизляро-гребенскаго полка. Ихъ въ старину поддерживали полковыя власти, потому что въ этихъ увеселеніяхъ заключался военный смыслъ: они развивали въ казакѣ удаль и отвагу — качества необходимыя въ ратныхъ дѣлахъ. Вотъ что говоритъ старикъ-урядникъ про масляницы прошлаго времени: «Бывало полковое начальство приказываетъ, чтобы казаки поддержали лошадей: хорошенько ихъ кормили и чистили за недѣлю до масляницы. На самую же масляницу соберутъ сотню, а иногда и болѣе, въ штабъ полка; раздѣлятъ казаковъ на двѣ части: одна представляетъ русскій отрядъ, другая—чеченскій; обѣ части разъѣдутся по разнымъ улицамъ и выѣзжаютъ на площадь, къ церкви. Какъ только увидятъ одни другихъ—немедленно русскій отрядъ бросается на чеченцевъ, и пошла перепалка: стрѣляютъ изъ ружей, изъ пистолетовъ, обнажаютъ шашки; одинъ притворяется убитымъ, другой—тяжело раненымъ, у третьяго шашку отбили. Каждый отрядъ старается взять своихъ раненыхъ и прихватить въ плѣнъ противниковъ. Одного, переваливши на лошадь, везутъ домой: голова, руки и ноги болтаются—это убитый; другого несутъ на буркѣ—это раненый начальникъ.

«Тамъ смотришь, изъ переулка выходятъ пѣшіе, оборванные люди, въ худыхъ чевякахъ, намазанные сажей и въ шапкахъ, пригодныхъ воронѣ на гнѣздо—это абреки Быстро напускались на нихъ казаки и завязывали перестрѣлку. А тутъ глядишь, ѣдетъ на саняхъ куча людей наряженныхъ разными чучелами. Шумъ, смѣхъ и веселье продолжались каждый день, начиная съ вторника до вечера воскресенья.

«На улицѣ, около двора хорошаго урядника или зажиточнаго казака, выставляли столъ съ виномъ и закускою. Когда покончатъ дѣло съ чеченцами или съ «городомъ», казаки отправлялись всей сотней къ столу и распивали вино.

И начальство было не такое: выставятъ бывало бочку вина около командирскаго дома—пей, ребята, сколько хочешь! Полковой казначей ходилъ между казаками и малолѣтками и каждому кто былъ съ оружіемъ давалъ порохъ. Ну ужъ нечего сказать, было веселье! А теперь что?—даже дѣвокъ нѣтъ порядочныхъ: не успѣютъ груди отрости—имъ ужъ ищутъ мужа, а тогда дѣвки были лѣтъ по 20-ти и 25-ти. За то и не проходила масляница даромъ, случалось, что казакъ «по неосторожности» зарядитъ ружье боевымъ патрономъ и уложитъ наповалъ кого-нибудь изъ любопытныхъ»...

Въ воскресенье на масляницѣ, какъ только смеркнется, жители «прощаются» одинъ съ другимъ. Родственники, младшіе по лѣтамъ, непремѣнно должны придти проститься въ домъ старшихъ, иначе послѣдніе обидятся: дочь идетъ къ «матушкѣ и батюшкѣ» зять—къ тестю и тещѣ, а внучки—къ «дѣдушкѣ». Придя въ домъ и посидѣвъ немного, младшіе молятся Богу и кланяются одинъ разъ въ ноги старшимъ, чтобы тѣ простили ихъ, если по слабости человѣческой были когда-нибудь недовольны, и затѣмъ цѣлуются. «Господь проститъ, насъ простите Христа ради»! отвѣчаютъ старшіе, но сами не кланяются въ ноги младшимъ. Маленькимъ дѣтямъ, пришедшимъ проститься, по окончаніи «прощенья», даютъ орѣхи, которые нарочно покупаются для этого случая, и потому дѣти больше всего бѣгаютъ изъ дома въ домъ къ близкимъ и дальнимъ родственникамъ, чтобы имѣть побольше орѣховъ.

Дѣйствительно, кое-что измѣнилось въ обычаяхъ казаковъ и безъ сомнѣнія потому, что настало теперь другое время и получился другой взглядъ на вещи. Прежде старались наиболѣе развить въ казакѣ наѣздничество и ловкость, производили его за это въ урядники и даже въ офицеры; теперь же говорятъ: эти достоинства второстепенныя, а позвольте узнать грамотны-ли вы, обладаете-ли извѣстными свѣдѣніями, а также, какова ваша нравственность?

О. Пономаревъ.

ГРЕБЕНЦЫ

I.

Помѣщенія.

Дома гребенскихъ казаковъ построены по образцу великорусскихъ избъ; они бревенчатые, съ острой крышей и съ вырѣзными коньками по концамъ стропилъ. Дома кроются камышемъ и мызгой (осокой); дымовыхъ трубъ на домахъ не видно, трубы печей вообще выводятся лишь на «палати» (вверху чердакъ потолка, гдѣ устраиваютъ свинку) и тамъ отводятъ трубу горизонтально аршина на два, и, послѣ топки печи, забиваютъ ее затычкой, состоящей изъ разнаго изношеннаго платья. Дымъ изъ трубы стелется по палатямъ и проходитъ наружу чрезъ крышу и имѣющіяся отверстія.

Дома состоятъ изъ двухъ комнатъ: первая входная комната называется сѣнями, а слѣдующая избой; передъ каждымъ домомъ имѣется крылечко со сходами (ступенями). Стѣны домовъ снаружи обмазываются глиною, а внутри оклеиваются обоями или тоже смазываются бѣлой глиной. Въ прежнее время, обыкновенно осенью и передъ пасхою, стѣны дома внутри и снаружи скоблились молодайками—ножами; но теперь это почти вывелось, въ виду дешевизны обоевъ. Бываютъ у нѣкоторыхъ богатыхъ казаковъ дома о трехъ комнатахъ и эта третья комната называется горницей. Прежде такіе дома были лишь у офицеровъ, но нынѣ офицеры большею частью дома строятъ о четырехъ комнатахъ. Убранство сѣней составляетъ смѣсь азіатскаго съ русскимъ: главная стѣна сѣней устанавливается сундуками, обитыми жестяными узкими листами; лицевая сторона сундуковъ раскрашивается

разными рисунками: розанами и другими цвѣтками. За неимѣніемъ же сундуковъ устраиваются лавки, которыя застилаютъ персидскимъ ковромъ или войлокомъ; сверхъ ихъ укладываютъ тюфяки, обшитыя русскимъ толстымъ канифасомъ, а на нихъ укладываются одѣяла и подушки, по азіатскому обычаю. Въ главномъ углу, отъ входа на право, устроенъ кивотъ, на который устанавливаются разныхъ размѣровъ иконы деревянныя и мѣдныя; внизу кивота подвѣшивается пелена изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ матеріи съ осмиконечнымъ крестомъ на серединѣ; по сторонамъ около кивота висятъ квадратныя подручники, служащія во время молитвы при земныхъ поклонахъ подстилкою между поломъ и лбомъ. Тутъ же на нихъ висятъ лестовки, сдѣланныя изъ сафьяна или опойка съ треугольными такими же наконечниками, иногда украшенныя плисомъ или бархатомъ съ мишурною и серебряною незатѣйливою вышивкою. Въ свободномъ простѣнкѣ непремѣнно виситъ зеркало простаго русскаго фасона, обвитое кругомъ бѣлымъ полотенцемъ со свѣшенными внизъ концами. Концы полотенца бываютъ иногда вышиты (особенно старинныя) шелковыми узорами, или обшиты краснымъ кумачемъ. Коверъ, прикрывающій лавки, спускается внизъ до пола и въ лѣтнее время служитъ жильцамъ убѣжищемъ для отдыха и защиты отъ назойливыхъ и неотвязчивыхъ мухъ; зимою же подъ это убѣжище складываютъ тыквы и другую не нужную домашнюю рухлядь. Сѣни имѣютъ одно лишь окно и это какъ бы указываетъ на то, что это не есть жилая комната, а скорѣе хранилище казачьихъ пожитковъ. Тутъ въ сундукахъ находятся лучшія вещи казака и казачки, а подъ часъ и деньги ихъ; въ сѣняхъ же обыкновенно спятъ молодые новобрачные—лѣтомъ и зимой, несмотря ни на какой холодъ, такъ какъ печекъ въ сѣняхъ не имѣется.

Изба составляетъ жилое отдѣленіе; здѣсь семья находится цѣлый день, особенно зимой; здѣсь работаютъ казаки

и шьютъ женщины, здѣсь же и спятъ, за исключеніемъ какой либо молодой четы. При входѣ въ избу, первымъ бросается въ глаза кивотъ, заставленный образами и находящійся всегда въ противуположномъ углу отъ дверей. Внизу и около кивота висятъ, какъ и въ сѣняхъ: пелена, подручники и лестовки; передъ иконами виситъ лампадка, а на нижнемъ концѣ кивота вдѣланы нѣсколько жестяныхъ трубочекъ для вставки въ нихъ восковыхъ свѣчей, чего въ сѣняхъ нельзя видѣть, такъ какъ свѣчи тамъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ зажигаются. Всякій человѣкъ, входящій въ избу, долженъ не отворяя дверей сотворить молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» и пока не получится отвѣтъ: «Аминь», пришедшій не имѣетъ права переступать порогъ, обыкновенно же отвѣтъ «аминь , не заставляетъ себя ждать. Мальчики и дѣвочки, присланные отъ кого либо по дѣламъ о чемъ нибудь спросить, подходятъ къ окнамъ избы съ наружной стороны и творятъ молитву, имъ отвѣчаютъ сейчасъ же и поднявъ окошко освѣдомляются о цѣли прихода и, удовлетворивъ пришедшаго, захлопываютъ (спускаютъ внизъ) окошко.

Затѣмъ на право въ избѣ при входѣ стоитъ большая русская печь съ напечникомъ вверху и съ подпечникомъ внизу. Зимою и старые и малые постоянно находятся на печкѣ и спятъ на ней ночью, часто имѣя подъ собою разсыпанную для просушки: рожь или просо. Въ печкѣ готовится обѣдъ и печется хлѣбъ Въ подпечникѣ находятся: кочерга, ухватъ, сковородникъ и деревянная лопата для сажанія и выниманія изъ печи хлѣба. Въ противуположной сторонѣ отъ печки въ углу помѣщается поставъ (шкафъ посудный) съ стеклянными дверцами или просто даже безъ нихъ и въ немъ въ чинномъ порядкѣ разстанавливаются на полкахъ тарелки, графины, бутылки и прочая посуда. Полоскательныя чашки спеціально предназначаются для питья чихиря; вообще же гребенцы любятъ пить чихирь изъ чепурокъ

(деревянныхъ раскрашенныхъ чашекъ), отъ чего и получили кличку «чепурниковъ». Свободныя стѣнки избы обстанавливаются узкими деревянными лавками и скамейками, причемъ печная лавка въ три раза шире другихъ и составляетъ любимый уголокъ для всѣхъ; здѣсь молодицы и старухи, сидя съ поджатыми ногами, шьютъ цѣлые дни, а ночью большая часть домочадцевъ на ней укладывается подъ рядъ спать. Изба имѣетъ четыре окна, притворяющихся съ наружи ставнями.

Третья комната «горница», если таковая есть, представляетъ ту разницу отъ избы, что въ этой комнатѣ вмѣсто русской печи, дѣлается голландская печь и вмѣсто печной лавки стоитъ деревянная широкая кровать, убранная по европейски; вмѣсто лавокъ стоятъ по стѣнамъ нѣсколько стульевъ разной формы, кивотъ съ образами—какъ и въ избѣ. У кого есть горница, тотъ оружіе изъ сѣней переноситъ въ горницу и оно виситъ на стѣнѣ надъ кроватью. Горница предназначается для «стыдныхъ» гостей; то есть гостей почетныхъ: офицеровъ, пріѣзжихъ изъ другихъ станицъ и вообще гостей мало знакомыхъ. Здѣсь они угощаются и спятъ. При недостаткѣ дровъ, какой испытываютъ гребенцы вообще и червленцы въ особенности, комната эта топится только въ то время, когда есть гости.

Кромѣ этого, почти при каждомъ домѣ гребенца имѣется сакля азіатскаго мѣстнаго типа, дѣлаемая обыкновенно изъ саманнаго сырцоваго кирпича, или плетневая, съ русскою большою печью, съ плоскою крышею, иногда покрытой мызгой. Сакли эти зимою играютъ самую видную роль въ домашнемъ быту гребенца; здѣсь поголовно скучивается на зиму вся семья его; благодаря теплотѣ сакли, глинобитный полъ ея положительно не допускаетъ поддуванія вѣтра, какъ это бываетъ въ деревянныхъ домахъ, имѣющихъ подполья на одинъ и два аршина между поломъ и основаніемъ дома. Зимою въ саклѣ готовится пища и хлѣбъ, лѣтомъ же она дѣ-

лается почти необитаемою по своему удушливому воздуху. Общій внутренній видъ сакли мало чѣмъ разнится отъ избы, но въ ней замѣтно меньше опрятности.

Кромѣ дома и сакли, на дворѣ есть еще кухня и хатка. Кухни строятся деревянныя, но большею частью плетневыя, густо обмазанныя кругомъ глиною или скотскимъ пометомъ. Въ кухнѣ устроенъ очагъ, съ земляными горнушками и здѣсь лѣтомъ варится пища и топится въ большихъ широкихъ чугунныхъ котлахъ молоко, а осенью варятъ въ этихъ же котлахъ медъ изъ арбуза и винограда. Хатка бываетъ бревенчатая и служитъ для гребенца кладовою и подваломъ; здѣсь хранится въ бочкахъ чихирь, квашеная капуста и моченыя: виноградъ, яблоки и груши, а также лежатъ бѣжни (родъ большихъ корзинъ, выплетенныхъ изъ тонкаго таловаго хвороста и наполняемыхъ: рожью, просомъ и мукой). Здѣсь же складываются запасныя грабли, вилы, косы, серпы и другія мелкія орудія хозяйства, а также всякая мелкая посуда. На дворѣ же устроены конюшни и сараи, гдѣ устанавливаются: арбы, плугъ, дѣловой лѣсъ и т. п. Кромѣ того у всякаго хозяина есть загоны (базки), которые обыкновенно устраиваются вдали отъ станицы, и въ нихъ складываются: скирды сѣна, солома и разный необмолоченный хлѣбъ; тамъ же устраивается токъ для обмолачиванія хлѣба, а зимою содержится и кормится вся гулевая скотина и бараны.

II.

Хозяйство гребенца.

Хозяйство зажиточнаго казака-гребенца состоитъ изъ двухъ и трехъ паръ быковъ, отъ одной до 10 коровъ, до 10 штукъ гулеваго скота, отъ 10 до ста штукъ барановъ, (бараны не у всѣхъ бываютъ), отъ одной до 10 свиней, десятокъ другой гусей и отъ 10 до 15 куръ; индѣекъ водятъ лишь тѣ, кто

имѣетъ хутора. Лошадей въ косякахъ имѣютъ немногіе, но почти въ каждомъ домѣ имѣется верховая или возовая лошадь, отъ 1 до 5 арбъ и отъ 1 до 5 саней. Плугъ рѣдко бываетъ у одного хозяина; большею частью пахота производится «ладеньемъ», (т. е. складчиной изъ нѣсколькихъ хозяевъ). Затѣмъ—имѣетъ отъ 3 до 10 деревянныхъ бочекъ, отъ 30 до 50 ведеръ емкости, столько же кадушекъ, два или три боченка отъ трехъ до 10 ведеръ и запасъ другой мелкой посуды. У нѣкоторыхъ гребенцовъ имѣются давила (станки для выжиманія чихиря изъ чапры и жемерики). Бороны деревянныя, также какъ и плуги не въ каждомъ домѣ имѣются.

Занятія казака внѣ службы: весной распашка земли для проса и арбузовъ, набиваніе таркалъ въ виноградныхъ садахъ, подвязка виноградныхъ кустовъ къ таркаламъ; лѣтомъ: покосъ, жнитво проса и ржи (пшеницу гребенцы почти не сѣятъ—она на песчаникѣ плохо родится), перевозка всего хлѣба и сѣна въ загонъ; осенью: уборка винограда, сливаніе чихиря въ бочки, обрѣзка виноградныхъ кустовъ, посѣвъ озимой ржи, поправка плетней кругомъ двора, покрываніе камышемъ дома, кухни и хатокъ, заготовка мызги (осоки), рубка дровъ на зиму и другія мелкія работы по дому; зимой: присмотръ за скотиной, а также возка дровъ, рубка таркалъ для садовъ, развозка ихъ по садамъ и подостриванье ихъ концовъ. Иногда зимою устраивается общественное «багренье» (ловъ) рыбы. Прежде это былъ самый выгодный промыселъ для казаковъ и багренье устраивалось каждогодно; прежде и Терекъ былъ вольной рѣкой и рыбы было въ немъ много; нынѣ-же совсѣмъ нѣтъ въ Терекѣ рыбы, благодаря разнымъ монополіямъ армянъ въ устьяхъ Терека. Теперешнее багренье—игра нестоющая свѣчъ, а потому ее если изрѣдка и устраиваютъ, то скорѣй только ради воспоминанія о прошломъ, не выручая и тѣхъ денегъ, которыя расходуются на багренье. Багренье устраивается такимъ образомъ: съ каждаго дома

станицы выѣзжаетъ на Терекъ одинъ человѣкъ, везя съ собою нѣсколько деревянныхъ длинныхъ кольевъ и возъ хвороста для плетней. Собравшись на извѣстномъ мѣстѣ Терека, станичники плетутъ плетни и посредствомъ каюковъ перебиваютъ кольями наискось весь Терекъ; затѣмъ спускаютъ около нихъ плетни, прикрѣпляя ихъ къ кольямъ. Когда все готово, часть станичниковъ на каюкахъ поднимается вверхъ по теченію рѣки верстъ на 10 и далѣе, гдѣ, собравшись на назначенномъ мѣстѣ, они ставятъ каюки рядомъ поперегъ всего Терека, и по данному сигналу начинаютъ кричать, бить веслами по водѣ, бренчать желѣзомъ, стрѣлять изъ ружей, — постепенно подвигаясь впередъ. Такимъ способомъ они пугаютъ рыбу, залегшую въ котловинахъ Терека на зимовку и заставляютъ ее спускаться постепенно внизъ по теченію. Подогнавъ рыбу до забойки къ мелкимъ мѣстамъ, гребенцы начинаютъ общую оживленную работу ловли рыбы баграми и подбагриками, укладывая пойманную рыбу въ каюки, и это продолжается нѣсколько дней сряду. Бывали прежде уловы въ одинъ день до ста тысячъ штукъ сомовъ и другихъ рыбъ. По окончаніи багренья рыба дѣлилась поровну, причемъ не забывались ни начальники, ни сироты. Уловы багренья кормили казаковъ иногда круглый годъ и были большимъ подспорьемъ въ ихъ житьѣ-бытьѣ. Въ прежнія времена на багренье пріѣзжалъ атаманъ гребенскаго войска, а въ послѣдствіи командиръ полка и тутъ устраивалась пирушка съ шашлыками изъ лососины и севрюги, устраивались разныя игры на берегу и въ каюкахъ; не обходилось конечно и безъ курьезовъ, каюки опрокидывались въ воду и начиналась съ шумомъ и гамомъ ловля людей баграми. Чихирь лился рѣкою, а веселье и полнѣе того. Потомъ долго шли разсказы о праздникѣ на багреньи, и такъ летѣли въ старину годы, полныя веселья и довольства.

III.

Казаки въ рѣдкихъ случаяхъ выѣзжаютъ на пашню своимъ плугомъ; оно и понятно,—гдѣ же взять каждому хозяину 5—7 паръ воловъ? а плугъ требуетъ непремѣнно это число паръ, иначе трудно двинуть его, когда онъ засядетъ въ землю на полъ-аршина, или иногда зацѣпится за корни терна; мелкій же плугъ совсѣмъ не годится въ нашей мѣстности, благодаря песчаному грунту земли. При мелкомъ плугѣ, верхній землистый слой, легъ бы на вершокъ подъ пескомъ, а постоянные восточные вѣтры не замедлили-бы разнести его по полю.

Нельзя утверждать, чтобы гребенцы не любили распашку земли, но безплодность ихъ обширной песчаной степи, дающей возможность рости только ржи и просу, заставляетъ ихъ къ этому дѣлу относиться болѣе равнодушно, особенно, если принять во вниманіе лѣтніе восточные вѣтры, ежегодно выдувающіе зерна изъ колосьевъ ржи. Несозрѣвшую рожь жать нельзя, а въ моментъ выспѣвки ея большею частію является жгучій вѣтеръ, который въ одинъ день уничтожаетъ годовыя надежды гребенца. Поэтому рѣдкій изъ нихъ набираетъ годовую пропорцію ржи для семьи и приходится ему весь чихирь свой обмѣнивать на хлѣбъ у Моздокскихъ казаковъ, или у жителей сел. Воронцовки и въ другихъ селеніяхъ Ставропольской губерніи. Но, несмотря на такую скудную почву, и ею приходится дорожить...

Гребенцы, выѣзжая на распашку, дѣлятся на десятки, то есть десять плуговъ и вся полоса земли, предполагаемая подъ распашку, измѣряется веревкою и потомъ уже дѣлится поровну поплужно. Прежде (во время войны съ горцами) десятки строились городками, т. е. 10 плуговъ съ людьми огораживались кругомъ арбами, разбивая, по срединѣ этой импровизованной огорожи, будки изъ «чублуковъ»—длинныхъ прутьевъ, перегнутыхъ въ дугу, концы которыхъ втыкались

въ землю, представляя изъ себя большой шалашъ. Будки эти покрывались войлоками, что и служило пахарямъ защитой отъ солнца, дождя и вѣтра; въ нихъ же складывалась также вся провизія и прочее имущество. Тутъ же каждый около своей будки варилъ жидкую просяную кашу, подправленную «куртомъ» (топленымъ масломъ) и «ремчикомъ» (сваренная до красна простокваша). За неимѣніемъ же этихъ продуктовъ, каша подквашивалась виноградным или арбузнымъ медомъ, или просто варилась съ дикимъ чеснокомъ и степной кислицей. Старшинскій десятокъ (офицерскій) пользовался по выбору офицеровъ лучшимъ участкомъ земли, и количество ея противъ казачьихъ десятковъ было вдвое или втрое больше. Въ офицерскихъ десяткахъ между будками были видны палатки, а иногда небольшія ногайскія кибитки. Плуги на ночь свозились къ десяткамъ для безопасности, быки же подъ значительнымъ прикрытіемъ паслись въ полѣ. Съ разсвѣтомъ быки пригонялись къ десяткамъ и каждый хозяинъ подводилъ ихъ къ своему плугу, запрягалъ, а мальчики садились на «мынцу» (ярмо) и гнали быковъ до своей борозды, гдѣ затѣмъ и начиналось паханье. Въ настоящее время хотя и существуютъ по старинному десятки, но не существуетъ городковъ и каждый хозяинъ плуга останавливается около свой полосины (участка), не соблюдая уже прежнихъ предосторожностей; а офицеры теперь уже не пользуются привиллегіею выбирать участки и пашутъ въ раздробь между казаками, ладя съ ними.

Луговыя покосныя мѣста дѣлятся и понынѣ на паи, но съ тою разницею, что прежде штабъ-офицеръ получалъ 8 паевъ противъ казака, а оберъ-офицеръ 4 пая; нынѣ же офицеры получаютъ паи такіе же, какъ и казаки.

IV.

Заработки и продовольствіе гребенца.

Гребенцы распахиваютъ земли довольно много, но сборъ хлѣба съ нея не переходитъ: пшеницы 20 мѣръ на хозяйство, ржи отъ 50 до ста мѣръ, проса отъ 20 до 70 мѣръ; другаго же рода хлѣба не сѣется. Сѣна собирается отъ 10 до 40 арбъ, въ неурожайные же годы и того меньше. Вина собирается отъ 1 до 10 сорокаведерныхъ бочекъ, капусты отъ 10 до 30 ведеръ, арбузовъ отъ 5 до 20 возовъ, тыквы одинъ и два воза, картофеля совсѣмъ нѣтъ, свеклы отъ 1 до пяти пудовъ, рѣдьки столько же, огурцовъ зимою въ рѣдкомъ домѣ можно встрѣтить, луку отъ 1 до 4 пуд., чесноку отъ 1 до 3 пуд. Въ виду недостаточности хлѣба, онъ покупается и вымѣнивается на чихирь въ нужномъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ, какъ сказано выше, отстоящихъ отъ станицы Червленной на 200 и болѣе верстъ. Гребенцы ѣдятъ большею частью черный хлѣбъ и воообще пищу ихъ можно назвать весьма скудною. Главный продуктъ ихъ стола—рыба; мясо употребляется лишь въ большіе праздники и воскресные дни. Варятъ щи съ рыбой и жидкую съ квасомъ просяную кашу, лапшу, хинкалы (дѣлается изъ того же тѣста, какъ и лапша, но рѣжется небольшими квадратными листиками), галуны (тоже что и хинкалы, но въ 10 разъ больше въ квадратѣ), пальхамы (дѣлаются изъ просяной муки скатанной сначала въ круглый комъ, а потомъ раздавленной въ кружокъ) и вареники. Кромѣ того съ рыбой вареной и жареной ѣдятъ пасту (крупная пшенная каша, сбитая въ каравай въ видѣ небольшаго хлѣба). Употребляемая рыба—преимущественно сомъ, сазанъ, чибокъ (жерихъ), въ рѣдкихъ случаяхъ лососина, лохъ и севрюга. Словомъ рыба для гребенца то же, что сало для малоросса,—безъ нея не обходятся ни въ пиру, ни въ похмѣльи, ни на поминкахъ. Къ сожалѣнію и этотъ

главнѣйшій продуктъ питанія гребенца, благодаря нынѣшней системѣ лова рыбы арендаторами въ устьяхъ протоковъ р. Терека, перестаетъ быть довольствіемъ гребенца. Въ Терекѣ теперь трудно поймать даже десятокъ другой рыбъ не только севрюги, но и сома, и сазана, такъ что гребенцы теперь почти перестали ловить рыбу въ Терекѣ, а ѣздятъ ее покупать на берега Каспійскаго моря за 150 и 200 верстъ. Вообще пища гребенцовъ, какъ видитъ читатель, неособенно питательна и если не отражается пока разрушительно на ихъ организмѣ, то только благодаря чихирю, котораго въ каждомъ домѣ выпивается для поддержанія здоровья отъ 20 до 50 ведеръ въ годъ. Само собой разумѣется, что и молоко занимаетъ не послѣднее мѣсто въ пищѣ гребенцовъ. Въ великій постъ гребенцы ѣдятъ щи да кашу—безъ всякой приправы, даже конопляное масло употребляется только по субботамъ и воскресеньямъ, особенно въ послѣдніе бѣдственные годы.

Несмотря однако на плохую пищу и разныя жизненныя неурядицы, гребенцы живутъ довольно долго; среди ихъ много можно найти стариковъ и старухъ отъ 70 до 90 лѣтъ; есть даже и такіе, которые доживали до 120 лѣтъ. На моей памяти: старикъ Соинъ жилъ 120 лѣтъ и у него въ послѣдніе годы прорѣзались новые зубы, но онъ въ это время сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ, игралъ съ дѣтьми и когда тѣ лазили раззорять подъ сараемъ воробьиныя и ласточкины гнѣзда, то Соинъ, въ свою очередь карабкался за ними и, при невозможности сдѣлать это, начиналъ горько плакать. Затѣмъ 120 лѣтъ прожила жена войсковаго знаменщика С. М. Фролова, Анна Ивановна, извѣстная подъ именемъ «поповны», такъ какъ она была дочерью Шелкозаводскаго священника. Въ настоящее время въ станицѣ Червленной 90 лѣтъ можно найти нѣсколько женщинъ и мужчинъ.

Долгую жизнь гребеничекъ и гребенцовъ слѣдуетъ приписать также умѣренности ихъ въ пищѣ. Толстые люди въ станицѣ Червленной и вообще между гребенцами рѣдки.

Хотя казаки и много пьютъ чихиря, но нужно къ чести ихъ сказать, что пьяницъ настоящихъ среди гребенцовъ нѣтъ. Я помню единственнаго казака, Е. С—ва, который пилъ, какъ слѣдуетъ пьяницѣ, за что его переименовали изъ С—ва въ Минайчика.

Въ прежнее время гребенцы водку совсѣмъ не пили. Въ станицѣ Червленной при 900 дворахъ существовалъ лишь одинъ кабакъ, заходить въ который считалось большимъ срамомъ и никто изъ гребенцовъ не осмѣливался переступить порогъ кабака; водку же пили одни ногайцы, ими кабакъ и держался.

V.

Семейный складъ.

Семейныя отношенія гребенскихъ казаковъ самыя благопріятныя; женщина пользуется у нихъ полнымъ равенствомъ съ мужчиною, и если что преобладаетъ въ семьѣ, то лишь только взаимное уваженіе, умственное и нравственное превосходство, которому подчиняются въ одинаковой степени и мужчины, и женщины. Можно видѣть у гребенцовъ многіе дома, гдѣ жена болѣе играетъ роль хозяина, чѣмъ мужъ, и мужъ безъ жены не осмѣлится продать и курицы. Свекоръ и свекровь пользуются уваженіемъ, но не играютъ той роли въ отношеніи снохи, какую мы видимъ въ другихъ русскихъ семьяхъ. Здѣсь не удавится и не отравится сноха отъ притѣсненій свекрови или свекра, да и слава Богу. Такихъ случаевъ на Гребнѣ никогда не было. Здѣсь въ семьѣ всѣ равны и отношенія устанавливаются въ зависимости отъ угожденія одинъ другому. Правда, въ прежнія времена было больше вліянія старшихъ въ семьѣ и не всегда въ силу нравственнаго превосходства, но тогда была глушь, теперь же многое кое-что сладилось.

VI.

Поминки.

Не малую долю раззоренія приносятъ казачьему хозяйству поминки умершихъ. Каждый казакъ заботится о поминкахъ даже больше, чѣмъ о свадебномъ пирѣ. Умеръ человѣкъ,—его начинаютъ поминать: первый поминъ идетъ сейчасъ же послѣ похоронъ и называется «горячимъ столомъ»; второй поминъ на 3-й день послѣ смерти, 3-й на 9-й день, 4-й на 20-й день, 5-й на 40-й день, 6-й въ половинѣ года, 7-й годовщина, 8-й—память дня рожденія покойнаго. Во всѣ эти дни созываются уставщики и человѣкъ 40 и больше родственниковъ и постороннихъ стариковъ и старухъ. Для помина приготовляются: кутья пшеничная, кисель съ сытой изъ меда пчелинаго, виноградиаго или арбузнаго, щи съ мясомъ (въ постные же дни съ конопляным масломъ), съ бураками и бобами, нѣсколько сортовъ пироговъ, начиненныхъ капустою съ мясомъ, тыквой, рисомъ и пшеномъ (просо) съ сыромъ и другія, сладкій пирогъ съ сушенымъ виноградомъ, яблоками и грушами, перелитыми пчелинымъ медомъ; чихирь на поминкахъ льется рѣкой. Кончивъ поминки и помолившись Богу, садятся снова за такъ называемый «присѣстъ» и въ это время многіе уходятъ по домамъ, но уставщики и другіе болѣе свободные люди, любящіе покутить на чужой счетъ, остаются. Присѣстъ этотъ кончается иногда полнымъ опьяненіемъ присутствующихъ и разными перебранками и пересудами. Всѣхъ покойниковъ, послѣ года смерти, поминаютъ два раза въ годъ: въ день смерти и въ день рожденія. Если каждый поминъ обходится казаку среднимъ числомъ въ 25 рублей, то годъ смерти обходится при 8-ми поминахъ по меньшей мѣрѣ въ 200 рублей, а если случится въ домѣ въ теченіи одного года два покойника, да прибавить къ тому еще три и болѣе помина по прежде умершимъ, то тогда по-

минки обходятся гребенцу не менѣе 400 рублей, а трата непроизводительно такой суммы не можетъ благопріятно вліять на его хозяйство. Поминки эти давно уже тяготятъ казаковъ и многіе были-бы не прочь замѣнить ихъ чѣмъ нибудь полегче, но уставщики за поминки крѣпко держатся, и если можно кого за эти расходы обвинять, то никого другого, кромѣ уставщиковъ. Они вліятельные люди въ станицѣ и не мѣшало-бы имъ свое вліяніе выразить въ чемъ нибудь болѣе душеспасительномъ и полезномъ. Пишущій эти строки самъ старообрядецъ и смѣетъ думать, что спасеніе души умершаго не можетъ заключаться только въ убыточныхъ поминкахъ.

VII.

Казакъ Хвацкій.

Въ видѣ дополненія къ обрисовкѣ общаго характера гребенскихъ казаковъ, я позволю себѣ разсказать о гребенскомъ казакѣ-червленцѣ Хвацкомъ (настоящая его фамилія Цигуринъ, прозваніе же Хвацкій онъ получилъ отъ станичниковъ за свой «хватскій» подвигъ). Я помню хорошо казака Хвацкаго и, будучи еще ребенкомъ, безсознательно плакалъ на могилѣ его въ числѣ другихъ и, надо полагать, что слезы мои не были чужды общему настроенію. Хвацкій былъ высокаго роста и красивъ собою—съ черной окладистой бородой. Въ молодыхъ годахъ онъ участвовалъ въ 1839 году въ экспедиціи подъ Ахульго, подъ командою генерала Граббе (впослѣдствіи графа). Однажды въ лагерѣ подъ Ахульго, онъ, находясь въ качествѣ часоваго около палатки генерала Граббе, расхаживалъ на своемъ посту. Въ это время около палатки упала граната, пущенная изъ лагеря Шамиля. Разумѣется, всѣ въ ужасѣ выскочили изъ палатокъ, каждую секунду ожидая взрыва бружившейся на мѣстѣ гра-

наты. Казакъ же Хвацкій, не теряя присутствія духа, спокойно подошелъ къ гранатѣ и столкнулъ ее прикладомъ ружья внизъ обрыва горы, гдѣ граната и не замедлила взорваться, а самъ снова сталъ ходить на своемъ посту. Восторгъ былъ полный. Генералъ Граббе, отправляя свое донесеніе Государю Императору Николаю Павловичу съ адъютантомъ, о взятіи Ахульго, послалъ съ нимъ и казака Хвацкаго. По пріѣздѣ посланныхъ въ Петербургъ, начальство пожелало представить Хвацкаго Его Величеству, но тутъ вышло затрудненіе: казакъ Хвацкій не захотѣлъ брить бороду (гребенцы бороды никогда не брили и считали ее священной; въ жаркихъ же бояхъ и схваткахъ съ чеченцами они брали свои бороды въ ротъ, и закусывая ихъ зубами, считали себя какъ бы принявшими таинство причащенія и тогда смерть для нихъ была «чашей сладкою вина краснаго»). Долго начальство старалось уговорить Хвацкаго сбрить бороду, но все было тщетно; онъ увѣрялъ, что если его начнуть брить, то онъ этою же бритвою перерѣжетъ себѣ горло, говоря при этомъ, что борода никогда не мѣшала ему исполнять свой долгъ, какъ слѣдуетъ, Царю Батюшкѣ. Объ упорствѣ казака Хвацкаго доложили Государю и Его Величество былъ столь милостивъ, что пожелалъ видѣть Хвацкаго съ бородою. Когда онъ предсталъ предъ Царскія очи, Государь, съ свойственною ему серьезностью, спросилъ его: «Отчего ты не хочешь брить бороду?» —Хвацкій успѣлъ только проговорить: «Простите, Ваше Императорское Величество!» Тогда Государь милостиво сказалъ ему: «Спасибо за службу, я тебя велѣлъ зачислить въ мой конвой»,—и тутъ же самолично возложилъ на него георгіевскій крестъ.

Вернувшись изъ Петербурга въ станицу Червленную, Хвацкій продолжалъ служить въ полку—въ сотнѣ. Однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ дома, починяя свои поршни, къ окну подошелъ сотенный нарядчикъ (эфрейторъ) и началъ стучать въ окно. Хвацкій, поднявъ окошко, выглянулъ на

улицу, и нарядчикъ объявилъ ему, что онъ на эту ночь назначается въ секретъ на Терекъ. Хвацкому показалось, что его назначаютъ не въ очередь, что много есть молодыхъ казаковъ, которые уже давно не были въ секретѣ и что имъ дѣлаютъ поблажку, а его стараго казака безъ очереди гоняютъ въ секретъ, почему онъ и объявилъ нарядчику, что не пойдетъ въ секретъ. Нарядчикъ не замедлилъ объ этомъ сообщить старшему уряднику, который въ свою очередь явился на дворъ Хвацкаго, вызвалъ его къ себѣ и съ угрозою требовалъ, чтобы онъ шелъ въ секретъ безъ отговорокъ. Разумѣется при этомъ не обошлось безъ размахиванія руками, причемъ урядникъ какъ-то задѣлъ рукой по лицу или по груди Хвацкаго. Хвацкій не вытерпѣлъ, и двинулъ свою руку пошире урядниковой, а затѣмъ конечно начался судъ.

Долго судили Хвацкаго и долго онъ сидѣлъ подъ арестомъ на полковой гауптвахтѣ. Въ это время пріѣзжаетъ въ Червленную Главнокомандующій Кавказскою арміею, князь Воронцовъ, когда дѣло Хвацкаго было уже кончено и судъ приговорилъ его къ снятію георгіевскаго креста – о чемъ и было доложено князю. Чтя высоко награду, полученную Хвацкимъ за боевой подвигъ лично отъ Государя, князь Воронцовъ хотѣлъ пощадить Хвацкаго и ограничить наказаніе его 50-ю ударами розогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ и видѣть Хвацкаго лично. Когда ввели Хвацкаго къ князю Воронцову, то князь, прежде всего пожалѣлъ о поступкѣ Хвацкаго съ урядникомъ и, высказавъ желаніе сохранить ему крестъ, какъ пожалованный лично Государемъ, объявилъ ему, что онъ взамѣнъ лишенія креста будетъ наказанъ 50-ю ударами розогъ. Хвацкій, вытянувшись въ струнку, прогремѣлъ громкимъ своимъ голосомъ: «покорно благодарю, ваше сіятельство», и вслѣдъ за этимъ осмѣлился доложить, что если онъ будетъ наказанъ 50-ю ударами розогъ, то считаетъ себя недостойнымъ носить столь дорогой для него крестъ, и потому лучше желаетъ снятія креста съ него. Удивленный

такимъ отвѣтомъ, князь улыбнулся и сказалъ: «Хорошо! будетъ удовлетворено твое желаніе».

Такимъ образомъ, казакъ Хвацкій потерялъ свой крестъ, столь славно доставшійся ему, но онъ не потерялъ надежды вернуть его. Подлежа уже отставкѣ, но мучимый мыслью, что ему будетъ стыдно умереть безъ креста, онъ поступилъ снова на службу. Зимою 1853 года Хвацкій отправился въ экспедицію въ Чечню. Въ то время былъ назначенъ командовать кавалеріею наказный атаманъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Круковскій. Хвацкій льстилъ себя надеждой получить въ эту экспедицію во что бы не стало георгіевскій крестъ и возлагалъ эту надежду, между прочимъ, на генерала Круковскаго, который его зналъ лично какъ по его боевому подвигу, такъ и по грустному случаю утраты креста. Однажды утромъ генералъ Круковскій взялъ съ собою для рекогносцировки сотню гребенскихъ и моздокскихъ казаковъ и, подойдя къ аулу Дуба съ одною моздокскою сотнею, въѣхалъ въ него и тамъ тотчасъ завязалась перестрѣлка, въ которой и былъ убитъ генералъ Круковскій. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди казаковъ. Закипѣло ретивое у Хвацкаго, онъ стремглавъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ находился генералъ Круковскій и увидѣлъ любимаго генерала уже распростертаго на землѣ и обираемаго вражьими руками. Сдѣлавъ изъ ружья выстрѣлъ, онъ, съ шашкою въ рукѣ, бросился отбивать у враговъ тѣло генерала; горцы, струсивъ, бросились въ лѣсъ, но когда онъ, схвативъ тѣло генерала, готовился нести его на себѣ—вражья пуля пронизала его въ грудь и Хвацкій упалъ мертвымъ на трупъ имъ отбитаго генерала Круковскаго.

Такъ закончилъ свою жизнь богатырь-казакъ Хвацкій; такъ заканчивали свою жизнь и многіе гребенцы, представляя собою славные примѣры доблести своимъ дѣтямъ.

VIII.

Гребенички.

Гребенички составляютъ не только лучшее украшеніе семейной жизни гребенца-казака, но и главную экономическую силу его хозяйства и домашняго достатка.

По внѣшнему своему виду, гребенички представляютъ два типа: татарско-русскій и русско-чеченскій. Оба эти типа имѣютъ свои характерныя особенности, но и много общаго, сложившагося подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій жизни Вообще всѣ гребенички красивы, граціозны, смѣлы, симпатичны и энергичны. Разговоръ ихъ нѣжно пѣвучъ и онѣ очень словоохотливы и остроумны. Забота о сохраненіи своей миловидности и нѣкоторая кокетливость составляютъ одно изъ характерныхъ свойствъ гребенички. Для сохраненія кожи лица и рукъ, онѣ и на работѣ въ полѣ, и въ домѣ, всегда кутаются, т. е. обвязываютъ лицо платкомъ, а на ночь, послѣ умыванья, натираютъ лицо и руки козлинымъ или другимъ жиромъ, а иногда слускомъ своего приготовленія, отчего цвѣтъ лица и рукъ у нихъ всегда нѣжный и прозрачный, несмотря на ту египетскую работу, которую онѣ несутъ съ матыгою въ виноградныхъ садахъ и съ серпомъ на жатвѣ.

Вотъ перечень ихъ работъ.

Весною гребенички убираютъ виноградные сады, т. е.— выкапываютъ изъ земли матыгой виноградные кусты, набиваютъ таркалы около кустовъ, подвязываютъ мочалой кусты къ таркаламъ, сажаютъ разсаду, огурцы, арбузы, дыни, тыквы, лукъ, чеснокъ, поливаютъ каждодневно разсаду, ходя для этого за 3 и 4 версты отъ дома; варятъ пищу, пекутъ хлѣбъ и дѣлаютъ все прочее по хозяйству, а по субботамъ моютъ драчемъ (песчаниковымъ камнемъ) полы, передъ пасхой скоблятъ ножами потолки и другія въ домѣ неокрашенныя и неоклеенныя обоями мѣста.

Лѣтомъ: Полютъ (подчищаютъ) матыгою въ садахъ, сажаютъ и поливаютъ капусту, жнутъ рожь и просо, сгребаютъ сѣно (гребеничкы въ рѣдкихъ случаяхъ косятъ сѣно) перевозятъ хлѣбъ и сѣно на загоны (базки) свозятъ арбузы домой, и между всѣми этими работами успѣваютъ обшивать семейства.

Осенью: порятъ арбузы (вынимаютъ сѣмячки), обрѣзаютъ виноградъ, давятъ (мнутъ) его руками въ плетеныхъ носилкахъ надъ кадушками, сливаютъ чихирь въ бочки, когда онъ скиснетъ въ кадушкахъ; обрѣзываютъ въ садахъ лишнія вѣтки, зарываютъ виноградные кусты матыгою въ землю; свозятъ капусту, рубятъ ее и солятъ вмѣстѣ съ арбузами, сбираютъ въ лѣсу дикія яблоки, груши, мочатъ ихъ, сушатъ въ печкахъ виноградъ, яблоки и груши; варятъ медъ изъ винограда и арбузовъ, перевозятъ изъ садовъ домой виноградныя плетки (вѣтки) и старыя негодныя таркалы, а, за неимѣніемъ быковъ, переносятъ все это на плечахъ.

Зимою: приготовивъ обѣдъ, садятся шить до вечера, вечеромъ убираютъ загоны, (чистятъ навозъ) накладываютъ скотинѣ сѣно, и вернувшись домой садятся при сальныхъ свѣчахъ снова за шитье и просиживаютъ до 12 часовъ ночи.

Такимъ образомъ, гребеничка круглый годъ не выходитъ изъ желѣзнаго круга труда—тяжелаго и не вполнѣ вознаградимаго. Несмотря на этотъ трудъ, онѣ постоянно чистоплотны и опрятны, бѣлолицы и почти всегда нарядны. Трудно замѣтить, чтобы гребеничка, даже идя въ садъ на работу, была плохо одѣта. Когда онѣ идутъ въ садъ, первымъ дѣломъ, приведя въ порядокъ голову, надѣваютъ чистую ситцевую рубашку, лучшіе чулки и черевики или ботинки козловыя, лучшую фуфайку или бешметъ; рабочее же бѣлье увязываютъ въ узелокъ и такимъ образомъ, взявъ въ подмышку бѣлье и провизію, а на плечо всвинувъ матыгу, идутъ въ садъ, точно куда либо въ гости или на гулянье. Придя въ садъ, онѣ снимаютъ съ себя весь свой нарядъ и свертыва-

ютъ его въ безукоризненный порядокъ, а затѣмъ надѣваютъ толстую холщевую или старую ситцевую рубашку и прочее тряпье и начинаютъ безъ разгибу и устали сгребать или разгребать матыгою землю, вплоть до самой ночи. Кончивъ работу и захвативъ свой нарядъ, онѣ идутъ къ колодцу и здѣсь моются и, одѣвшись въ свѣжій костюмъ, идутъ домой полныя веселья съ говоромъ и пѣсней, распрашивая сосѣдокъ и прочихъ о томъ, сколько кто наработалъ и проч. Разумѣется не обходится при этомъ и безъ пересудовъ, остротъ и хохота. Гребенички не умѣютъ унывать. Это богатыри-женщины, полныя жизни, кокетливости и граціи. Онѣ, никѣмъ и никогда не стѣсняемыя, говорятъ свободно и безразлично со старымъ и малымъ; всѣ имъ ровня: и генералъ и простой казакъ.

Въ силу исторически сложившейся жизни гребенскихъ казаковъ, гребенички, оставаясь единственными хозяйками домашняго очага, пріобрѣли и полную независимость въ своихъ дѣйствіяхъ и такимъ образомъ стали къ мужчинамъ въ совершенно равныя отношенія; даже можно сказать не преувеличивая,—онѣ поставили мужчину даже въ болѣе зависимое положеніе къ себѣ. Оно и понятно. Не можетъ же въ самомъ дѣлѣ мужчина имѣть преобладающее вліяніе на женщину, находясь постоянно на службѣ и не получая отъ казны ни обмундированія, ни прочаго необходимаго для жизни и въ тоже время не принося никакой существенной пользы семьѣ ни трудами, ни разумными указаніями, а напротивъ являясь всегда въ семью въ родѣ какого-то паразита. При такихъ условіяхъ мыслима-ли претензія на преобладаніе? Жена для гребенца—это главное его богатство, откуда онъ получаетъ и обмундированіе, и вооруженіе, и коня. Чѣмъ казакъ удалѣе и отважнѣе, чѣмъ онъ болѣе преданъ службѣ, тѣмъ онъ болѣе плохой хозяинъ. Жена въ хозяйствѣ и домѣ—для него архимедовъ рычагъ и ея сила чувствуется и видится ему вездѣ. И горе казаку, который не имѣетъ такой жены! Тогда и въ домѣ, и въ полѣ—вездѣ у него плохо.

IX.

Нравы и образъ жизни гребеничекъ.

Несмотря на полную зависимость казака отъ начальства и, въ частности отъ своего офицера на службѣ и въ частной жизни,—гребенички ухитрились стать въ совершенно иныя отношенія къ офицерамъ и ихъ женамъ. Здѣсь мы видимъ тѣ же равноправныя отношенія. Жена казака дружитъ съ женою офицера и съ офицеромъ обращается какъ и со всякимъ казакомъ. Она въ немъ не заискиваетъ и хотя ей приходится иногда обращаться къ офицеру съ просьбой о мужѣ, но все это она дѣлаетъ какъ будто между прочимъ, не отступая отъ своихъ правъ равенства. Если-бы простая гребеничка встрѣтила съ семьѣ офицера какое либо «великательство» (важничаніе), то она не задумалась бы тотчасъ же поставить это на видъ офицершѣ или офицеру и притомъ самымъ нецеремоннымъ образомъ, кольнувъ острымъ словечкомъ въ самое больное мѣсто. Отношенія эти установились и поддерживаются потому болѣе, что простыя казачки-дѣвушки часто выходятъ замужъ за дѣтей офицеровъ, а казачьи сыновья женятся на дочеряхъ офицеровъ. Дворянъ же у гребенцовъ никогда не было, благодаря ихъ старообрядческой вѣрѣ. У нихъ тотъ получалъ чинъ офицера, кто былъ болѣе достоинъ, не разбирая—сынъ-ли онъ офицера или простаго казака, и нужно сознаться, что дѣти простыхъ казаковъ по большей части выходили лучшими офицерами. Многія дѣти простыхъ казаковъ, не говоря уже о чинахъ оберъ-офицерскихъ, получали чины и полковниковъ, и генераловъ, тогда какъ этого мы не видимъ у дѣтей офицеровъ. Въ послѣдніе годы многіе офицеры стали своихъ дочерей держать немного иначе, т. е. стали ихъ наряжать въ полуевропейскіе костюмы и нѣсколько удалять отъ казачьихъ дочерей, чрезъ что простыя казачки, видя въ нихъ барышень бѣлоручекъ, стали обѣгать ихъ въ сватовствѣ и получился тотъ резуль-

татъ, что дочери такихъ офицеровъ, не получивъ никакого образованія, стали засиживаться въ дѣвахъ, и такихъ дѣвъ отъ 25 до 35 лѣтъ можно видѣть въ любой станицѣ до десятка. И кто знаетъ, очень можетъ быть, что такъ просидятъ онѣ и до старости, не выйдя замужъ, да и трудно имъ выходить замужъ не имѣя образованія и хорошаго приданаго. Будь послѣднее за ними, все же бы нашлись женихи хоть изъ пѣхотныхъ офицеровъ. Въ виду этого надо полагать, что офицеры казаки перемѣнятъ свою политику по необходимости и станутъ воспитывать дочерей или въ прежнемъ духѣ, или начнутъ ихъ образовывать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, у кого для этого хватитъ средствъ.

Хотя я и хотѣлъ говорить особо объ офицерахъ-гребенцахъ и ихъ семействахъ, а также объ ихъ бытовой жизни, но признаюсь не нахожу отличій, на какія можно было бы указать въ ихъ жизни отъ простыхъ казаковъ. Вся разница между казакомъ и офицеромъ—въ однихъ эполетахъ, все же остальное зависитъ исключительно отъ средствъ. Богатые офицеры конечно всегда живутъ шире и лучше богатаго казака. Хозяйство офицерскихъ семействъ ведется тѣмъ же способомъ, какъ у простаго казака, обстановка таже самая, если не считать лишней комнаты въ домѣ офицера, обставленной нѣсколькими стульями, диваномъ и круглымъ столомъ, вмѣсто обыкновеннаго четырехъ-угольнаго стола и лавокъ по стѣнамъ.

Боевую славу гребенцовъ могутъ вполнѣ раздѣлить съ ними и ихъ жены-гребенички: онѣ принимали самое дѣятельное участіе въ ихъ боевыхъ схваткахъ съ чеченцами. Конь казака, когда онъ былъ дома, всецѣло оставался на попеченіи жены: она его кормила, поила и подъ часъ чистила, а во время тревоги сѣдлала его и держала подъ уздцы у порога дома въ ожиданіи мужа, одѣвавшагося въ свои боевые доспѣхи. Провожая его, она напоминала ему его долгъ и семейную славу, которыя ей были такъ же дороги, какъ и богатырю казаку.

Женщины гребенички всегда были настолько отважны и смѣлы, что не было примѣра, чтобы гребеничку когда либо, во время ея работъ въ виноградномъ саду съ матыгой въ рукахъ, чеченцы взяли въ плѣнъ. Они крадучись воровали у гребеничекъ ихъ наряды, лежавшіе гдѣ нибудь подъ кустомъ, или уносили дневную ихъ провизію, но никогда не осмѣливались нападать на нихъ безнаказанно. Стрѣлять-же по женщинамъ—у горцевъ-чеченцевъ не было въ обычаѣ.

Урядникъ и кавалеръ мужъ, составлялъ всегда гордость гребенички. Не одинъ казакъ положилъ свою голову для того, чтобы доставить своей красавицѣ женѣ честь щегольнуть передъ подругами, своимъ героемъ мужемъ. Гребеничка никогда не была рабомъ своего мужа, но это нисколько ей не мѣшало оставаться его работницей—въ виду безпрерывной его службы. Она всегда готова была жертвовать тяжкимъ трудомъ, лишь бы видѣть своего джигита мужа на лихомъ конѣ, обвѣшаннаго оружіемъ, окованнымъ въ серебро съ чернью. Ей всегда казалось, что этотъ боевой нарядъ ея мужа настолько близокъ ей, что и она дѣлается отъ него и красивѣй и горделивѣй. Вообще гордость и достоинство присущи характеру гребенички такъ же, какъ и гребенца и эти качества даютъ имъ силы мужественно и съ достоинствомъ переносить всѣ невзгоды жизни. При послѣднихъ громадныхъ пожарахъ, отъ которыхъ три раза выгорала станица Червленная и каждый разъ на половину станицы, (нѣкоторыя семьи выгорали по два и по три раза); во время тяжкихъ неурожаевъ сряду по нѣсколько лѣтъ винограда и хлѣба,—ни одна гребеничка не позволила себѣ опозорить своей руки, протягивая ее за подаяніемъ или милостынею. Она скорѣе предпочтетъ голодную смерть, чѣмъ унизительное попрошайничество. Нищихъ у гребенцовъ нѣтъ; но бѣдные люди умѣютъ мириться съ своею нуждою и выносятъ ее безъ ропота и съ достоинствомъ.

Несмотря однако на всѣ прекрасныя качества гребе-

нички, къ крайнему сожалѣнію надо сознаться, что онѣ не пользуются особенно прочною репутаціею по отношенію къ супружеской вѣрности. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, но обобщать такіе отзывы и подрывать репутацію гребеничекъ съ такой щекотливой стороны—по меньшей мѣрѣ грѣшно. Не малая доля отзывовъ и разсказовъ подобнаго рода вызывается просто врожденною бойкостью и кокетливостью гребенички, ея красотою, словоохотливостью и щегольствомъ одежды.

X.

Одежда гребеничекъ.

Лучшій нарядъ молодой гребенички-дѣвушки составляетъ канаусовая красная рубашка, атласный бешметъ или фуфайка и «ширинка» (шелковый цвѣтной большой платокъ), да янтари съ припайками,—вотъ ея идеалъ, къ которому она стремится съ малолѣтства. Мать пережившая уже въ свое время эти стремленья, понимаетъ ихъ хорошо и старается по мѣрѣ возможности удовлетворить свое милое дитя. И вотъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, она подводитъ дочку къ разукрашенному сундуку, открываетъ его и достаетъ свою былую гордость: сатиновый бешметъ (атласный), канаусовую рубашку, ширинку и припайки съ янтарями и все это примѣряетъ на дочкѣ, сама полная восторга, какъ и дочь. Что въ пору и идетъ къ лицу, то сейчасъ же и дается дочери, а что не въ пору, то не трудно гдѣ нужно поушить, (убавить) и т. п. Вообще же гребенички носятъ: кафтанъ (онъ же называется бешметомъ), фуфайку, которая отличается отъ бешмета тѣмъ, что рукава ея дѣлаются только по локоть, бешметъ же имѣетъ рукава длинныя по кисть, съ отворотами. Дорогіе бешметы (атласные и другихъ шелковыхъ матерій)

обшиваются узкимъ галуномъ и серебрянымъ съ черными нитками снуркомъ;—ситцевые же носятъ безъ того и другаго. На дорогихъ бешметахъ и фуфайкахъ, пришиваются вмѣсто застежекъ серебряныя съ чернью азіатскія петли отъ 6 до 10 паръ, которыя бываютъ разной величины и формы. Петли нашиваются на бархатъ, плисъ или на красный козловый сафьянъ, обшитый кругомъ серебрянымъ галуномъ. Цвѣтъ бешмета и фуфайки предпочитается ради прочности—черный, но носятъ также: голубаго, коричневаго и иногда зеленаго цвѣта. Шуба носится зимою и вообще въ холодное время. Мѣха шубы преимущественно бѣльчатыя и кошачьи, а также бараньихъ лапокъ (называемыя лапчатыми); верхъ шубы атласный или шерстяной. Шуба опушается вокругъ груди, подола и по рукавамъ мѣхомъ рѣчной выдры шириною въ полтора вершка. На шубахъ также носятъ серебряныя петли. Вся верхняя одежда кроится въ талію. Рубашки шьются длинныя по самыя щиколки съ весьма широкими рукавами: будничныя—ситцевыя, а праздничныя изъ персидскаго канауса, цвѣта краснаго и малиноваго, или желтаго. Чулки зимою предпочитаются шерстяные, синіе съ красными стрѣлками, а въ прочее время—бѣлые нитяные; черевики и ботинки носятъ мѣстной работы изъ сафьяна, носятъ и привозные изъ Москвы прюнелевые.

Для украшенья головы женщины заплетаютъ двѣ косы, которыя на темени свертываются въ кружокъ, а на него накладывается «подкосокъ» (родъ кренделя, набитаго ватой); на него надѣвается канаусовая или ситцевая «сорочка» (родъ чепца); на сорочку повязываютъ «стягашъ» (шелковый или ситцевый небольшой платокъ), концы котораго завязываются на затылкѣ. Затѣмъ на все это сверху навязывается ширинка или большой батистовый платокъ съ загибомъ на серединѣ (загибка дѣлается зубами или утюгомъ по серединѣ свернутаго уголъ на уголъ платка).

Дѣвушки голову убираютъ гораздо проще; онѣ плетутъ

одну косу, которая спускается къ таліи, голову увязываютъ стягишникомъ прямо на волосы, сверхъ котораго повязываютъ ширинку или платокъ, какъ и женщины. На стягишникъ больше употребляютъ красный шелковый платокъ. Сверхъ бешмета или фуфайки дѣвушки носятъ серебряный галунный поясъ. На шею вѣшаютъ палевые янтари, крупные и мелкіе, а также кораловыя и другія бусы съ припайкою къ нимъ серебряныхъ монетъ; носятъ также цѣпочки серебряныя, старинныя съ большимъ осмиконечнымъ крестомъ. Въ ушахъ носятъ серьги тоже старинныя, большія серебряныя съ чернью, а также и болѣе новой европейской работы. Фуфаекъ и бешметовъ бываетъ у каждой казачки шелковыхъ два, а ситцевыхъ и другихъ два и четыре, рубашекъ канаусовыхъ одна, шуба всегда одна праздничная и одна рабочая, послѣдняя овчинная.

Вообще гребенички любятъ одѣваться, но за то и берегутъ свою одежду. Нерѣдко можно встрѣтить гребеничку, одѣтую въ прабабушкину фуфайку, бешметъ или шубу; разумѣется каждая успѣваетъ и сама выработать деньги на атласную фуфайку. Гребеничка желаетъ нравиться, любитъ чистоплотность и хорошій нарядъ, но это нисколько ей не мѣшаетъ работать за двоихъ. Вотъ почему гребенички несравнимы съ другими русскими рабочими женщинами ни по развитію умственному, ни по своему труду.

XI.

Домашняя жизнь гребенички

Семейныя отношенія гребенички-снохи къ свекру, свекровя, деверямъ и золовкамъ, не представляютъ тѣхъ особенностей, какія мы видимъ вообще въ русскихъ семьяхъ. Здѣсь все основано на умственномъ и нравственномъ превосходствѣ человѣка: умная свекровь управляетъ домомъ и всѣми, а нѣтъ

ее—управляетъ всѣмъ сноха, сохраняя конечно притомъ должное уваженіе къ свекрови Здѣсь всѣ равны, и не равенъ только тотъ, кто не умѣетъ себя держать. Если золовка дружна со снохой, то послѣдняя часто обряжаетъ ее въ свой костюмъ: на свадьбу, вечеринку или хороводъ, а деверь холостой при добрыхъ отношеніяхъ можетъ расчитывать на сноху, что она его обошьетъ;—дальше этого трудно провести грань отношеній.

Веселымъ препровожденіемъ времени для молодицъ въ праздничные дни служатъ хороводы, лѣтомъ въ заповѣдномъ лѣсу (рощѣ), а въ остальное время года въ станицѣ у забора домовъ, на перекресткахъ улицъ. Сюда собираются разряженныя молодайки—женщины и дѣвицы всѣхъ возрастовъ, а также молодые парни и молодые служилые казаки. Развлеченія ихъ состоятъ въ грызеніи арбузныхъ сѣмячекъ, играніи на гармоникѣ, пѣніи пѣсенъ протяжныхъ и скоморошныхъ, танцевъ лезгинки подъ гармонику или мѣдный тазъ, а иногда, за неимѣніемъ всего этого, подъ звуки мѣднаго блюда и обтянутаго сомовой кожей бубна. Хороводы собираются въ 3 часа пополудни и расходятся изъ рощи въ 8 часовъ вечера, а станичныя въ это время расходятся по домамъ для замѣны дорогаго наряда простымъ ситцевымъ. Къ 9 часамъ онѣ снова собираются въ хороводъ и веселятся до 12 часовъ ночи.

Женщины гребенички при мужчинахъ не расчесываютъ своихъ волосъ; причесываніе головы при мужчинахъ считается большимъ стыдомъ, и если женщина, расчесывая голову, замѣтитъ мужчину—сейчасъ же закрываетъ платкомъ голову.

Женщины при встрѣчѣ съ мужчинами наклоняютъ голову, обязывая такимъ образомъ и мужчину приподнять шапку; если-же она замѣтитъ идущаго ей на встрѣчу мужчину, то останавливается, не переходя ему дороги и, пропустивъ его мимо себя, продолжаетъ идти своимъ путемъ.

П. Кулебякинъ.

СТАРИННЫЯ ПѢСНИ ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

1.

Не сѣрые гуси во полѣ гогочутъ,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клокочутъ,—
То Гребенскіе казаки передъ Царемъ гуторятъ,
Передъ Грознымъ Царемъ, Иваномъ Васильевичемъ.
Они самому Царю-Надежѣ говорятъ:
«Ой ты Батюшка, нашъ православный Царь,
«Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
—Подарю я васъ казаченьки, да пожалую
Рѣкой вольною, Терекомъ-Горыничемъ,
Отъ самаго гребня до синяго моря,
До синяго моря, до Каспицкаго.

* * *

2.

На рѣкѣ, на рѣчкѣ, братцы,
Было на Камышинкѣ;
Собиралися, съѣзжалися
Люди вольные,
Что Донскіе, Гребенскіе казаки,
Со-Яицкими.
Атаманомъ былъ у нихъ
Ермакъ-душа,
А по отчеству
Тимофѣевичъ.
Вотъ онъ рѣчь говоритъ,
Какъ въ трубу трубитъ:
«Вы думайте, ребятушки,
Да подумайте,
«Да меня Ермака-казака
Вы послушайте

«Вотъ проходитъ у насъ братцы,
Лѣто теплое,—
«Наступаетъ-то у насъ
Зимушка холодная.
«Да мы гдѣ же эту зимушку
Зимовать будемъ?
«На Яикъ-городъ идти,
Переходъ великъ
«На Казань-городъ идти,
Тамъ самъ Царь стоитъ,
«Тамъ самъ Грозный Царь—
Иванъ Васильевичъ.
«А на тихомъ Дону быть,
Намъ ворами слыть».

* * *

3.

Ой ты батюшка нашъ, батюшка,
Быстрый Терекъ ты, Горыничъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая; рѣчь хорошая.
Ты прорылъ-прокопалъ
Горы-крутыя, лѣса темные;
Ты упалъ Терекъ-Горыничъ
Во синее море, во Каспицкое,
И на устья ты выкатилъ
Бѣлъ-горючій камень.
Тутъ ишли прошли Гребенскіе казаки
Со батальицы
И что съ той-то со батальицы
Со турецкой;
Недошедши они до бѣлаго камушка,
Становилися;
Становились они дуванъ дуванили. *)
Что на каждаго доставалося,
По пять сотъ рублей,
Атаманушкѣ съ есаулами
По тысячѣ;

*) Добычу дѣлили.

Одного-то добраго молодца
Обдуванили; *)
Доставалась ему добру молодцу
Красна дѣвица,
Какъ приборъ то уборъ на той дѣвицѣ
Во пять сотъ рублей;
Коса русая во всю тысячу;
А самой-то красной дѣвицѣ
Цѣны нѣтути.

* * *

4.

Во матушкѣ во Россіюшкѣ,
Во Россіюшкѣ—въ кременной Москвѣ:
У крыльца то дворца было у Царскаго,
Часовой стоитъ, какъ свѣча горитъ
Слезно плачетъ, приговариваетъ:
«Вы подуйте вѣтры буйные,
«Пошатните горы крутыя, лѣса темные,
«Разнесите вѣтры царскую могилушку,
«Ты возстань—возстань нашъ Грозный Царь,—
«Нашъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ!
«Посмотри-ка ты на свою Россіюшку,
«Посмотри на свою армеюшку:
«Стоитъ она не по старому, стоитъ она не по прежнему;
«Ужъ усы то, бородушки всѣ повыбриты,
«Кудри длинныя, пообстрижены».....

* * *

5.

Что ни въ матушкѣ было во Россіюшкѣ
Во Россіюшкѣ было въ Москвѣ каменной,
Среди города было, среди стараго,
Среди стараго было Кремля-города.
Что на широкой было на площади,—
Собиралса тамъ стрѣлецкій кругъ.
На зорѣ было на зорюшкѣ,
На зорѣ было на утренней:

*) Обдѣлили.

Не ясенъ соколъ во пролетъ летитъ,—
То стрѣлецкій атаманъ да во кругъ идетъ,
Онъ идетъ-то идетъ не шелохнется,
Только черныя кудри развѣваются.
Подошелъ ко кругу ко стрѣлецкому
Онъ снялъ шапочку и поклонъ отдалъ;
Онъ поклонъ отдалъ, рѣчь возговорилъ:
«А ну кто же изъ насъ изъ стрѣльцовъ
«Къ самому Царю пойдетъ,
«Что съ повинною-ль, что съ покорною?
«Ужь я самъ пойду къ самому Царю
«И съ повинною и съ покорною.
«Я скажу ему—самому Царю:
«Не вели ты насъ православный Царь,
«Во тюрьму сажать, казнить-вѣшати,
«А вели ты мнѣ слово молвити:
«Прикажи ты намъ любой городъ взять
«Безъ свинцу твово и безъ пороху»!.....

* * *

6.

Какъ во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У славнаго у князя у Владиміра,
У солнышки у краснаго сына Всеславича,
Собирался пиръ-бесѣдушка
Честнохвальная да почетная.
Ужъ какъ пьютъ они да гуляютъ,
Князья-бояре проклаждаются
Межъ собой они похваляются:
Сильный хвалится своей силою,
Богатый хвалится богачествомъ,
А убогій Божьей милостью.
Лишь Владиміръ князь одинъ не хвалится
И какъ солнышко князь улыбается;
Держитъ рѣчь онъ свою ко бесѣдушкѣ:
Всѣ друзья мои братья поженилися,
Вся голытьба моя пересватана,
Одинъ я, добрый молодецъ, холостъ хожу
Холостъ хожу—не засватанный.....

* * *

7.

Года было тысяча семьсотъ пятаго, *)
Мѣсяца іюня въ числахъ двадцать пятыихъ,
Хвалился, собака, похвалялся,
Со многой силой собирался,
Захотѣлъ онъ двинуться въ Россію
Подъ славный подъ городъ подъ Полтаву.
Подкупилъ онъ русскаго Мазепа,
Да ужъ ему русскій Мазепъ не напрочилъ:
Повелъ онъ его не путемъ не дорогой,
Повелъ его топями да водами,
Морскимъ флотомъ, быстрыми рѣками.
Подходятъ ко рѣчушкѣ ко Морзѣ,
Стали черезъ рѣчку переправливаться;
Переправившись, становилися,
Шанцы, батареи повыставили,
Секреты-бикеты въ полѣ стали;
Какъ не въ далекѣ, въ далечѣ во чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ новая дороженька,
Какъ никто по ней да не хаживалъ,
Никто по широкой не ѣзживалъ;
Только шолъ-прошелъ по ней бояринъ большой,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ.
Онъ приполъ съ московскими полками;
Поймали они шведскаго маіора,
Поймали его, шельму, связали
И, связавши его, спрашиваютъ:
Ты скажи-скажи всю правду намъ,
Много ли у васъ силы то во корпусѣ?
Въ корпусѣ силы сорокъ тысячъ,
А въ городѣ во Полтавѣ смѣты нѣту.....

* * *

8.

Въ саду дѣвушки гуляли,
Со травы цвѣточки рвали,
Вѣночки плели
Всякая себѣ.

*) Исторически 1709 году.

На вѣнкахъ онѣ гадали,
Вѣнки въ воду побросали,
Чей вѣночекъ всплыветъ,
Ту и милый вспомянетъ.
Дѣвка росту небольшаго
Громкимъ голосомъ кричитъ:
Мой вѣночекъ тонетъ-тонетъ,
Мое сердце болитъ-ноетъ,
Мой вѣночекъ потонулъ,
Меня милый обманулъ.
Вокругъ дѣвушки сбѣжались,
Машу утѣшать старались;
Перестань Маша тужить,
Можно лучшаго нажить,
Можно полюбить другаго,
Казака младаго,
Съ черными бровями,
Съ ясными очами.

* * *

9.

Ты грушица-грушица моя,
Грушица зелена-садова,
Какъ подъ грушею свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Да разумны рѣчи говоритъ:
Нынче вѣдь такія времена—
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А у дѣвушекъ все дальніе друзья;
Дальній другъ—велика сухота,
Ближній другъ—свиданье завсегда.
Гдѣ бы мнѣ его случаемъ увидать,
Да въ глаза ему, злодѣю, попенять:
Обѣщалъ меня онъ до вѣку любить,
До вѣку до смертнаго часа,
А теперь покинулъ онъ меня.
Съ горя да кручины, молода
Я пойду ли во зеленыя луга,
Я сорву со травушки цвѣтокъ,
На головушку совью себѣ вѣнокъ;

Выйду я на Терекъ, на песокъ,
И спущу съ головушки вѣнокъ.
Тонетъ ли, не тонетъ мой вѣнокъ?
Тужитъ ли не тужитъ мой дружокъ,
На чужой далекой сторонѣ,
Во матушкѣ во каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россеюшкѣ?
Сталъ по Тереку вѣночекъ мой всплывать,
Сталъ меня мой милый вспоминать,
Во матушкѣ во каменной Москвѣ,
Во матушкѣ во Россеюшкѣ.

(Пѣсни 8-я и 9-я поются казачками при спусканіи вѣнковъ на Терекъ въ Духовъ день).

* * *

10.

Ты кручинушка, кручинушка моя,
Ты кручинушка—несносная тоска!
Никому свою кручину не скажу,
На ретивомъ на сердечкѣ схороню.
Подъ окошкомъ сиротинушкой сижу,
Сквозь стеколушко на милаго гляжу:
Ужъ ты миленькій, пригоженькій ты мой,
Ужъ ты миленькій—лазоревый цвѣтокъ!
Ты когда-то хаживалъ ко мнѣ,
Ты и хаживалъ и любливалъ меня,
А теперь не сталъ ко мнѣ ходить,
Пересталъ ходить, не сталъ меня любить.

(Поется во время масляницы «на погонялкахъ»).

* * *

11.

Расколися сырой дубъ
На четыре грани!
А кто любитъ чужихъ женъ,
Того душа въ раѣ
А кто дѣвушку полюбитъ,
Душѣ на спасенье,
А кто вдовушку полюбитъ,

Грѣхамъ избавленье,
Кто старушку обойметъ
—Лихорадка затрясетъ.
Шарилъ батюшка на лавкѣ,
Шарилъ и подъ лавкой,
Да немножко не дошарилъ
Возлѣ самой печки;
Возлѣ печки на лавочкѣ
На самомъ шесточкѣ,
Что на самомъ на шесточкѣ,
Въ самомъ уголочкѣ.

* * *

12.

По широкому двору,
По широконькому,
Ходитъ-гуляетъ господинъ Иванъ
Душа Артамонычъ,
Кличетъ—выкликаетъ
Онъ Авдотьюшку свою
Душу Андріановну:
Ты поди сюда, ты Авдотьюшка,
Душа Андріановна!
Я тебя люблю, я тебя люблю,
За походочку твою
За полеточку,
За ласковый разговоръ.
Твой веселый поцѣлуй,
Слово—молодца утѣшитъ,
Съ поцѣлуемъ веселитъ,
Да ты рѣчи говоришь,
Какъ лебедушка кричишь,
Да ты по двору идешь,
Ровно павушка плывешь,
Ровно сизынькая.

(Пѣсни 11-я и 12-я поются на свадьбахъ).

* * *

НОВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой:
Изъ набѣга удалаго
Ѣдутъ Сунженцы домой.
Много плѣнныхъ и добычи
Ими взято у враговъ;
Ихъ вождемъ воинъ могучій
Генералъ-маіоръ Слѣпцовъ.
Вотъ они ужъ близъ станицы
Ѣдутъ, скачутъ и поютъ;
Жены, старцы и дѣвицы,
Всѣ на встрѣчу къ нимъ бѣгутъ.
Градомъ сыплются вопросы
Изъ толпы со всѣхъ сторонъ
«Живъ ли мужъ мой и сыночекъ?»
»Живъ ли братецъ, гдѣ же онъ?»
Казаки всѣ веселятся
И спѣшатъ подъ кровъ родной;
Среди милаго семейства
Вкусить отдыхъ и покой.
Лишь одинъ казакъ не веселъ:
Онъ здѣсь круглый сирота,
Но чего его туманятъ
Грусть и горькая мечта?
Живъ ли онъ—никто не встрѣтитъ:
Милыхъ сердцу нѣтъ ему;
Живъ ли онъ—никто не спроситъ:
Онъ не нуженъ никому
Лучше-бъ легъ онъ въ бранномъ полѣ
И не ѣхалъ бы домой.
Все равно, его кончина
Не оплачется слезой.

* *
*

На смерть Слѣпцова.

2.

Что ты Сунженецъ не веселъ,
Беззаботный сорванецъ?
Что ты буйную повѣсилъ
Или пустъ твой гаманецъ?
Иль сердечная кручина
Завелася у тебя?
Иль измѣнница дѣвчина
Въ часъ условный не пришла?
Или съ братомъ распростился
Въ басурманскомъ ты краю?
Или же коня лишился
Въ прошломъ жаркомъ ты бою?
Это горе намъ не горе,
Не привыкли мы такъ жить,
Чтобъ по вѣтренной дѣвчонкѣ
Сокрушаться и тужить.
И потеря ближнихъ, кровныхъ
Такъ не тронула бы насъ:
Въ схваткахъ жаркихъ и кровавыхъ,
Мы теряли ихъ не разъ.
Съ смертью мы давно сроднились,
Шли на вѣрную не разъ;
Пули, шашки и кинжалы
Были шутками для насъ.
И орелъ нашъ славный, горный,
Онъ куда не залеталъ?
Изъ какихъ ущелій темныхъ
Онъ враговъ не выгонялъ?
И какая неприступность
Насъ могла-бъ остановить,
Когда нашъ побѣдоносецъ
Впереди всегда летитъ?
И врагамъ своимъ мы мстили
За ихъ старые грѣхи,
Со сторицей отплатили
Намъ какъ брали мы Гехи.

Онъ орломъ предъ нами мчался,
Самъ повсюду успѣвалъ,
Съ шашкою въ толпы кидался,
И дружину поощрялъ.
Изъ завала поразила
Пуля мѣткая его,
Наше счастье схоронила,
Жизнь отняла у него.
Хоть врагамъ мы отплатили
И прогнали далеко,
Но потеря командира
Въ грудь запала далеко.
Мы его несли на буркѣ,
Онъ едва уже дышалъ,
И, собравъ остатокъ силы,
Свою волю завѣщалъ.
Потомъ съ горестью простился
Съ полкомъ сунженскимъ своимъ,
Душой къ Богу обратился
И разсталися мы съ нимъ.
Храбро, весело, отважно
Было съ нимъ всегда служить,
Чтобы имени Слѣпцова
Намъ на вѣкъ не позабыть!
Какъ же братцы, намъ не плакать,
Какъ намъ горько не тужить:
Отца-друга командира
Кто намъ можетъ замѣнить?
Такъ помолимся же братцы,
Чтобы Царь и Воронцовъ,
Въ память храбраго Слѣпцова,
Не забыли удальцовъ.
И завѣтъ мы свой исполнимъ
Съ Предимировымъ *) впередъ,
Слова батюшки мы вспомнимъ
И, предъ нами все падетъ.

* * *

*) Предимировъ, за смертью Слѣпцова, вступилъ въ командованье полкомъ.

3.

За Терекомъ *) за рѣкою,
Въ басурманской сторонѣ,
Умирая послѣ бою
Воинъ слово молвилъ мнѣ:
Отнеси братъ въ край родимый,
Послѣ дружныхъ похоронъ,
Челобитную родимой
И родимому поклонъ.
А женѣ?—своя ей воля
Стать въ другой разъ подъ вѣнецъ,
Видно братъ моя недоля,
А женѣ не мужъ мертвецъ!
Вѣсть женѣ снеси такую,
Что женатъ я на другой,
Что съ другою вѣкъ свѣкую
Я подъ крышей гробовой.
Что за нею на погостѣ
Взялъ я каменный накатъ
Пуля сватала, а гости
Были ядря да булатъ.

* * *

4.

Къ дочери. **)

Еще съ младенчества лишилась
Ты ласки матери своей,
Чужою грудью воскормилась
И въ мірѣ нѣтъ семьи твоей.
Когда взростешь, тебя коснется
Людей правдивая молва,

*) Поется и «за Аргуномъ, за рѣкою». Слова этой пѣсни написаны урядникомъ Моздокскаго полка на смерть товарища, который, возвращаясь съ молодою женою отъ вѣнца и, еще находясь на паперти церкви, услыхавъ тревогу, бросился «на конь» и вскорѣ былъ привезенъ убитымъ.

**) Эта пѣсня сочинена Сунженскаго полка урядникомъ Сапкинымъ, убившимъ изъ ревности свою жену. Приговоренный судомъ за это преступленіе въ каторжную работу онъ умеръ во Владикавказскомъ военномъ госпиталѣ отъ чахотки.

И грустно въ сердцѣ отзовется,
Тогда услышишь ты слова:
Что мать твоя давно въ томъ мірѣ,
—Моей погублена рукой,
А я на каторгѣ въ Сибири,
Живу страдая подъ землей.
Тогда оставь свое жилище
И незамѣтно для людей,
Иди на общее кладбище
Къ могилѣ матери своей.
И тамъ, въ виду предъ небесами,
Отъ чистой ангельской души,
Поплакавъ горькими слезами,
Молитву теплую сверши.
И въ этомъ пламенномъ моленьи,
Ты незабудь просить Творца,
Чтобъ онъ простилъ за прегрѣшенья
Меня, несчастнаго отца!

*
* *

5.

Поѣхалъ далече казакъ на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ,
Свою Украину на вѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ отеческій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ поджидаетъ съ далекаго края,
Когда то къ ней милый казакъ прилетитъ.
Далеко отсюда, гдѣ вьются мятели
Трескучи морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казачія кости лежатъ.
Казакъ и просилъ и молилъ, умирая,
Чтобы насыпать курганъ въ головахъ,
Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольная пташка, сидя на калинѣ
Порой прощебечетъ она обо мнѣ
Какъ нѣкогда жилъ здѣсь казакъ на чужбинѣ
Онъ помнилъ о милой родной сторонѣ.....

* *
*

6.

Пыль клубится по дорогѣ,
Темной, длинной полосой,
Тамъ въ Червленной по тревогѣ,
Скачетъ полкъ нашъ Гребенской.
Скачетъ мчится точно буря,
Къ Гудермесу подскакалъ,
Гдѣ Казы-Мулла съ ордою,
Въ десять тысячъ его ждалъ.
Полкъ не дрогнулъ, увидавши
Эту силу предъ собой,
Шашки вынулъ и помчался,
На бой смертный съ той ордой.
Храбрый Волженскій, полковникъ
Первымъ врѣзался въ орду
И съ полкомъ онъ въ ней метался,
Точно будто бы въ чаду.
Всѣ рубились, на смерть бились
Удалые Гребенцы,
Храбрый Волженскій полковникъ
Кричалъ браво молодцы!
Орда дрогнула, бѣжала,
Мы помчались за ней,
Но ждала насъ тамъ засада,
Изъ отважныхъ всѣхъ людей.
Ту засаду мы разбили
И шли далѣе впередъ,
Но не знали, что въ оврагѣ
Насъ другая бѣда ждетъ.
Вмигъ сбиралися чеченцы,
Всѣ отважные бойцы,
Вотъ отъ нихъ то пострадали,
Тогда наши Гребенцы.
Залпъ раздался..... отвѣчали
Двумя пушками ему,
Бой отважный тутъ начался
Гдѣ забыли мы жену.
Гдѣ забыли матерей,
Сестеръ, братьевъ и отцовъ,

Только помнили одно
—Славу дѣдовъ Гребенцовъ.
Справа слѣва обходили,
Храбрый полкъ нашъ Гребенской,
Здѣсь Волженскаго убили,
Здѣсь то кровь текла рѣкой.
Враги думали, что можно
Всѣхъ въ могилу насъ сложить,
И, что больше безпокоить
Мы не будемъ уже ихъ.
Но не такъ свершилось дѣло,
Въ ту минуту съ Гребенцами,
Полкъ не дрогнулъ, пошелъ смѣло,
Искать путь себѣ началъ.
Полкъ рубился, на смерть бился,
Съ тѣмъ безчисленнымъ врагомъ,
Врагъ отъ страху разступился,
Путь открылъ передъ полкомъ.
Полкъ примчался къ переправѣ,
Что за Терекомъ была,
Тамъ кричали намъ солдаты,
Честь и слава Вамъ, ура!
Переправясь черезъ Терекъ,
По станицамъ разбрелись,
Кто веселый, кто съ слезами,
Тамъ мать съ сыномъ обнялись.
Въ Червленной встрѣтивъ убитыхъ,
Такъ сказали матеря:
«Мы привыкли видѣть жертвы,
«За любимаго Царя.

* * *

7.

На пріѣздъ на Кавказскую линію въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ 1850 году.

Съ краевъ полуночи, на полдень далекій
Могучій Державный орелъ прилетѣлъ

Окинулъ орлинымъ прозорливымъ окомъ,
Широкаго царства далекій предѣлъ.
Раздолья степныя, снѣжныя вершины
Покорнаго края гранитныхъ зубцовъ.
Измѣривъ въ полетѣ, слетѣлъ на долину,
На клики привѣта своихъ соколовъ.
Тебя мы Державный, давно ожидали,
Желали орлиный твой взоръ увидать,
Отъ коршуновъ хищныхъ поля очищали,
Чтобъ было просторно тебя принимать.
И славясь Тобою, мы лавры добыли,
На вражьемъ порогѣ ставъ твердой стопой,
И славы избытокъ своей подѣлили,
За новое имя съ безвѣстной страной
И съ силою новой, подъ сѣнью надежной
Хоругви отчизны и власти Твоей,
Мы двинемъ далеко предѣлъ порубежный
И твердою грудью заслонимъ своей.
Да здраствуй на славу Руси Православной,
На радость, на счастье своихъ соколовъ!
Прими Атаманъ нашъ могучій, Державный,
Сердечныя клики дѣтей-казаковъ.

Ура! Ура! Великому Царю.
Ура! Ура! Тебѣ богатырю.
Ура! Надежда славныхъ дней.
Ура! и всей семьѣ Твоей.

* * *

8.

На освященіе въ 1868 году георгіевскаго штандарта Всемилостивѣйше пожалованнаго Лейбъ-Гвардіи Терскому казачьему эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя.

Полнымъ сердцемъ торжествуя
Богу славу воздаютъ,
Предъ отцомъ Царемъ ликуя,
Терцы весело поютъ.
Говоритъ всѣ слава Богу
Нынѣ также какъ и встарь,

Нашу бранную тревогу
Не забылъ нашъ Государь.

Самъ своимъ Державнымъ словомъ
Онъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ въ бою суровомъ
Жизнь воспитывала насъ.

Гдѣ издревле наши дѣды
Прорубался въ горахъ,
Съ громомъ битвы и побѣды
Шли впередъ за шагомъ шагъ.

Гдѣ въ скалахъ въ лѣсахъ дремучихъ,
Горцы съ нами споръ вели;
Но у насъ въ рядахъ могучихъ
Отступленья не нашли.

—Смерть и раны презирали,
И въ свой смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали,
Чтобъ идти по ихъ слѣдамъ.

И въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ
Гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалося по ранѣ
И на братьевъ удальцовъ.

Вѣдь Кавказъ добыть не шутка,
Храбрый тамъ гнѣздился врагъ,
Приходилось часто жутко,
Крови стоилъ каждый шагъ.

Но забыты кровь и пламя,
Царь насъ милостью почтилъ,
И вотъ вѣрнымъ Терцамъ знамя
Изъ руки своей вручилъ.

Знамя Царское святое
Мы поднимемъ высоко,
И завѣтъ нашъ въ ретивое
Врѣжемъ братья глубоко.

Вѣрой, правдой, достославно,
Царскій тронъ оберегать,
Крестъ высоко православный
Надъ луною воздвигать.

Пусть склоняя взоръ свой къ Терцамъ,
Какъ отецъ къ своимъ сынамъ,
Царь возрадуется сердцемъ,
Сынъ спасибо, скажетъ намъ.

И. Сафоновъ.

* * *

9.

«Благодарю васъ за молодецкую службу при мнѣ, поручаю вамъ брата, берегите Его, а когда Онъ пуститъ васъ въ дѣло, то надѣюсь будете молодцами и не посрамите славы вашихъ отцовъ». *Слова въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го обращенныя къ эскадрону Собственнаго Его Величества конвоя, 12-го апрѣля 1877-го года.*

Съ Богомъ Терцы! не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ друзья,
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина врага!

Тамъ далеко за Балканы,
Русскій много разъ шагалъ,
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры славу добывать,
Смерть: за вѣру за Россію,
Можно съ радостью принять!

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, отецъ Державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.

Какъ онъ полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
«Берегите» сказалъ «брата»,
«Будьте каждый молодцемъ.

«Если нужно будетъ въ дѣло,
«Николаю васъ пустить,
«То идите въ дѣло смѣло,
«Дѣдовъ славы не срамить».

Съ Богомъ-же Терцы не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ друзья,
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина врага!

П. Кулебякинъ.

Привѣтъ Терскихъ казаковъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Всероссійскому.

Ура, Царю, Владыкѣ трона!
Ура и Царственной семьѣ!
Ура хранителю закона,
И всей родимой сторонѣ!

* * *

Прими Царь-Батюшка отъ Терца,
Въ избыткѣ вѣры и любви,
Ура! отъ искренняго сердца,
И духъ нашъ лаской оживи.

* * *

Мы шлемъ привѣтъ Тебѣ глубокій,
Что удостоилъ посѣтить
Съ своей семьей нашъ край далекій
И эти дни мы будемъ чтить.

* * *

Прими завѣтъ нашъ вѣковѣчный —
Наслѣдье доблестныхъ отцовъ:
«Служить Царю и вѣрѣ вѣчно—
Удѣлъ счастливый казаковъ.»

* * *

Мы вѣримъ, Царь, что Вседержитель
Былъ, есть одинъ всегда, вездѣ,
И Всероссійскій Повелитель
Одинъ быть долженъ на землѣ.

* * *

Скажи намъ, Царь, одно лишь слово.
И мы старъ-младъ изъ казаковъ,
Какъ въ дни былые, грудью снова
Пойдемъ по всюду на враговъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ

ОТДѢЛЪ.

КРАТКОЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Терское казачье войско занимаетъ 18650 квад. верстъ, но не въ одной сплошной части области, а чрезполосно съ землями другихъ народностей, простираясь преимущественно по лѣвому берегу Терека и его притоковъ Малки и Сунжи. Вся войсковая территорія въ количествѣ 1.949610 десятинъ распредѣлена слѣдующимъ образомъ: 1) отведено въ надѣлъ станичнымъ обществамъ удобной земли 1525859 десятинъ и 193699 дес. неудобной; на душу мужскаго пола приходится всей земли 22,8, въ томъ числѣ удобной 20,2 (лѣса 99800 дес., на душу 1,3 дес.); 2) осталось въ войсковомъ запасѣ 103534 дес. удобной и 6431 дес. неудобной—всего 109965 дес., въ томъ числѣ 25000 дес. лѣса; 3) въ собственность войсковыхъ офицеровъ отведено 116807 дес. удобной земли и 3280 неудобной—итого 120087 десятинъ.

Наибольшимъ земельнымъ надѣломъ пользуются станицы Кизляро-Гребенскаго и Горско-Моздокскаго полковыхъ округовъ, но количество этихъ надѣловъ не соотвѣтствуетъ качеству земли, такъ какъ въ первомъ изъ этихъ полковыхъ округовъ почти все пространство представляется въ видѣ сухихъ степей, съ переноснымъ пескомъ, или же—прирѣчныхъ болотъ и только сравнительно незначительная по пространству полоса, идущая вдоль лѣваго берега Терека, шириною въ среднемъ около 8—10 верстъ, весьма удобна для сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ. Въ Горско-Моздокскомъ полковомъ округѣ около половины всѣхъ земель тоже подъ песчаными бурунами. Станицы Сунженско-Владикавказскаго пол-

ковaго округа располагаютъ станичнымъ земельнымъ надѣломъ не свыше надѣла государственныхъ крестьянъ въ многоземельныхъ губерніяхъ Россіи. Эта ограниченность надѣла еще болѣе чувствительна для станицъ поселенныхъ по теченію р. Сунжи, имѣющихъ при мѣстахъ жительства лишь выгоны, пахотныя же и покосныя угодья—удаленными на 15-20 верстъ отъ станицъ по Алханъ-Чуртской долинѣ, между Сунженскимъ и Кабардинскимъ горными хребтами.

Земли занимаемыя Терскимъ казачьимъ войскомъ лежатъ между 42°57′ и 44°47′ сѣверной широты и между 12°2′ и 17°26′ восточной долготы. Представляя изъ себя въ окрестностяхъ Пятигорска волнистую мѣстность, территорія занятая Терскими казаками къ востоку переходитъ въ равнину, измѣняющуюся постепенно въ песчаную и безводную степь. Въ этой полосѣ растительность и культура возможны лишь по берегу р. Терека, да тамъ гдѣ существуетъ орошеніе. Въ тоже время, передвижные пески съ каждымъ годомъ уменьшаютъ количество земли удобной для воздѣлыванія и даже, отчасти, угрожаютъ виноградникамъ, доходъ съ которыхъ составляетъ главный рессурсъ жителей цѣлаго ряда станицъ. Еще болѣе къ востоку, по мѣрѣ приближенія къ морю, мѣстность становится низменной, болотистой, покрытой массой камыша и тростника. Здѣсь царство лихорадокъ и жители находятся въ постоянной борьбѣ съ болѣзнями и наводненіями.

Полоса земель по Тереку, до поворота его на востокъ, представляетъ котловину, перерѣзанную цѣлой массой быстронесущихся горныхъ рѣчекъ, выступающихъ изъ береговъ во время таянія снѣговъ и послѣ дождей. Розливы этихъ, въ обыкновенное время ничтожныхъ, рѣчекъ, зачастую уничтожаютъ посѣвы, и портятъ сообщенія.

Наконецъ, истоки рѣкъ Сунжи, Ассы и Камбилеевки лежатъ въ горахъ, изобилуютъ лѣсами, почти не годятся къ воздѣлыванію и мѣстность отличается суровымъ влажнымъ климатомъ; на рѣкѣ же Сунжѣ терпятъ отъ недостатка орошенія.

Главная рѣка, кормилица станицъ основавшихся, преимущественно, на лѣвомъ берегу ея, рѣка давшая свое названіе казакамъ и области—Терекъ вытекаетъ изъ главнаго Кавказскаго хребта и до Владикавказа имѣетъ характеръ горной рѣчки. Вступая въ равнину, Терекъ течетъ къ сѣверу и, затѣмъ, круто поворачиваетъ на востокъ, принявъ въ себя воды р. Малки, самаго значительнаго своего притока. Начиная съ г. Кизляра, Терекъ раздѣляется на цѣлый рядъ рукавовъ. Наибольшая ширина рѣки, включая и острова, доходитъ до 200 сажень; глубина различна; существуютъ броды, теченіе вообще быстро.

Въ послѣднее время были попытки проникнуть отъ устья вверхъ по теченію на мелкосидящихъ судахъ, но попытки эти, пока, не увѣнчались успѣхомъ. Рѣка богата рыбой. За исключеніемъ Малки, въ Терекъ впадаютъ: съ правой стороны Сунжа и нѣкоторыя другія рѣчки, съ лѣвой же —много притоковъ, впадающихъ выше Малки и, касающихся войсковыхъ земель своими низовьями.

Главный городъ Терской области и мѣстопребываніе Наказнаго Атамана Терскаго казачьяго войска, равно какъ и большинства административныхъ учрежденій войска, г. Владикавказъ; кромѣ того, на территоріи войска находятся слѣдующіе города: Пятигорскъ, Георгіевскъ, Моздокъ, Грозный и Кизляръ.

Въ административномъ отношеніи Терское казачье войско дѣлится на три отдѣла: Кизлярскій, Пятигорскій и Сунженскій; на основаніи же Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1882 года положенія, оно обязано выставлять слѣдующія строевыя части: два гвардейскихъ эскадрона, входящихъ въ составъ Собственнаго Его Величества конвоя, четыре трехъочередныхъ конныхъ полка, 4-хъ сотеннаго состава, двѣ конно-артиллерійскія батареи 4-хъ орудійнаго состава.

Штатная числительность выставляемыхъ войскомъ частей полагается въ 215 офицеровъ и 8855 нижнихъ чиновъ, при

10080 лошадей. Кромѣ того, въ войсковыхъ административныхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ состоитъ: офицеровъ и чиновниковъ 29 и нижнихъ чиновъ строеваго разряда 75 человѣкъ.

Изъ находящихся на службѣ 4-хъ первоочередныхъ полковъ: 1-й Кизляро-Гребенской, 1-й Волгскій и 1-й Сунженско-Владикавказскій составляютъ отдѣльную Терскую казачью бригаду и расположены въ предѣлахъ Терской области, для исполненія кордонной и охранительной службы, а 1-й Горско-Моздокскій входитъ въ составъ 1-й Кавказской казачьей дивизіи и находится въ Карсской области. Двѣ батареи расположены въ предѣлахъ войска. Одинъ гвардейскій эскадронъ—въ Петербургѣ, въ составѣ Собственнаго Его Величества конвоя, а другой на льготѣ.

На основаніи вышеупомянутаго Высочайше утвержденнаго положенія, всѣ казаки, достигшіе 18-ти лѣтняго возраста, зачисляются въ приготовительный разрядъ, во время состоянія въ которомъ обучаются и подготовляются на службу въ своихъ станицахъ и въ лагерныхъ сборахъ; затѣмъ, по достиженіи 21 года, переводятся въ строевой разрядъ и назначаются на дѣйствительную полевую службу, которую въ мирное время несутъ отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ, послѣ чего увольняются на льготу во 2-ю очередь, въ теченіи 4-хъ лѣтъ нахожденія въ которой обязаны имѣть обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе и строевыхъ лошадей и являться въ лагерные трехнедѣльные сборы, для практическихъ занятій; послѣ этого казаки перечисляются въ третью очередь, гдѣ строевыхъ лошадей уже не содержатъ, но на третьемъ году пребыванія въ этой очереди вызываются на три недѣли въ учебные сборы. По достиженіи 33-хъ лѣтъ казаки зачисляются въ запасный разрядъ, призываемый на дѣйствительную службу только въ военное время, для укомплектованія строевыхъ частей, а въ 38 лѣтъ—увольняются въ отставку. Кромѣ воинской повинности, войсковымъ населеніемъ отбываютъ-

ся еще повинности земскія и общественныя, заключающіяся: 1) въ содержаніи земской почты; 2) кордонныхъ и этапныхъ помѣщеній на станичныхъ земляхъ; 3) выставленіи обывательскихъ подводъ, для проходящихъ воинскихъ частей и командъ и 4) въ отводѣ имъ квартиръ и пастбищныхъ мѣстъ для лошадей. Сумма денежныхъ повинностей падаетъ расходомъ на казачье населеніе въ размѣрѣ 3 руб. 2 коп. въ годъ съ каждой души мужскаго пола,—на дворъ 9 руб. 7 коп., а на каждую десятину удобной земли, отведенной станицамъ —16 копѣекъ.

Къ 1-му января 1888 года населеніе Терскаго казачьяго войска состояло изъ 164516 душъ обоего пола, въ томъ числѣ жителей войсковаго сословія считалось 76971 мужскаго пола и 74934 женскаго, всего 151905;—6742 мужскаго и 5869 женскаго, всего 12611 лицъ другихъ сословій, проживающихъ въ казачьихъ станицахъ. Населеніе это составляетъ 20341 семью, изъ которыхъ 18075 войсковаго сословія и 2266 постороннихъ. На каждую семью войсковаго сословія приходится среднимъ числомъ по 8,4 душъ, на постороннюю же 5,56 душъ обоего пола. Всѣхъ дворовъ или самостоятельныхъ хозяевъ считается въ станицахъ войска 26807, изъ нихъ 25164 принадлежатъ войсковому населенію и 1643 постороннимъ обывателямъ. Кромѣ того, имѣется въ войскѣ 154 казачьихъ хуторовъ, съ населеніемъ въ 1130 дворовъ и 40 хуторовъ постороннихъ обывателей, съ 243 дворами.

По вѣроисповѣданіямъ все вообще населеніе Терскаго казачьяго войска распредѣляется слѣдующимъ образомъ: православныхъ 137564, единовѣрцевъ 351, раскольниковъ 25475, армяно грегоріанъ 226 и римско-католиковъ 109; а всего христіанъ 163725. Кромѣ того: евреевъ 166 и магометанъ 625, итого иновѣрцевъ 791. По отношенію къ общему числу населенія войска, православные и единовѣрцы составляютъ 83,83%, армяно-грегоріане и римско-католики 0,20%, раскольники 15,49% и иновѣрцы 0,48%.

Наибольшее число раскольниковъ-старообрядцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, находится въ Кизляро-Гребенскомъ полковомъ округѣ.

Въ станицахъ войска считается 68 православныхъ храмовъ, 1 единовѣрческая церковь, 3 единовѣрческихъ молитвенныхъ дома, 1 молоканскій и 1 баптистскій, 23 старообрядческихъ молелень и 5 скитовъ.

Финансовыя средства Терскаго казачьяго войска заключаются въ опредѣленныхъ закономъ источникахъ дохода, изъ которыхъ удовлетворяются всѣ потребности войска, какъ административныя такъ и хозяйственныя. Источники эти главнымъ образомъ заключаются: 1) въ пособіяхъ изъ государственнаго казначейства, взамѣнъ питейнаго сбора и доходовъ отъ торговли; 2) въ оброчныхъ статьяхъ; 3) въ процентахъ на суммы, находящіяся въ кредитныхъ учрежденіяхъ и въ долгахъ и 4) въ сборахъ съ казаковъ неслужилаго разряда, за увольненіе ихъ отъ строевой службы.

Общая сумма доходовъ за 1887 годъ 336351 руб.

Кромѣ общаго войсковаго капитала, въ вѣдѣніи войсковаго хозяйственнаго правленія состоятъ, по разряду спеціальныхъ средствъ, слѣдующія суммы: 1) Булгаринскій капиталъ, оставшійся выморочнымъ послѣ смерти полковника Булгарина 14151 руб. 19 коп.; 2) Слѣпцовскій—образовавшійся изъ остатка отъ суммъ опредѣленныхъ на сооруженіе памятника генералу Слѣпцову—6640 руб 81 коп.; 3) пожертвованные генералами: Скобелевымъ 3276 р., Тутолминымъ 2000 р. и княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ 3061 р. 46 к., для оказанія изъ процентовъ пособій бѣднѣйшимъ казакамъ. Всего спеціальныхъ средствъ состоитъ 29129 руб. 46 коп. Станичныхъ суммъ къ 1-му января 1888 года состояло 131900 р.

Учебныхъ заведеній, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, содержимыхъ на войсковыя суммы въ Терскомъ войскѣ не имѣется, за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, но въ учебныхъ заведеніяхъ Владикавказа и Ставрополя существу-

етъ опредѣленное число войсковыхъ стипендій и, кромѣ платы за обучающихся, на войсковой капиталъ относится часть общаго содержанія реальнаго училища и женской гимназіи во Владикавказѣ, а также гимназіи въ Ставрополѣ

Кромѣ того, войско имѣетъ двѣ стипендіи въ московскомъ университетѣ, одну въ московскомъ техническомъ училищѣ, одну въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, три въ кадетскихъ корпусахъ и одну въ Бурашевской школѣ пчеловодства Императорскаго вольно-экономическаго общества.

Станичныхъ начальныхъ училищъ 75, въ томъ числѣ женскихъ 6.

Учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1887 году было 5, въ томъ числѣ стипендіатовъ войска 3; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 71 мужскаго и 42 женскаго пола, изъ нихъ стипендіатовъ войска было 80 обоего пола.

Въ станичныхъ училищахъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось 3238 мужскаго и 619 женскаго пола.

Расходъ на народное образованіе, въ теченіи 1887-го года, состоялъ изъ 33802 руб. изъ войсковыхъ суммъ, что составляетъ 10,2% общей суммы годовыхъ расходовъ.

Изъ станичныхъ общественныхъ средствъ, на содержаніе станичныхъ училищъ израсходовано въ этотъ же періодъ 33849 руб. или 12% общаго станичнаго расхода.

Изъ естественныхъ произведеній, земли Терскаго войска производятъ: пшеницу, рожь, ячмень, овесъ, кукурузу, просо и въ изобиліи виноградъ, дыни, арбузы и подсолнечники.

Главнѣйшія отрасли сельско-хозяйственной промышленности населенія Терскаго казачьяго войска составляютъ: хлѣбопашество, скотоводство, винодѣліе, рыболовство, пчеловодство и въ 4-хъ станицахъ Сунженско-Владикавказскаго полковаго округа лѣсной промыселъ.

Въ теченіи 1887-го года Терскими казаками посѣяно:

	Посѣяно.	Собрано.	Самъ.
Хлѣбныхъ растеній . .	95.783 чет..	458.128 чет.	4,8
Картофеля	8.189 чет.	46.604 чет.	5,7
Льна и конопли . . .	4.129 чет.	12.052 чет.	2,9

Огородничество среди казаковъ развито лишь настолько, насколько необходимо для удовлетворенія своихъ домашнихъ потребностей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пригородныхъ станицъ Сунженско-Владикавказскаго и Волгскаго полковыхъ округовъ, въ которыхъ оно доставляетъ еще незначительную статью дохода. Въ Горско-Моздокскомъ и Кизляро-Гребенскомъ полковыхъ округахъ занимаются еще въ значительныхъ размѣрахъ разведеніемъ арбузовъ и арбузныхъ сѣмянъ на продажу.

Винодѣліемъ болѣе всего занимается населеніе Кизляро-Гребенскаго полковаго округа, въ которомъ въ 1887 году собрано винограда 752.677 пуд. или 84,8% общаго его сбора въ войскѣ. Винодѣліемъ въ этомъ округѣ занимаются во всѣхъ станицахъ (за исключеніемъ Николаевской и Грозненской.) Слѣдующее мѣсто по добычѣ винограда занимаетъ Горско-Моздокскій полковой округъ, гдѣ добыто 110136 пуд., или 12,4% всего сбора, причемъ виноградарствомъ занимались лишь 9 станицъ.

Въ водахъ протекающихъ по надѣламъ станицъ, населеніемъ выловлено въ 1887 году красной рыбы 4048 пуд. и черной 4102 пуд.

Кромѣ рѣчнаго рыболовства, населеніе Кизляро-Гребенскаго полковаго округа имѣетъ привиллегію безпошлиннаго лова рыбы въ войсковыхъ водахъ Каспійскаго моря. Войсковыя морскія воды, кромѣ того, приносятъ арендной платы 15100 рублей въ годъ.

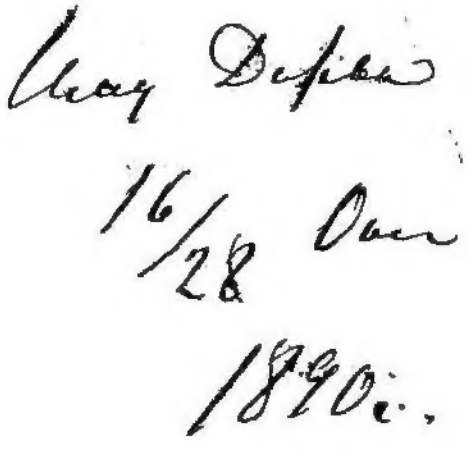
Продуктовъ пчеловодства вырабатывается на 42877 р.

Къ 1-му Января 1888-го года количество скота у войскового населенія было: лошадей 30747, воловъ 60462, ко-

ровъ 81619, телятъ 60230, овецъ и козъ 189025. На каждыя сто душъ войсковаго населенія приходится: рабочаго скота вообще крупнаго 114 и мелкаго 164 головъ. Полагая средній дворъ, какъ отдѣльное хозяйство войсковаго сословія, состоящимъ изъ шести душъ получимъ на дворъ 16 головъ разнаго скота, въ томъ числѣ рабочаго 3,4 гол.

Заводская промышленность въ войскѣ выражается слѣдующими цифровыми данными: въ войскѣ состоитъ заводовъ: сыроварень одна, кирпичныхъ и черепичныхъ 43, кожевенныхъ 11, винокуренныхъ 10, гончарныхъ 1, маслобойныхъ 47, лѣсопильныхъ 2, мыловаренныхъ 1, колесныхъ 8, извѣстковыхъ 5, и кромѣ того, мукомольныхъ мельницъ 397.

Число торгующихъ въ станицахъ Терскаго казачьяго войска въ теченіи 1887 года было 360 на сумму 789308 рублей.



ОГЛАВЛЕНІЕ

Историческій отдѣлъ: Стр.

1. Піонеры русскаго владычества на Кавказѣ . . . 1.
2. Очеркъ трехвѣковой жизни Терскихъ казаковъ . . 7.
3. Разсказъ гребенца Ивана Демушкина о походѣ князя Бековича-Черкасскаго на Хиву въ 1717 году 41.
4. Геройская оборона Наурской станицы въ 1774 году 44.
5. Бывшія военныя поселенія на военно-грузинской дорогѣ . . . . . 47.
6. Сусловское дѣло . . . . . 67.
7. Дѣятельность Слѣпцова въ 1850—51 годахъ . . . . 72.
8. Участіе Терскаго казачьяго войска, въ войнѣ 1877—78 годовъ . . . . . 145.
9. Вѣдомость знаменамъ и другимъ знакамъ отличія Терскаго казачьяго войска . . . . . 178.
10. Хронологія важнѣйшихъ событій исторической жизни Терскихъ казаковъ . . . . . 198.
11. Наказные Атаманы Кавказскаго Линейнаго и Терскаго казачьихъ войскъ . . . . . 202.

Бытовой отдѣлъ:

1. Изъ быта Кизляро-Гребенскихъ казаковъ . . . . 205.
2. Гребенцы . . . . . 231.
3. Пѣсни . . . . . 258.

Географическо-статистическій отдѣлъ:

1. Краткое географическо-статистическое описаніе Терскаго казачьяго войска . . . . . 279.